

"В огне аргентинского танго"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

В огне аргентинского танго

«Отчего у нас в России такая тяжелая, неприглядная ранняя весна? Кажется, что зима все тянется и тянется и конца ей не будет и края. Вроде уж и морозов нет, но промозгло, тоскливо и неудобно. И эти черные, какие-то сиротские голые ветки деревьев, выпростанные в низкое свинцовое небо, размякшая темная земля... А грязные подтаявшие сугробы, у которых такие острые, льдистые края, словно когтистые лапы издыхающих чудищ, которыми они цепляются за эту мокрую, черную землю и никак не хотят сдаваться?! А холодный, пронизывающий ветер?! Все уныло и так безнадежно, словно ничего хорошего впереди».

Сидя на заднем сиденье машины, откинув голову на подголовник, Лиза смотрела на пролетающий за окном безрадостный пейзаж. Тоскливые, угнетающие мысли так соответствовали ее сегодняшнему настроению.

«Даже самая поздняя осень не вызывает такой тоски, как эта ранняя весна. Может, потому, что осенью еще жива память о недавнем лете и еще горячи воспоминания и звенящая летняя легкость бытия. Да и осень сама красивая с ее багрянцами, взрывом красок, тонкостью какой-то душевной. И потом, как только холодней становится, там и снежок полетел, еще совсем молодой, белый, красивый и радостный. И зиму ждешь в предчувствии праздника, ведь впереди Новый год и всякие снежные развлечения вроде лыж, коньков и снеговиков со снежками. А к весне этот снег, плотно присыпанный городской грязью, реагентами, мусором и собачьими какашками, осточертел уже по горло, и на лыжи ты хорошо если пару раз встал за сезон, коньки так и вовсе с антресолей не доставал за суетой вечной и ленью. И уже скорей бы тепло, а оно никак не наступает, и все новогодние каникулы давно прошли, а впереди единственный и самый большой праздник - лето! А никак - холод, зябкость, черная земля, черные деревья, грязные сугробы, ветер холоднющий и вечная российская тоска...»

Вдруг совершенно неожиданно сквозь низко зависшие тучи, настойчиво предупреждавшие, что вот прямо сейчас непременно хлынет дождь, прорвалось, совсем на чуть-чуть, уже скатывающееся за горизонт солнышко, одним живучим, прощальным, но настойчивым лучиком, который лег Лизе на щеку, согрел, и она улыбнулась и даже пальцами потрогала его теплоту на коже.

«Зато солнце уже совсем другое! - оптимистично возразила она своим унылым рассуждениям. - Уже припекающее, высокое и, если выходит, пробивается из-за туч, то сразу чувствуешь, как пригревает! И чего я в негатив-то ухнула? Весна же все-таки! Еще немного, и расцветет все вокруг, и как зазеленеет! Ну в самом деле, чего я раскисла, а?»

Причина имелась, и вполне себе неприятная и грустная, но о ней думать совсем не хотелось. Скорее так: больше уже не хотелось - сколько можно! И так последние два дня Лиза только об этом думала и размышляла - о маленькой девочке Настеньке.

«Хватит», - остановила себя девушка. В голове бесконечно прокручивались мысли о Настюше, о ее сложных родственниках, варианты того, что можно сделать, чтобы разрешить непростую ситуацию на благо ребенка.

«Ну, действительно, хватит! - разозлилась она на себя. - Сколько можно! Ты же уже решила, что делать и какие предпринять шаги, хватит это бесконечно мусолить! Между прочим, ты едешь на большой праздник, и не фиг тащить туда свои и особенно чужие проблемы!»

Да, семейное торжество!

И Лиза разулыбалась, вспомнив виновника большого семейного сбора – любимого деда Антона.

Первое Лизино воспоминание о дедушке – это его большие, теплые, сильные и очень надежные руки. В детстве она была ужасной непоседой, могла день напролет бегать, прыгать, скакать, лазать везде, особенно там, где строго-настрого запрещалось взрослыми, носилась «как оглашенная», по меткому выражению бабушки. Такая необычайная энергичность ребенка, разумеется, весьма сильно напрягала и держала в тонусе окружающих – ну, а как упадет, ушибется, разобьется. Всяческие ужасы, составляющие детский травматизм, предполагались всеми взрослыми после первых же минут общения с неугомонной Лизой.

Родители постоянно находились в готовности «номер один»: хватать, спасать – и вечно ее останавливали, вылавливая из разных труднодоступных мест, куда она умудрялась залезть, осваивая и познавая мир с особым рвением. Своим детским обостренным чутьем ребенок эту настороженность взрослых всегда ощущал, особенно, когда ее брал кто-то на руки и, как правило, удерживал и прижимал к себе гораздо сильнее, чем требовалось. И маленькая Лиза, считывая нервность взрослых, нервничала и напрягалась в ответ.

Странное дело, но Лиза до сих пор помнит те свои, почти младенческие ощущения, такая вот уникальная память. И точно знает, что только в руках деда Антона она чувствовала абсолютную защищенность, спокойствие, теплую уютность и, как ни странно, – свободу. Он позволял ей выделывать любые кульбиты и кренделя, никогда ничего не запрещал, а только посмеивался всем ее выкрутасам, вовремя подстраховывая и поддерживая.

Ну, еще бы! Долгое время Лизавета являлась самой младшей внучкой в семье, к тому же дед всегда хотел девочку, и чтобы она была похожа на его любимую жену Асеньку. А тут и девочка в их мужском царстве, да к тому же младшенькая, и на бабушку похожа, как по заказу. Баловали ее все, а в особенности дед, уж он ей позволял все и никогда не ругал, что бы ни вытворила.

Вот это ощущение абсолютной защищенности и полной свободы, исходящее от него, от его улыбки, уверенности, от его большого тела и сильных рук, Лиза чувствовала и помнила всю свою жизнь.

После «Беды», как называли в семье ту далекую трагедию, целых полгода маленькая Лиза могла спокойно заснуть только на руках у дедушки, так что деду с бабулей пришлось на какое-то время переехать к внучке.

А еще она помнила его запах. Аромат смолистых бревен, доброго домашнего огня, мужской запах чистой кожи и мыла «Таежное». И это был такой родной, потрясающе прекрасный аромат – беззаботного, счастливого до неба детства, который не сравнится никогда и ни с чем.

Дед ужасный чистюля и в чем-то большой педант. Каждое утро он отводил полтора часа зарядке, Лиза помнила, как просыпалась под сосредоточенное сопение и пыхтение в соседней комнате, где дед Антон делал упражнения. И она выбиралась из постельки и бежала ему мешать, а он только посмеивался ее баловству, не прерывая своих занятий.

После зарядки по расписанию всегда обязательная прогулка бодрим темпом по окрестностям, после которой дед долго и с удовольствием намывается в душе, всю жизнь признавая только мыло «Таежное», которое по нынешним временам не очень-то и найдешь. Последний раз дядя Андрей «надыбал» этот артефакт черт-те где – где-то на Севере, в леспромхозном сельпо, куда его занесло в одну из командировок. Так он купил и привез деду целый ящик, правда, не полный «боекомплект», а без трех уже купленных кем-то брусочков:

- Вот, папа, теперь надолго хватит! - порадовался сынок, доставая из багажника, не поверите: настоящий деревянный ящик с мылом. Такие, наверное, еще во времена Отечественной войны делали. А этот совсем новенький, и дерево не потемнело.

- Посмотрим, - усмехнулся дедушка.

А еще дед имел уникальное хобби - он вырезал всякие замысловатые фигурки из дерева, очень красивые, иногда как настоящие произведения высокого искусства. Маленькой Лизе разрешалось играть ими сколько и как ей заблагорассудится: этому ребенку в доме бабушки и дедушки позволено все. Они с бабулей целые кукольные представления устраивали, даже писали какие-то незамысловатые сценарии, шили для этих фигурок костюмы всякие и потом разыгрывали перед зрителями спектакли.

И теперь деду Антону исполняется девяносто лет!

Девяносто!

И так удачно эта красивая дата выпала - на субботу, как подгадал прямо, когда родиться. Вот и собирается родня и близкая, и дальняя, и друзья его из тех, кто жив еще. Отец Лизы и дядя Андрей, его родной брат, с женами уж неделю, как там находятся, готовят торжество. Не простые посиделки за накрытым столом, а целое представление, с поздравлением от городских властей и Совета Ветеранов, с концертом и еще какие-то мероприятия, Лиза не вникала. Ну, во-первых, большая часть этих приготовлений являлась сюрпризом для гостей, а во-вторых, организация масштабных мероприятий никогда не числилась в ряду ее интересов и талантов.

Но начиная с прошлой пятницы и по сегодняшний четверг она постоянно улыбалась, когда звонила Надя, жена отца, или сам отец и рассказывали, как идут приготовления. Улыбалась, представляя себе радостно-удивленные лица деда и бабули, и испытывала теплую, немного щемящую грусть. Грусть по своему прекрасному, бесшабашному, свободному и такому короткому, слишком рано закончившемуся, счастливому детству.

А оно у неё было абсолютно счастливое - любящие родители и совершенно потрясающие бабушка с дедушкой!

Это целая великолепная, чудесная история - лето у бабушки с дедом! В их замечательном доме на берегу притока реки Цны, утопающем в пене яблоневого цвета! Несколько дней перед отъездом превращались для Лизиных родителей в сплошной кошмар - дочь носилась по квартире, собирала свои вещи и игрушки, требовала ехать «прямо сейчас и немедленно» и изводила их бесконечными вопросами, когда же они уже поедут, в самом деле!

Ну вот, свершалось! Папа сажал дочку с женой в старенький «Фордик», и они ехали в Тамбов. Всю дорогу Лиза смотрела в окно и громко сообщала родителям, что интересного увидела. А когда начинались знакомые места, отбоя не было от ее непрекращающегося требовательного вопроса:

- Мы скоро приедем?

Мама закатывала глаза к небу и разводила руками, изображая бессилие перед этим напором, а папа посмеивался и каждый раз отвечал:

- Совсем скоро.

И когда, наконец, это «совсем скоро» все-таки наступало, Лизка, с восторженным визгом

пробежав по дорожке, мощенной круглыми деревянными большущими спилами от калитки до дома, влетала в распахнутые двери, ее переполняло такое счастье, что от переизбытка чувств она хохотала и прыгала, и носилась по всему дому, и кидалась обниматься и целоваться со всеми, и кричала о своей любви и радости! И взрослые, заражаясь ее энергией и неумным, брызжущим во все стороны детским счастьем, начинали громко смеяться, обниматься, на ходу что-то бестолково спрашивая и отвечая. Потом все шумно усаживались за щедро накрытый стол.

У нее потрясающая бабушка! Удивительная! Она такая женщина! Женщина в высшем понимании этого слова! Это океан женственности, какой-то милой, нежной беззащитности и утонченности. Оказываясь рядом с ней, все мужчины, независимо от возраста и социального положения, сразу же становятся суперменами, подтягивают животы, распрямляют спины и готовы на что угодно, чтобы оградить эту женщину от страшного мира. Каждый жест, каждое ее движение, взгляд выразительных карих глаз, дыхание наполнены этой истинной женской сущностью, грацией, какой-то загадкой и доверием к мужчинам. Уникально. Сейчас таких женщин практически нет. Ведь при всей кажущейся хрупкости, нежности и этой особой женской беззащитной доверчивости бабушка – человек невероятно сильной воли и мужественности. Но вся ее жизнь окружена и наполнена истинно женскими вещичками, знаниями и тайнами.

Этот неповторимый запах и дух дома, который бабушка Ася соткала, как волшебство, состоял из позабытых песен, кружевных воротничков на милом платье, горячей сдобы с ванилью и корицей, пасхальных куличей и капустного пирога. А еще в нем было немного увядающих роз, лаванды и миндаля, и почти выветрившихся духов «Шанель № 5», и еле различимая нотка мастики, которой натирали паркет... Старые выцветшие фотографии в замысловатых рамочках, виниловые пластинки и плетеные кресла, теплые пледы ручной вязки и милые подушечки в тон к ним, кресло-качалка возле уникальной печи-камина, на котором лежит оставленная бабушкой воздушная шаль, а рядом на полу плетеная корзинка с клубками, спицами и вязанием... Голос Вертинского из старого проигрывателя, бабушкина помада и кремы на ее старинном трюмо в спальне, ее маленькие туфельки в гардеробной комнате, залетающие летом, через открытые окна-двери лепестки цветущих яблонь, большой сундук с ее «тайнами», как она в шутку называет хранящиеся там всякие памятные, дорогие ей вещички, и еще много разных ноток и нюансов, составляющих жизнь бабули и бесконечно очаровывающих Лизу своей загадочностью, этой самой истинной женственностью и умением так наполнять свою жизнь смыслом, красотой и сказочным уютом.

И еще лампа с большим зеленым абажуром над круглым столом.

Этот зеленый абажур – вещь в их семье легендарная.

Бабушка с дедом перевозили его с собой в каждое новое жилье. Долго выбирали место, где будет стоять большой круглый стол, причем им не всегда являлся центр комнаты. Только бабушка Ася понимала и знала, где именно должен стоять семейный стол. Мужчины в лице деда Антона и двух ее сыновей никогда не спорили, не задавали лишних вопросов, а молча делали новую проводку, чтобы торжественно повесить над столом лампу под абажуром.

Но как же замечательно сидеть всей большой семьей под этим загадочным зелёным светом, который, будто обволакивая, окружает вас, словно заключает в магию безопасного семейного круга. Как мистика, тайна.

Как встреча бабушки с дедушкой...

Антону Потапову исполнилось семнадцать лет, он только что закончил школу, когда началась война. Весь его класс, двадцать два мальчика и девять девочек, отправились в военкомат записываться добровольцами на фронт. Их не взяли, сказали, что подрасти всем еще годик надо, а сейчас и без них разберутся, ведь через месяц, максимум два Красная армия разобьет немцев и погонит до самого Берлина, где и прикончит врага в его логове. Дети загрустили и отправились по домам, а Антон, прямиком из военкомата зашагал в другую сторону – поступать в известное летное училище.

В то довоенное, насыщенное до звона в сердце патриотизмом время одним из главных увлечений молодежи была авиация, гремевшая своими достижениями, спасательными операциями полярников, дальними перелетами через океаны и легендарными летчиками. Разве мог не увлечься этим романтическим героизмом красавец-здоровяк Антоша Потапов, первый заводила, генератор безумных идей и еще более безумного воплощения их в жизнь, головная боль всех учителей, неугомонный, бесстрашный, бесшабашный придумщик и безоговорочный лидер класса?! Разумеется, он занимался в аэроклубе, и летал, и прыгал с вышки с парашютом, и закончил учебу, налетав кучу часов и освоив самые сложные фигуры полета из тех, которые им преподавали.

И естественно, что в летное училище его приняли сразу. А через полгода всех добровольцев, в том числе и одноклассников Антона, уже брали на фронт без всяких вопросов и отсрочек – не удалось Красной армии справиться с врагом за два месяца. Антон ужасно переживал, что его друзья уже воюют с фашистами, бьют врага, защищают Родину, а он вынужден сидеть тут, в тылу, и рвался воевать, учился, как одержимый, чтобы стать первым, а по ночам писал друзьям письма на фронт.

Из всего их класса в живых осталось три девочки и два мальчика – он и Петька Бармин. Все полегли.

В сорок втором и Антон уже воевал. И прошел всю оставшуюся на его долю войну. Всю. Полной мерой! До Берлина и чуть дальше.

Дважды горел в самолете, четырежды прыгал с парашютом из подбитой, падающей машины, один раз приземлился за линией фронта с простреленной ногой и добирался к своим двое суток, ранений разной степени тяжести не перечить, контузия.

Выжил. Чудом, скорее всего, или хранил кто.

Демобилизовался он в чине майора и вернулся на родину, в свой город Тамбов. Ни родных, ни близких – мама умерла еще до войны, в тридцать девятом, от крупозного воспаления легких, а отец с братом сгинули на войне, он на них похоронки в один день получил, и друзья детства там же все остались.

Вернулся, а квартира, в которой жила его семья, занята эвакуированными. Требовать выселения или права свои качать Антон не стал, пошел в жилконтору, где его поблагодарили за понимание, клятвенно пообещали, что личные вещи семьи ему отдадут в целости и сохранности, и выдали ордер на комнату в коммуналке, пустую, грязную, с разбитым окном и серыми облупившимися стенами. Из всей «обстановки» – колченогий стул.

«Ничего, обживусь, – оптимистично решил бравый майор, – крыша над головой есть, а там жизнь наладим!»

Пошел в магазин и купил матрас, самый широкий, который мог найти, так ему хотелось спать вольготно, намаявшись за войну на узких казенных койках. А вот кровать двуспальную найти

не удалось, так он не растерялся, заказал у столяра, которого встретил на рынке. И после первой же ночи, проведенной на полу на матрасе, на сквозняке, нещадно тянувшем от разбитого окна к огромной щели под дверью комнаты, разболелся так, что попал в госпиталь.

К утру у Антона поднялась температура под сорок. Он кричал и метался в потном бреду, находясь все еще там, в непрекращающемся бою. Соседи, с которыми он так и не успел толком познакомиться, перепугались ужасно, услышав посреди ночи громкие крики, пытались его разбудить, прикладывали мокрое полотенце к голове, обтирали холодной водой, а когда поняли, что дело совсем плохо, вызвали врача, и Антона, так и не пришедшего в сознание, увезли в госпиталь.

Ася родилась в Москве. Ее папа работал начальником отдела кадров на большом известном заводе, а мама врачом в ведомственной больнице того же завода. В тридцать седьмом году их арестовали, папу вскоре расстреляли, а маму отправили в лагеря на двадцать пять лет. Не перенеся этого горя, бабушка, мамина мама, с которой осталась Ася, умерла от инфаркта через два месяца. Девочку отдали в детдом для детей репрессированных.

В октябре сорок первого их детский дом эвакуировали, да только без Аси. Случилось так, что за два дня до эвакуации она сильно заболела. Один малыш из младшей группы, забавный и непоседливый пацан, свалился в фонтан, из которого за суетой сборов и по недосмотру завхоза позабыли спустить воду. Ася единственная находилась недалеко и видела, что случилось. Она, конечно, кинулась спасать ребенка. Мальчишка перепугался и все хватался за нее, мешая, и она слишком долго ковырялась в воде, оскальзываясь, падая, снова поднимаясь. Пока дотащила пострадавшего до корпуса, пока объясняла, что случилось, пока мальчишку срочно раздевали, растирали и переодевали, за суетой все как-то позабыли, что и Асе не мешало бы согреться. Она, разумеется, переоделась, растерлась насухо и даже горячий чай выпила, но оказалось поздно - к вечеру поднялась температура, а к утру Ася уже лежала в тяжелой горячке.

Асенька, хоть и была маленькой, миниатюрной девочкой, казавшейся хрупкой фарфоровой статуэткой, но на здоровье никогда не жаловалась. Напротив, никакие хвори ее не брали, она была первой бегуньей по лыжам среди всех, и закалялась, обливаясь холодной водой, как научила ее одна из воспитательниц. И ни разу не болела. Никогда.

А тут такое! И непонятно почему, не так уж и холодно было. Не в Баренцево же море она, в конце-то концов, упала зимой, подумаешь, фонтан, воды по пояс, да еще тепло было...

Но что случилось, то случилось.

И возникла большая проблема. Детский дом уже вывозят, а она мечется в горячке. С собой девочку везти нельзя, в больницу ее брать категорически отказались.

- Да вы что! - возмущалась главврач детской больницы, куда привезли на «неотложке» Асеньку. - Сами ждем эвакуации со дня на день, немец в ста километрах. Да и не возьму я ребенка репрессированных. Вы уедете, а мне что прикажете с ней делать, если она поправится? Этим детям положено находиться в закрытых учреждениях! Вот там пускай и находится!

Привезли ее обратно в детдом. Вообще-то умирать - все понимали, что без надлежащего лечения и ухода у ребенка нет шансов. А какой там уход, этот ребенок был только обузой и не нужен никому... Скорее всего, Асю так и отвезли бы в какой-нибудь изолятор милиции, но тетя Зина, нянечка из детдома, заботливая, всегда жалевшая всех деток, вызвалась остаться с

девочкой и присмотреть за ней. Все взрослые понимали, что «присмотреть» означает только одно: дождаться, когда ребенок умрет. Выдали тетя-Зине каких-то медикаментов, продукты на десять дней, выделили в помощь сторожа, старого татарина, и оставили с девочкой в опустевшем детском доме.

Но Ася не умерла. Двое суток металась в бреду и поту, но невероятным, чудесным образом выжила, пришла в себя. Сердобольная тетя Зина выходила ее и поставила на ноги. А вместе с выздоровлением поднялся и вопрос: что дальше? Куда девать ребенка?

- В Тамбов поедem, родственники у меня там, - решила тетя Зина. - Надо отсюда уезжать, детка, нельзя нам здесь.

- Как же мы уедем? - засомневалась уже много чего понимающая в этой страшной жизни детдомовца девочка. - Разве мне можно вот так с кем-то уехать, а органы?

- Я придумаю что-нибудь, есть у меня один знакомый, - пообещала загадочно тетя Зина.

Что там был за знакомый, для Лизы так и осталось навсегда тайной, но нужные документы и разрешение Зинаида Макаровна выправила, да и, правду сказать, в те страшные первые месяцы войны, когда немец рвался к Москве, сея вокруг панику и ужас, никому дела особого не было до маленькой заболевшей девочки, отставшей от эвакуированного детдома.

Так они оказались в Тамбове с тетей Зиной, ставшей волей судьбы в тот момент для Аси единственным близким человеком. Их приютила двоюродная сестра тети Зины, и она же помогла устроить девочку в обычную школу, а на следующий год - поступить в медучилище, договорившись со своими знакомыми, работавшими там, что девочку примут на общих основаниях.

В четырнадцать лет Асеньке выдали койкоместо в общежитии, и с этого момента началась ее взрослая самостоятельная жизнь. Очень трудная и совсем голодная жизнь. Но тетя Зина подопечную не забывала, помогала, чем могла, иногда подкармливала. Так и выжила Асенька.

А в сорок пятом она уж практику в госпиталях должна была проходить, но тут возникло одно неприятное препятствие - главврач того госпиталя, куда ее направили по распределению, категорически отказалась брать девушку на работу:

- Мне здесь дети врагов народа не нужны! Как вас вообще в медицину взяли?! Да мало ли что у вас на уме! А у нас тут препараты, наркотические средства, больные, в конце концов, все военнoслужащие!

Пришлось Асе самой искать себе место работы. И ее взяли в первом же госпитале, куда она обратилась. Замечательная женщина Василиса Васильевна Донская, великолепный хирург и главный врач госпиталя, тяжело вздохнула, выслушав историю девочки, устало потерла ладонью лицо и сказала:

- Я тебя беру, мне кадры нужны, у меня две медсестры замуж за выздоровевших пациентов повыскакивали и укатили с мужьями. А насчет врагов народа, так ты наверняка и сама все знаешь. Закрыты вам многие дороги, в этом моя коллега права. Но меня можешь не бояться.

А Ася уже ничего не боялась - такого натерпелась за годы после ареста родителей, такую школу выживания прошла, что уже ничего не боялась. Даже смерти.

Жить ей было негде, тетя Зина умерла в сорок четвертом от сердечного приступа, и только

тогда Ася узнала, что этой замечательной женщине было уже за шестьдесят и она давно страдала сердечными болями, только не говорила никому. Осталась Ася совершенно одна. Двоюродная сестра тетя-Зины, хоть и сочувствовала сиротке, но у самой жизнь нелегкая, свои проблемы, и приبلудная девочка ей была совершенно не нужна – перекрестила, дала кусочек хлеба и попрощалась навсегда.

По правилам Асе полагалось общежитие, но она оставалась ущемленным в правах элементом, а мест в общежитии всегда не хватало... Помогла Василиса Васильевна: распорядилась, чтобы для новой медсестрицы поставили койку в закуточке под черной лестницей, где Ася и устроилась со своим небольшим узелочком с вещами. Спать практически не приходилось, медперсонала не хватало, вот и звали ее всякий раз помогать, когда запарка в госпитале случалась. А случалась она постоянно.

Как-то в одно из ночных дежурств Асеньку срочно вызвали в приемный покой – привезли тяжелого пациента. Первое, что подумала Ася, войдя в кабинет, что этому пациенту повезло – принимала его Василиса Васильевна, а она гениальный доктор, она таких больных спасала, совсем безнадежных, вот какой доктор! Вообще-то главврачу не положены ночные дежурства, но Донская частенько задерживалась в госпитале после своей смены, порой и до утра оставалась.

Когда Ася посмотрела на больного, у нее перехватило что-то в груди и сердечко застучало быстро-быстро, она даже ручку к груди прижала, удивившись, что это с ней такое происходит. Он был весь такой большой – высокий рост, широкие плечи, большие руки-ноги, – чувствовалась необыкновенная сила и мощь в этом человеке, который метался в бреду, размахивая руками, крутил головой и что-то выкрикивал. Санитарки Петровна и Ольга Павловна еле удерживали его, чтобы он не свалился со смотрового стола.

- Ася, что ты застыла! – громко окликнула ее Василиса Васильевна, выдергивая из минутного замешательства. – Успокоительное, срочно!

- Да! – кивнула Асенька и кинулась исполнять приказ.

Она сделала укол и стояла рядом, и все смотрела на него, пока его раздевали санитарки, а Василиса Васильевна внимательно прослушивала фонендоскопом его легкие.

- Что с ним? – почему-то шепотом спросила Асенька.

- Что? – доктор погладила больного по мокрому от пота, всклоченным волосам. – Война с ним, Асенька. Война, которая была и которая закончилась. Мальчишка ведь совсем, двадцать один год, а полголовы седая, три тяжелых ранения, контузия... Психика и организм человека так устроены, Асенька, что в моменты наивысшего напряжения, опасности, трудных обстоятельств он мобилизуется, как бы собирается весь, игнорируя раны, болезни, травмы, а в мирное время словно отпускает себя, и недолеченные ранения, боль, болезни обостряются все разом. Мальчишки глупые геройствовали, сбегали на фронт из госпиталей, не пройдя полный курс реабилитации, до конца не долеченные, истощенные постоянным многолетним напряжением, ранениями. У этого вон смотри, – она указала на воспалившийся страшный рубец на боку, – видно же, что шов расходился и его снова зашивали, значит, сбежал в часть, как только швы сняли, а уж в полевом госпитале новые наложили. Ему двадцать один, а он майор, вон документы. – Она кивком головы указала на стол, продолжая успокаивающе гладить парня по голове. – Орденов, медалей на всю грудь, значит, не щадил себя, лез в самое пекло... – она вздохнула горестно. – Вот ведь мирная жизнь началась, а они умирают.

- А он... - задохнулась от внезапного страха Асенька и приложила испуганным неосознанным жестом руку к горлу.

- Не знаю, Ася, - не стала успокаивать Василиса Васильевна. - Тяжелый он, нужна срочная операция, но делать ее пока нельзя, слишком высокая температура, и сбивать ее препаратами тоже нельзя. Замкнутый круг. Будем пытаться сбить температуру как-то иначе и ждать. - Она еще раз тяжело вздохнула, взяла парня за руку, проверила пульс, сверяясь с ручными часами, и повторила: - Ждать.

Асенька осталась дежурить у постели больного, обтирала его, меняла холодное полотенце на голове, впрыскивала камфору, смачивала губы. Он что-то бормотал неразборчивое.

- Уходи, Борька, уходи, я прикрою!!! Пятый, сзади заходят!!! - различала среди горячего бреда девушка.

Он пытался вскочить, Асенька наваливалась на него всем своим худеньким тельцем и шептала ему что-то в ухо, он успокаивался ненадолго, замолкал, а потом снова начинал метаться. Пришла Василиса Васильевна, посмотрела показатели, последнюю температуру, помрачнела, тяжело вздохнула, назначила еще один препарат и ушла, ободряюще погладив Асю по плечу.

В какой-то момент парень вдруг замолчал и перестал метаться. Ася перепугалась чуть не на смерть, быстро наклонилась совсем близко к его лицу, положила руку ему на лоб и вдруг позабыла дышать, неожиданно встретившись с ним взглядом... Он смотрел на нее удивительными светло-зелеными глазами и молчал какое-то время, а потом прохрипел пересохшим от жара горлом, с трудом произнося слова:

- Васька... Ано-хин... говорил... - замолчал, явно мобилизуя какие-то силы в себе, и закончил фразу: - А я... не верил.

- Что? - шепотом спросила Ася, неотрывно глядя в эти измученные зеленые глаза.

- Что есть... ангелы, - объяснил он и попытался улыбнуться. - Ты ангел...

- Я не ангел, - пыталась объяснить Ася, - я медсестра. Вы в госпитале, и у вас высокая температура, - и попросила: - Вы, пожалуйста, Антон, не сдавайтесь. Ни за что не сдавайтесь. Боритесь с болезнью. - И без всякого разрешения две крупные, тяжелые слезы выкатились у нее из глаз и потекли по щекам.

- Не плачь... ангел, - все-таки ему удалось немного улыбнуться. - Я не сдамся... Ты... только... не уходи. Держи меня... крепко. Держи.

И он раскрыл просяще ладонь, и Ася тут же вложила в нее свою маленькую руку и торопливо пообещала:

- Я не уйду. Я все время буду здесь.

Но он уже не слышал, сжал ее ладонь в своей большой руке и снова погрузился в беспомощность. Только теперь он больше не метался в бреду, и через какое-то время Ася пальцами почувствовала, как начинает спадать у него температура.

- Ну, как тут у вас, Ася? - спросила, тихо подойдя сзади, Донская.

- Василиса Васильевна, по-моему, у него температура спадает, - улыбнулась ей Асенька и

рассказала, как пациент приходил в себя и почему он держит ее руку.

Через час температура спала настолько, что больного Потапова смогли забрать на операцию. Вот только руку Асеньки он так и не отпустил. Она и не хотела, даже боялась, что отпустит, ей казалось, что он держится сейчас за нее, как за ангела, который вытягивает его из смерти в жизнь. Так и простояла всю операцию рядом с ним, а потом сидела возле койки и даже заснула ненадолго, положив голову ему на живот. А проснувшись, первым делом испугалась, не выдернула ли во сне свою ладонь из его руки.

Нет, не выдернула, так и держала.

Они заходили от солнца, и оно слепило его, било прямо в глаза, но их он видел отчетливо – шесть черных «мессеров». Они шли друг на друга – строй на строй, и бой завертелся с такой скоростью, что порой Антон не успевал крутить головой. Солнце шпарило через стекло кабины, гимнастерка вся промокла и прилипла к телу, лицо заливал горячий пот, легкие сипели, втягивая обжигающий воздух в себя, но он не обращал на это внимания. Он «сбросил» с хвоста преследовавшего его «мессера», сделал вираж, дал очередь... Вражеский самолет крутанулся, успел уйти от прямого попадания, но Антон его таки достал, достал – вон задымил правая плоскость – все, этот выбыл! Молодой летчик огляделся вокруг – на хвосте у Борьки «сидело» двое, он крутился, как мог, но они его плотно взяли в клещи.

- Восьмой, уходи, прикрою!! – прокричал Антон.

- Понял тебя! – отозвался Борька.

Но его плотно обложили, живым выпускать не собирались. Антон сделал крутой вираж, вклиниваясь, оттягивая на себя одного из «мессеров». Но другой успел выпустить очередь по Борькиной машине.

- Боря, уходи!!! Уходи немедленно! – прокричал Антон, забыв про позывной.

- Попали в меня, командир, руль плохо слушается! – отрапортовал Борька.

- Тяни, Боря, тяни!!! Мы их уведем!!!

И тут он понял, что его самолет горит, и огонь уже добрался до него – было так горячо, как в пекле, о котором когда-то рассказывала бабушка. Антону казалось, тело сейчас расплавится, глаза слезились, и было больно дышать иссушенным горлом. Но там его ребята и подбитый Борька, и надо его спасти, спасти... нельзя выходить из боя, все равно уж пропадать! Надо спасти...

И как благодать снизошла, на его воспаленный, горящий лоб кто-то положил прохладную руку и куда-то стал отодвигаться бой, в котором Антон все еще горел в самолете и стрелял. И почему-то оказалось очень важно увидеть, чья рука так живительно холодит его лоб, и он открыл глаза и оказался в каком-то другом месте, не в небе, где шел смертельный бой, и первое, на что натолкнулся взглядом, это огромные обеспокоенные светло-карие глаза. Эти неправдоподобно большие распахнутые от удивления и какого-то неземного сострадания глаза смотрели на него с милого девичьего личика, обрамленного, как ореолом, пушистыми кудрявыми локонами.

«Ангел, – подумал Антон, разглядывая это лицо. – Странно, Васька говорил, что ангелы бесполое, но всегда образ у них мужской, а это девушка».

Он не помнил, что говорил ей, и не помнил, что она отвечала, но, услышав ее голос, Антон совершенно уверился – это и на самом деле ангел, и проваливаясь в беспамятство, последней мыслью он подумал, что она обещала его держать и не отпускать в темноту...

Значит, он не уйдет, нельзя ее подводить. Нельзя обманывать ангела, он ведь тоже ей обещал...

Он с трудом разлепил глаза, казалось, что веки стали чугунными, горло было сухое, как пустыня, и немилосердно хотелось пить. Антон увидел лицо пожилой женщины, склонившейся над ним.

- Пить хочешь? – заботливо спросила она и, не ожидая никакого ответа, поднесла к его губам стакан с водой и приговаривала, пока он жадно пил: – Вот так, вот и молодец, не помер, в жизнь повернул.

Он хотел спросить у женщины, куда делся тот ангел, но не стал, ведь никто, кроме него, не видел это дивное явление, да и, наверное, нельзя никому про такое рассказывать.

Приходила, осматривала и расспрашивала его строгая доктор, молодая медсестричка делала какие-то уколы, пожилая накормила Антона бульоном, он засыпал, просыпался или его будили, опять что-то кололи и кормили. А потом он проснулся и снова увидел эти глаза, смотревшие на него.

- Ангел, – прошептал Антон и улыбнулся.

- Я не ангел, я Ася Ольшанская, медсестра, – строго ответила девушка и поправила на нем одеяло. – Вам пора принимать лекарства.

- Ася, – произнес он, смакуя звук. – Ольшанская, – улыбался он ей. – Вы меня спасли.

- Не я, а доктор Василиса Васильевна, она вас оперировала, а я просто держала вас за руку, – возразила девушка, и у нее покраснели щеки от смущения.

Он ничего не сказал, рассматривал ее внимательно. Она оказалась совсем миниатюрной, с маленькими ладошками. У нее были большие светло-карие глаза, не такие огромные, как показалось ему в бреду, но большие и невероятно выразительные на милом женственном личике, и на самом деле обрамленном пушистыми кучеряшечками и маленькими локонами, непослушно выбивавшимися из плотно заплетенной косы, заправленной под белую сестринскую косынку.

Все! Хватило нескольких секунд, чтобы Антон Потапов полюбил и понял, что это его судьба, его женщина на всю оставшуюся жизнь.

Асенька Ольшанская замороженно и молча рассматривала мужчину, видела, как меняется выражение его светло-зеленых глаз, и понимала все, что он думает сейчас, словно они разговаривали без слов, и знала, что это ее единственная любовь, и что никакой смерти она его не отдаст.

Они поженились, как только его выписали из госпиталя, и прямо из ЗАГСа Антон привел молодую жену в свою пустую комнату с матрасом на полу, кривобоким стулом и разбитым окном. И они хохотали как сумасшедшие над неприглядностью этого жилья, а потом отправились на рынок к столяру за кроватью, которую им обещали принести к вечеру. А вернувшись, обнаружили в своей комнате соседей – кто-то вставлял стекло в раму, кто-то мыл

полы, кто-то врезал задвижку в дверь. И выяснилось, что женщины на кухне, сдвинув столы, накрывают немудреное угощение, чем уж могли от голодной жизни, прознав откуда-то про их свадьбу. Антон выставил на стол весь свой офицерский паек, чем превратил скудное угощение в настоящий пир по тем временам, кто-то сбегал за водкой, кто-то уже и баян принес, и начался настоящий праздник. Так что свадьбу они таки сыграли, заодно сдружившись со всеми соседями.

Асенька ужасно смущалась и боялась первой своей взрослой ночи с мужем, но их любовь преодолела все, сделав эти моменты сказкой, островком счастья посреди голодной, ужасающей своей убогостью и бедностью жизни. Правда, и с материальным положением вскоре стало полегче: Антон получил большие деньги, которые копились все те годы, что он воевал, – боевые за сбитые самолеты, и это позволило им обустроить достойный быт, приодеться как-то и отложить деньги на учебу, к тому же Антону вернули вещи их семьи.

Но первое, что они купили в дом, был тот самый легендарный зеленый абажур. На нем уже, наверное, сто раз меняли обшивку, всегда подбирая такую же точь-в-точь ткань и бахрому, но этот символ их семьи всегда с ними.

Наша жизнь соткана из перекрестков судьбы, на которых мы, или кто-то над нами, решаем, куда идти дальше, и эти выборы и обстоятельства накрепко цепляются звеньями друг за друга, одно вытекая из другого, приводя к тому, что мы имеем и чем живем в настоящем. Из тысячи тысяч, миллионов обстоятельств, поступков и дел, наших и других людей, перемешиваясь и соединяясь, ткуются полотна наших жизней.

Эти двое не должны были встретиться никогда.

Их жизни протекали в разных галактиках. Она – дочь хозяйственника высокого ранга, проживала в Москве в большой квартире. С домработницей, между прочим. Он – мальчик из простой семьи рабочего и учительницы младших классов из Тамбова.

Где Тамбов, а где Москва номенклатурная!

Затем ее положение меняется. Теперь она дочь врагов народа, детдомовка, а для таких детей одна перспектива – какая-нибудь ремеслуха, распределение подальше от Москвы на стройки века или завод. Если родственники не заберут и не побеспокоятся, а о ней некому было беспокоиться, кроме мамы, сидевшей в ГУЛАГе.

Если бы не война, он бы отучился в летном училище, куда и собирался поступать после школы, и служил бы совсем не в тех местах, где проистекали стройки коммунизма советских времен, на которой наверняка оказалась бы Асенька.

Если бы Ася не заболела и если бы не тетя Зина, то она никогда не попала бы в город Тамбов и не оказалась бы рядом с Антоном Потаповым в тот момент, когда он умирал. И выжил бы он? Попро-о-о-ос.

И что хорошо, что плохо в цепи этих событий и обстоятельств?

Репрессии, война, смерти, ранения, перелопаченные, исковерканные жизни – плохо, трагично, горе... но ведь не встретились бы они при других обстоятельствах...

Когда начинаешь об этом задумываться всерьез и пытаешься проследить хоть небольшую часть из цепи жизненных обстоятельств, складывающихся в судьбу какого-нибудь человека, то порой становится по-настоящему страшно – насколько все взаимосвязано и насколько мы все

связаны невидимыми нитями и перемешаны и участвуем в событиях жизни друг друга. Даже совершенно незнакомые нам люди в других городах и странах могут повлиять на то, что случается с нами здесь и сейчас, конкретно в нашей жизни. А вдруг что-то в этой цепочке пойдет не так, и ты не станешь тем, кем мог бы, и твоя судьба сложится совершенно иначе, чем могла, и не встретишь того единственного...

Они были по-настоящему красивой парой – большой, мощный Антон и маленькая, женственная, миниатюрная Асенька, хрупкая и похожая на девочку. Они до сих пор красивая пара. У них очень долго не было детей, и они уже смирились с этим и решили: что ж поделаешь, значит, будут жить друг для друга, и совсем неожиданно, через тринадцать лет, родился мальчик Андрей, а еще через шесть лет, когда Асе было тридцать шесть, таким же сюрпризом появился Гриша. Хотя все врачи хором запрещали Асеньке рожать.

В прошлом году у бабушки прихватило сердечко, да так серьезно, что она в больницу попала. Вся родня срочно приехала спасать, переполошившись не на шутку.

- Ты что, бабуль, - оставшись с бабушкой вдвоем в палате, попеняла ей Лиза, - ты зачем нас всех так пугаешь. Не вздумай тут умирать!

- Сейчас не умру, - отмахнулась бабушка. - Любовь пока держит, так что поживу.

- Это в каком смысле держит? - удивленно спросила Лиза.

- Как в каком, в самом прямом, - улыбнулась бабуля. - Мы же с Антошей оба понимаем, что ни я без него, ни он без меня жить не сможем, да и не захотим. Зачем. А он у меня молодцом, бодрый, да и я не сдаюсь. Это так, сама виновата, перетрудилась и за него испугалась сильно, когда он чуть с лестницы не упал.

Лизу тогда так поразили эти слова, что она еще долго о них думала, осмысливала и даже возмущаться не стала бабушкиным «не сможем, да и не захотим». В десятом году вся семья отмечала шестьдесят пять лет их совместной жизни, устроив им большой праздник, и они светились оба от радости и так смотрели друг другу в глаза, так смотрели...

Они не смогут и не захотят...

Лиза улыбалась, погружившись в свои воспоминания про дедушку с бабушкой и размышления об их жизни, удивительной любви и преданности. Наверное, это можно было бы назвать сказкой, если бы только их жизнь не являлась невероятно трудной и тяжелой, с постоянным преодолением каких-то немыслимых обстоятельств. Ася, кстати, все-таки смогла пробиться в мединститут и стала педиатром, а дед тридцать лет отслужил в гражданской авиации. И как ужасно трудно и голодно они жили в годы учебы, и потом куда только их жизнь не забрасывала: и на Север, и в Казахстан, и в Монголию. И каждый раз на новом месте бабушка умудрялась создать уютный теплый дом, даже в барачном закутке, в котором они как-то прожили целый год. Это только уйдя с работы и выйдя на пенсию, они вернулись в Тамбов и купили дом в пригороде, где окончательно осели.

Чего только они не прошли вдвоем и не пережили!

«Да... - думала Лиза, - любовь держит...» Она снова посмотрела в окно, отметив, что так глубоко задумалась, завоспоминалась, что и не заметила, как стало совсем темно. «А все-таки здорово, что мы к ним едем! Да, едем!» И тут она кое-что сообразила, окончательно возвращаясь в действительность, и задала естественный вопрос:

- Эй, господа, вы что там примолкли и шушукались? Кто-нибудь объяснит мне, почему это понадобилось выезжать именно сегодня, в четверг, и отпрашиваться на пятницу, а? И почему дети не с нами?

- Ну, Лизка-а-а, - наигранно обиженно застонал Кирилл. - Не могла ты там еще помечтать? Так хорошо сидела, тихонько, думала себе о чем-то, в окошко смотрела.

- Нечего причитать, гони денежку! - оборвала его стоны жена родная Маня и протянула руку.

Кирилл, не выходя из роли обиженного страдальца, тяжело вздохнув, достал портмоне из нагрудного кармана и протянул его жене.

- Вечно я из-за тебя попадаю, Лизка, - поворчал он.

- А не фиг на меня забиваться, сколько раз тебе говорить! - рассмеялась Лизавета. - О чем хоть спорили в этот раз?

- Когда ты спросишь, почему мы поехали сегодня, а не завтра. - И Маня, демонстративно вытащив тысячную купюру из портмоне, победно потрясла ею перед лицом мужа, убрала в сумочку и развернулась к Лизе на переднем сиденье. - Я сказала, через два-три часа дороги, Кирилл настаивал, что только когда на место приедем. Такое ощущение, что это не он твой брат, а я родная сестрица. Каждый раз, когда о тебе спорим, он проигрывает, словно я, а не он тебя с младенчества пестует и знает.

- А может, ему просто нравится таким образом тебе денежки проигрывать, ну и давать возможность погордиться собой, такой вот заботливый муж, - рассмеялась Лиза.

- Поняла! - назидательно поддакнул Кирилл. - Ты Лизавету слушай, она хоть и самая младшая в семье, зато умная-я-я - жуть!

- А кто спорит? - игриво подхватила Маня.

- Э-э! - призвала их к порядку Лиза. - Вы попозже друг с другом пофлиртуете, ладно? Повторяю вопросы: почему потребовалось бросить все, отпрашиваться на работе на пятницу и почему дети не поехали с нами?

- Ну-у-у... - протянул загадочно и не слишком оптимистично Кирилл. - Мы заедем в одно место, переночуем там, а утром поедем к нашим.

- Какое место, Кирюша? - как у малого неразумного дитяти спросила Лиза.

- Да так, в Тамбовской области, нам почти по пути, - вился ужом вокруг конкретики братец.

Есть у него такая манера - ходить вокруг да около, напускать «туману» и увиливать от прямого ответа на вопрос, особенно, когда этот вопрос не из приятных. Порой Лизе казалось, что она старше его лет на пятьдесят, когда он вот так начинал ни с того ни с сего чудить, случалось с ним такое, иногда такие глупости совершал - ой-ей-ей! Или, как сейчас, заклинивало, и он заигрывался в загадочность. И ведь серьезный мужчина, отец двоих детей, начальник отдела крупного предприятия, а туда же, в детский сад тянет!

- Маня! - строго потребовала ответа у невестки Лиза.

- Пусть сам объясняет, - почему-то ушла от вопроса Мария.

- Кирилл?

- Ну что ты, ей-богу! - повысив голос, предпринял попытку наехать братец и стрельнул в нее настороженным взглядом в зеркало заднего обзора. - Просто заедем к другу, подарки завезем. У него там красота такая, в баньке попаримся.

Маня выразительно хмыкнула на последнее замечание мужа, выразив явное недоверие его словам, даже развернулась на сиденье и демонстративно уставилась на дорогу. А Лизу такая демонстрация насторожила.

Маня у них женщина уравновешенная, по-житейски мудрая и всегда, в любой ситуации сохраняет спокойствие и трезвый ум. Кириллу очень повезло с женой, она идеально уравновешивала его сложный беспокойный характер.

И если она вот так хмыкнула...

- Так! - разозлилась Лиза. - Что происходит? Куда мы едем?

- Да к Протасову, к Протасову едем! - недовольно признался Кирилл.

- К ко-му?.. - обалдев от такого заявления, по слогам переспросила Лиза.

- К Глебу Протасову, - уже скинув пары, ворчливо подтвердил Кирилл. - И чего ты так прямо удивилась? - Он снова посмотрел внимательно на нее в зеркало и пояснил: - Мы же тебе несколько раз рассказывали, что он все бросил в Москве, купил участок с домом в деревне. Можно сказать, в дауншифтинг подался, только у него не совсем чтобы «даун» и не совсем чтобы «шифтинг» получился. Мы тут с мужиками ему для сельской жизни кое-что купили серьезное, у него ведь день рождения грядет, вот решили подарить, да и он кое-что сам нам заказывал. Не ближний свет из Москвы ехать, он специально в эдакую тьмутаракань забрался, чтоб не доставал никто. А у нас как раз okazия такая удачная образовалась.

- Поэтому мы и детей с собой не взяли, они завтра с моими родителями поедут на поезде, - вставила Маня.

- Все это прекрасно, но зачем вы меня-то с собой потащили? Я бы тоже завтра на поезде или на своей машине, - возрпнула Лиза. - Я-то вам на кой в этой встрече друзей?

- Лизонька, - снова развернулась к ней корпусом на сиденье невестка. - Это я настояла. Тебе давно надо хорошо отдохнуть, ты со своей занятостью уже на собственную тень похожа, а не на девушку. А там у Глеба и на самом деле места потрясающей красоты, просторы, тишина такая, аж звенит. Да и не в этом дело, я подумала: ну, хоть один денек еще у тебя будет для отдыха, ты выспишься в тишине и на прекрасном воздухе, а то у дедушки с бабушкой в доме целый десант высадился, и покоя нам не видать.

- Звучит прекрасно, - без всякого энтузиазма заметила Лиза. - Но, уверена, что лично меня Глеб Максимович не приглашал и уж точно не ожидает увидеть такой «сюрпризец». И вряд ли ему обрадуется.

- Лиз, - снова нервно повысил голос Кирилл, - вот мне совершенно непонятно, что там между вами могло произойти и почему вы стали вдруг друг друга недолюбливать и сторониться. Ты утверждаешь, что ничего не случилось, он тоже говорил сто раз, что все в порядке, когда я его спрашивал. И тем не менее, выяснив, что где-то можете пересечься, кто-нибудь из вас да линиял с мероприятия, чтобы не столкнуться. Ты думаешь, этого никто не заметил? Мы,

например, с Маней заметили и так и не поняли, с чего это вдруг, вы же прям дружили, когда ты маленькая была. И я никогда не слышал, чтобы он высказывал к тебе неприязнь, и никогда не слышал, чтобы Глеб как-то негативно отзывался в твой адрес, а ровно наоборот, всегда относился с уважением и симпатией. А сейчас это вообще не имеет никакого значения, после того, что у него случилось. – Он помолчал немного. – Для него вообще многое перестало иметь значение, и уж тем более какие-то старые недопонимания и раздоры. У него совсем другая жизнь теперь, но думаю, Глебу приятно будет с тобой встретиться, не так часто к нему кто-то приезжает.

– А он приглашает приезжать, кого-то в гости зовет? – удивилась Лиза.

– Нет, – после небольшой паузы честно ответил Кирилл и посуровел лицом.

И в машине повисла тягучая тишина. Надолго.

Каждый из троих погрузился в тяжелые мысли, размышления и воспоминания. Маня устала в боковое окно, Кирилл, явно расстроенный, вел машину, а Лиза снова откинула голову на подголовник.

Да уж, Глеб Протасов.

Кирилл был двоюродным братом Елизаветы, старше ее на десять лет, сыном родного брата папы – дяди Андрея. Так сложилось, что отношения между родственниками в их семье были очень близкими, и Кирилла Лиза всю жизнь воспринимала как родного любимого брата, а он относился к ней как к самой родной маленькой сестренке, старался опекать, оберегать, особенно после той беды, что случилась. Но это давняя история.

В общем, студенческие друзья Кирилла и его друзья детства стали одной большой дружной компанией, объединенной одинаковыми интересами и пристрастиями, – байдарки, скалолазание, походы с палатками по всей стране, туда же баня и песни под гитару, развеселые капустники и розыгрыши.

Путем естественной «селекции» остались и закрепились в единый дружеский коллектив пятеро самых близких единомышленников и друзей и двое «свободных радикалов» – то примыкающих к их компании, то отпадающих на время, а по мере течения жизни компания укомплектовалась и дополнилась женами. С годами, когда все мужики заматерели, а некоторые из них стали и побогаче, то к увлечениям добавились горные лыжи, яхтенный спорт, путешествия.

Одним из самых близких друзей Кирилла был Глеб Протасов, учившийся с ним на одном курсе в институте. Лиза познакомилась с Глебом, когда ей было лет девять, на первой даче дяди Андрея, где они встречали Новый год и куда неожиданно нагрянул Кирилл со своими друзьями. Дачка была небольшая, но места хватило всем, и праздник удался – развеселый, с петардами и салютом, с хороводом вокруг елки во дворе, с разными играми и песнями. Лиза оказалась единственным ребенком в этом коллективе, и поэтому с ней случилась большая человеческая справедливость (куча подарков – просто гора! – и преувеличенное внимание взрослых) и большая несправедливость (ее отправили спать в разгар веселья).

Вот тогда она и познакомилась по-настоящему с Глебом Протасовым. Лиза капризничала и отказывалась идти спать, папа с тетей Валею, женой дяди Андрея, уговаривали ее и так и эдак, и тут неожиданно вмешался один из друзей Кирилла.

- А если я тебе сыграю на гитаре и спою песенку, ты спать пойдешь? - весело предложил он.
- Мне? - уточнила Лиза.
- Да, только тебе, - пообещал парень.
- Ну, хорошо, - подумав, согласилась девочка, но выставила некие условия. - Я лягу в кровать, а ты придешь и споешь мне свою песенку.
- Договорились, - кивнул он.

Глеб Протасов слово свое сдержал, спел ей красивую песенку про «Ты у меня одна» и про «... Только свети, свети...». Вот именно под эти слова она окончательно и заснула.

И они с ним стали как бы друзьями. Ну, условно, как игра, разумеется. Виделись они, понятное дело, очень редко, хорошо если раз-два в год, да и где им было пересекаться, парню-студенту и девочке на десять лет его младше - и негде, и незачем. И все же иногда встречались - на даче у дяди Андрея, на днях рождения брата.

Надо объяснить, что Лиза пошла в бабушку и всегда была маленькой, эдакой Дюймовочкой, и очень симпатичной, с кучеряшечками вокруг лица, выбивающимися из любой туго заплетенной косы или хвоста, точь-в-точь, как у бабушки, хотя волосы у Лизы были темнее. И глаза у нее не карие, а как у деда и отца - светло-зеленые. И, кстати, когда она стала старше, то подросла и хо-ро-шая такая грудь, не в пример бабушкиной скромненькой.

В детстве Лиза была намного мельче всех своих сверстников, всегда маленькая симпатичная фарфоровая статуэточка. И все мужчины семьи и друзья Кирилла относились к ней как к чему-то хрупкому, требующему особой осторожности, внимания и заботы. А она, между прочим, с восьми лет занималась бальными и спортивными танцами и впахивала у станка каждый день до кровавых мозолей, и отличалась повышенной выносливостью и упертостью, и уже завоевала несколько первых мест и призов в соревнованиях разного уровня, правда, с несколькими партнерами, но не это главное. Важно, что в этом прелестном хрупком тельце обитали еще те характер и воля.

И, как оказалось, только Глеб Протасов и рассмотрел в ней эту силу воли еще тогда, когда пел ей песенку на сон грядущий. И от этого понимания ее настоящести, скрытой от всех сути что ли, они только еще больше сдружились, разумеется в том истинном понимании «сдружились», какое единственно возможно между парнем и девочкой, сестричкой друга, с разницей в десять лет, которые видятся и встречаются раз-два в год, а то и реже. Скорее, это была такая нарочитая игра в друзей.

После окончания института Глеб уезжал на два года из страны, а когда вернулся, его направили работать куда-то в Подмосковье, ну а после и вовсе заслали во Владивосток, и они не виделись лет семь, наверное, если не больше.

Он, понятное дело, за эти годы часто приезжал в Москву, правда, они с Лизой ни разу не встретились и не пересеклись, просто так сложились обстоятельства. Да никто особо и не рвался встретиться. Кирилл, бывало, рассказывал о делах и жизни Глеба, но Лизу это как-то особо не трогало и не очень-то интересовало. Так, на уровне рассказа о жизни общих знакомых, к которым хорошо и с теплотой относишься, - ну, работал он в Латинской Америке, здорово! Ну, на известном заводе на большой должности - замечательно, а во Владивостоке так совсем каким-то начальником стал на огромном заводе - вообще молодец, в такие-то годы и уже начальник! Женился - еще раз молодец, поздравляем! Не забудь привет передать. Дочь

родилась – ура! Поздравь и от меня!

Они встретились на дне рождения Кирилла, на его тридцатилетнем юбилее, на который тот собрал всех родных и близких, сняв для проведения этого мероприятия в аренду целый зал с небольшим оркестром в довольно дорогом и известном ресторане.

Лиза Глеба Протасова не сразу узнала. Наверное, потому, что помнила его еще таким, как увидела детским взглядом, ощущениями и восприятием мира, в котором она была маленькой, а он большим и взрослым, и в котором ее мало интересовала его внешность, потому как он был друг, а не предмет ее романтических девичьих мечтаний.

Глеб с женой немного опоздали по вполне уважительной и веской причине – прилетели из Владивостока и появились в ресторане сразу из аэропорта. И пока они шли по залу за метрдотелем, здоровались с Кириллом, поспешившим выйти из-за стола и встретить дорогих гостей, пока обнимались и поздравляли, Лиза успела хорошо рассмотреть Глеба Протасова.

И поразились.

Почему она никогда не обращала внимания, да просто не понимала, насколько он интересный мужчина? Не красивый, а именно интересный, привлекательный.

Спортивного телосложения, про такой тип в народе говорят «поджарый». Элегантный, с такими несуетливыми, значимыми движениями и жестами. Что-то латиноамериканское было в его облике или аристократическое – немного аскетичное, чуть вытянутое лицо с сильным волевым подбородком, чувственными, ироничными губами, носом с легкой горбинкой, высоким лбом и выразительными темно-серыми глазами. Сила и скрытая, контролируемая страсть чувствовались в нем. А то, что он уже несколько лет руководит большим количеством людей и несет огромный груз ответственности, наложило отпечаток на весь его облик: в Протасове чувствовался человек, обладающий властью, и это в тридцать-то лет.

Лизе пришлось с силой выдохнуть, обнаружив, что она, незаметно для себя, затаила дыхание, пристально рассматривая Глеба, узнавая и не узнавая, настолько мощное, ошеломляющее впечатление произвел он на нее. Она перевела взгляд на его жену и снова непроизвольно, глубоко вздохнула, забыв дышать на время, – так потрясла ее эта шикарная женщина рядом с ним.

Просто роскошная! Под стать мужу – высокая, стройная, с великолепной фигурой и блондинистой копной волос, с надменным выражением на красивом, несколько холодноватом лице, отшлифованная, как бриллиант.

Это была по-настоящему красивая, потрясающая пара, два породистых человека, идеально смотрящихся рядом.

Лиза почувствовала легкую досаду и разочарование, а осознав это, подивилась себе – да с чего бы? Ну, интересный мужчина, но не настолько, чтобы влюбиться с первого взгляда. А прислушавшись к себе, поняла, что по-прежнему относится к нему скорее как к другу, чем к объекту женского интереса, – видимо, на подкорке где-то записалось и закрепились еще в детстве, что Протасов просто хороший друг, почти дальний родственник. И Лиза решила, что это его жена произвела на нее такое неслабое впечатление, заставив чисто по-женски позавидовать красоте и стати. Будешь тут завидовать, когда росточком и габаритами не вышла. Даже размер стопы тридцать третий, хорошо хоть ноги длинные и грудь удалась природе на славу.

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что Лизе в себе все нравилось и вполне устраивало, и никакими комплексами неполноценности она не страдала ни разу, благо поклонников и ухажеров у нее не переводилось, и успехом у мужчин она пользовалась устойчивым и повышенным.

А тут вот смотри ж ты, зацепило что-то.

- Лизавета, неужели это ты? - весело окликнул ее Протасов, когда после долгих тостов и закусывания гости, наконец, стали выбираться из-за стола танцевать.

- Я что, так сильно изменилась? - рассмеялась она в ответ.

- В некоторых местах да, - расхохотался Глеб, прямо намекая на ее «выдающуюся» грудь, - я последний раз тебя видел лет семь или восемь назад. Тебе двенадцать или тринадцать едва исполнилось, ты и тогда была совершенно очаровательной, но сейчас превратилась просто в красавицу.

- Ну, ты тоже возмужал, - веселилась она в ответ, - говорят, начальником большим стал, женился, дочь у тебя родилась.

- Все так, все так. - кивнул Протасов и, поискав кого-то взглядом в толпе, махнул призывно рукой, дождался, когда к ним подошла его жена, и представил: - Знакомься, это моя жена Ольга.

- По-настоящему очень приятно, - искренне улыбнулась ей Лиза и протянула руку. - Кирилл говорил, у вас дочь родилась. Поздравляю от всей души.

- Спасибо, - пожала ей руку Ольга, но держала она себя гораздо более холодно и отстраненно, чем открыто излучающая дружелюбие Лиза. Повернувшись к мужу, светским тоном предложила: - Идем, там сейчас начнутся какие-то конкурсы.

Лиза почувствовала укол неприязни к этой женщине, но резко одернула себя мысленно: а с чего эта Ольга должна рассыпаться в искренних симпатиях к ней, она ее первый раз видит. И пошла вместе с четой Протасовых в образованный гостями полукруг возле сцены.

Там проходили всяческие шуточные соревнования, в которых с большим энтузиазмом и весельем принимали участие гости и сам хозяин торжества.

- А сейчас объявляется особый приз! - объявил ведущий. - Кто готов станцевать настоящее танго? Ну что, господа... - он обвел изучающим взглядом публику, музыкант за ударной установкой на сцене дал мелкую барабанную дробь. - Есть желающие и умеющие?

- Глеб, ты же сам говорил, что тебя в Аргентине научили, - подошел к ним раздухарившийся Кирилл, громко призывая друга принять участие в конкурсе.

- Танго, Кирюша, танцуют вдвоем, а Ольгу я пока не научил, - развел руками Глеб.

- Так у нас Лизавета профессионал, я разве тебе не говорил? - энергично и вдохновенно настаивал Кирилл. - Да ты должен помнить, она ж еще маленькой танцами занималась.

Барабанная дробь продолжала нагнетать, а ведущий призывать...

- А ты знаешь, что есть нескольких разновидностей танго, и вариантов исполнения его

множество? – спросила у Глеба Лиза, сама не понимая, отговаривает она его или, наоборот, подбивает согласиться и рискнуть.

– Знаю, – кивнул Протасов.

– И какое из них ты танцуешь? – лукаво улыбнулась она.

– Любое, какое сыграют, – усмехнулся он и протянул ей руку приглашающим жестом. – Ну что, пойдём попробуем, Лизавета?

– Пойдем, – вложила свою маленькую ладошку в его руку Лиза.

– Ага! – обрадовался ведущий. – Кажется, у нас есть одна пара! Найдутся ли еще желающие посоревноваться? – Он вновь обвел взглядом собравшихся, но желающих не обнаружилось. – Ну что ж, в таком случае мы будем оценивать профессионализм исполнения и решать, отдавать ли наш загадочный приз этой паре. Вы готовы? – обратился он к Лизе с Глебом.

– Вполне, – ответил за двоих Протасов.

И, удивив Лизу, по всем канонам танцевальных правил, раскрутив, отодвинул партнершу на вытянутую руку для поклона зрителям. Лиза присела, склонив голову в классическом приветствии, Протасов сдержанно поклонился, легко перевел партнершу на другую сторону, и они, повторив приветствие, под довольно бурные аплодисменты и громкое подбадривание заняли исходную позицию.

Как только Лиза вложила свою руку ему в ладонь, как только его рука легла ей на спину, ее словно шибануло током! Она заглянула ему прямо в глаза и в один миг ощутила нечто непередаваемое – страсть, огонь, этого мужчину, всего, каждый изгиб его тела, словно чувствовала каждую его клетку всей кожей, их абсолютно идеальное совпадение телами именно для этого танца, бесконечное доверие этому мужчине, желание его... и свою полную свободу!

И грянуло танго!

И весь мир пропал для них – не было ни этого зала ресторана, ни людей, ни времени, никого вокруг – только музыка, только огненное танго и они вдвоем, как единое целое!

В Аргентине говорят, что в танго главное – не умение правильно исполнять все па, главное – испытывать желание, страсть к партнеру, только тогда танго становится настоящим.

То, что сейчас происходило между этими двумя, было не просто желанием и не просто страстью – это было узнавание через века и жизни, абсолютное доверие и абсолютное извечное противостояние мужчины и женщины – песня о великой любви и великой скорби!

Пауза! И... Трам! Та-та-дам-м-та-тай-да! – утверждал мощно рояль!

Лиза чувствовала каждое его движение еще до того, как он его начинал делать, ощущала его сильные мышцы, перекатывающиеся под одеждой. Она шла за ним безоговорочно и была одновременно покорной партнершей и непокорным огнем в его сильных, умелых руках, укрощающих ее и поющих ей свою песню любви! Она смотрела ему в глаза и плавилась от силы чувств, которые он изливал на нее.

Трам! Та-та-дам-м-та-та-й-да! – стонали, рыдали скрипки!

Она доверяла ему, но пела свою песню свободы, свободы женщины, которая выбирает мужчину сама, а он вел, умирал и обещал огненную любовь, за которую любой платы не жалко! Даже жизни!

Великолепные танцовщики, так совпавшие пластикой и чувством, дыханием музыки, исполнявшие этот танец с наивысшим мастерством, с полной отдачей, они растворялись друг в друге, дышали страстью, признавались телами и взглядами друг другу в любви...

Трам! Та-та-дам-м-та-та-й-да! – сексуально хрипел аккордеон!

И-и-и... Последний мощный аккорд!

Последний выпад! Он перекинул ее через свою руку и наклонился над ней, а Лиза прогнулась, откинувшись на его ногу и руку и одновременно изящным движением выкинув ногу вперед.

Они смотрели друг другу в глаза, задержавшись дольше положенного в этом состоянии, немного запыхавшись, и тонули, тонули, плавилась в обоюдном узнавании, в страсти и любви...

В зале стояла абсолютная, звенящая тишина... и вдруг грянули аплодисменты со всех сторон и громкие крики «браво!», «офигеть!», восторженный свист, требование «бис!»

Лиза с Глебом словно опомнились – он легко поднял партнершу, широким красивым движением раскрутил для поклона зрителям, потом перевел на другую сторону – второй поклон. Крики и аплодисменты стали еще интенсивней. Глеб и Лиза посмотрели друг другу в глаза, улыбаясь, светясь радостью открытия и познания великой тайны и страсти.

Глеб рассмеялся на один из громких выкриков, требующих повторения, притянул Лизу к себе, приобнял одной рукой за талию, заглянул в ее счастливые веселые глаза, и они, не сговариваясь посмотрели на зрителей. Лиза рассмеялась, вторя Глебу, поклонилась еще раз и, поднимая голову после поклона, наткнулась, как ударились со всего маха, на единственное лицо в толпе гостей, которое не улыбалось, не смеялось и не разделяло общего восторга.

На нее в упор глядела Ольга. Холодным, тяжелым, презрительным взглядом. Лизу словно ледяной водой облили. Протасов тут же уловил в Лизе эту эмоциональную перемену, проследил за ее взглядом и увидел жену среди скандирующей публики, уговаривающей их повторить танец.

И вся радость, новая открытая любовь и вдохновенность, которыми только что было освещено его лицо, сошли с него вместе с улыбкой, как акварель с листка бумаги под проливным дождем.

Они подошли к зрителям, вежливо, но твердо отказались от настойчивых предложений станцевать что-нибудь еще. Но тут их вызвал на сцену ведущий для вручения приза.

Шоу должно продолжаться!

И под бурные аплодисменты, смех, улюлюканье и комментарии им вручили две небольшие картины, на которых в стиле импрессионистов были изображены пары, танцующие танго. Глеб с Лизой, театрально разыгрывая роли, продемонстрировали гостям, что рассматривают внимательно картины, спорят, кому какая больше нравится, и забирают каждый свою.

Им что-то пытался сказать конферансье, и публика явно ждала от них еще какого-нибудь представления, но Лиза больше не могла этого выносить и просто сбежала. Сначала с

танцпола, пробравшись сквозь ряды зрителей, схватила свою сумочку со стула, на котором сидела за столом, быстренько поцеловала бабушку и деда на прощание и, ничего никому не объясняя, сбежала из ресторана.

И всю ночь стояла без сна у окна, смотрела куда-то вдаль, как в пропасть бездонную, и прокручивала, прокручивала в голове их танец, и чувствовала, что у нее горит кожа, на которой словно отпечатались следы от его рук, и разгорается что-то внутри от этих воспоминаний, и разрывается на мелкие куски сердце.

Такого она не испытывала никогда! Такого накала чувств, желаний, страсти, узнавания, радости, эмоций, энергий Елизавете Потаповой не приходилось переживать и пропускать через себя никогда. С восьми лет Лиза занималась бальными танцами, а потом и спортивными, профессионально занималась, принимала участие в разного уровня соревнованиях и частенько побеждала на них, поменяла в паре нескольких партнеров, танцевала и с профессионалами и с любителями. Но она и представить себе не могла, что танец бывает ТАКИМ! Ей даже в самых бурных фантазиях не приходило в голову, что можно так чувствовать партнера, гореть одним костром, дышать вместе, быть единым целым, быть одной расплавленной страстью, раствориться друг в друге и почувствовать абсолютную гармонию соединения, прожить целую жизнь в танце. И смерть.

Не зря в Аргентине танго часто называют «танцем смерти». Вообще-то потому, что его придумали портовые рабочие и моряки, и в давние времена танцевали только мужчины перед женщиной, которая выбирала одного из них. А вот отвергнутый поклонник частенько доказывал свое превосходство ножом, убивая соперника.

Но тогда, у ночного темного окна Лиза поняла совсем иную ипостась этого названия – если по-настоящему зажигаться страстью в танце, после его окончания нет возможности выхода и продолжения этой страсти, он становится «танцем смерти», убивающим что-то внутри человека.

Глеб Протасов недоступен для нее, и никогда никакого продолжения и воплощения в жизнь того необыкновенного мощного огня и тех чувств, страстей, желаний и эмоций, что они пережили, не будет. Иначе они станут разрушительными, как лесной неконтролируемый пожар.

А вот это табу! Запрет! Господин Протасов благополучно и счастливо женат на блондинистой красотке, имеет ребенка и вполне себе доволен и упакован в жизни.

А посему видеться с Глебом она больше никогда не будет.

Все. Точка.

– Ничего, – произнесла Лиза вслух и уткнулась лбом в прохладное стекло окна, за которым начинал разгораться рассвет, раскрашивая серое небо розово-алыми сполохами. Ноги гудели от многочасового стояния, руки дрожали от навалившейся слабости. – Ничего, – повторила Лиза, – рассосется, забудется и потускнеет. Без дров костер гаснет. Больше не видеться, и все будет в порядке.

Оно, конечно, не забылось и не рассосалось, но боль нереализованного чувства поутихла, зарубцевалась, лишь изредка напоминая о себе в те моменты, когда кто-то рядом упоминал Протасова. Жизнь себе катилась, что-то заретушеванная в памяти. При каждом намечающемся празднике или посиделках на даче у Кирилла Лиза не забывала подробно выяснять, может ли там появиться Глеб, и под разными предлогами отказывалась приезжать, если узнавала, что

его ожидают в гости.

Она рассказала про это, про первые в ее жизни такие сильные чувства и эмоции, потрясшие ее до глубины души, только бабушке Асе.

- Не знаю, Лизонька, - задумалась бабуля. - Страсть штука непростая, чаще всего разрушительная. Но уж коль так красиво: обжигающий танец, мы же с бабушкой видели, это действительно было потрясающе красивое зрелище, необыкновенное. И, если так совпали вы с этим Глебом, так почувствовали друг друга, как ты говоришь, может, и стоит за это побороться? А с другой стороны, ты права, разве же можно семью чью-то разрушать и вмешиваться. Ты-то сможешь отказаться от него, справишься?

- Справляюсь пока, - пожала плечами Лиза.

- Ты всегда была сильной девочкой, - погладила ее по голове бабушка, светло улыбаясь, - «маленький гвоздочек», как тебя дедушка называет.

- Да все пройдет, ба, - убеждала ее и себя Лиза. - Мы же не соседи по лестничной площадке, я его видеть не вижу и встречаться с ним не собираюсь. А потом влюблюсь в кого-нибудь, и пройдет.

- Там посмотрим, - не поддержала такого упаднического оптимизма бабуля.

Время великий лекарь. Кирилл несколько раз приставал с вопросами, почему они с Глебом избегают общества друг друга, Лиза делала удивленные глаза и уверяла, что ничего подобного, видимо, просто так случайно получается. Тем и удовлетворялся братец, тема не муссировалась.

Но однажды они все-таки встретились, года через два после того танго, даже два с половиной, пожалуй.

Школа бальных танцев, в которой училась, танцевала и уже немного преподавала Лиза, устраивала большой вечер в честь пары известных танцоров, своих выпускников, которые стали чемпионами мира. Сначала проводилось чествование, за ним следовал отчетный концерт учеников, а потом самое интересное - танцы для всех желающих: всю ночь играет великолепный оркестр исключительно классический танцевальный репертуар, а в зале расставлены столики для приглашенных гостей, работает бар.

Лиза пригласила родных - отца с Надей, дядю Андрея с тетей Валей, Кирилла с Маней. Бабушку с дедом беспокоить не стала - далековато им ехать, да и повод не столь серьезный. Она принимала участие в показательных выступлениях как одна из чемпионки, с одним своим старым партнером, с которым не танцевала уже несколько лет, и еще проводила два показательных танца со своими учениками.

День был пятничный, и по всем правилам мегаполиса следовало выезжать куда-то за город. Обычно так они и делали - ехали либо к дяде Андрею на дачу, либо к Кириллу на дачу, которой они с Маней совсем недавно обзавелись. Туда же, кстати, практически каждые выходные приезжал и кто-то из друзей брата в гости - в баню да на речку, да на шашлычок застольный на открытой верандочке.

Поэтому и посыпались звонки Кириллу с выяснением, где он и поедут ли они семьей на дачу. В результате этих переговоров двое друзей Кирюхи, Вадим и Алексей, вместо дачи прикатали на выступление Лизы. А когда началась развлекательная часть, совсем обосновались и уезжать не торопились, по очереди приглашая Лизу танцевать.

Музыка гремела, гости находились в приподнятом настроении, уже слегка захмелев, по крайней мере, танцевали все – умеют, не умеют, неважно. Кирилл, перекрикивая музыку, с кем-то весело разговаривал по телефону, было плохо слышно, и он вышел из зала... Вернулся не сразу. И не один.

Лиза с Вадимом как раз шли с танцпола, где пытались танцевать румбу, насмеялись они оба до слез над неуклюжестью Вадима, компенсируемой его энтузиазмом, но и натанцевались, как могли. Она плюхнулась на стул и принялась обмахиваться веером, который был частью ее костюма, хохотала над рассказом Мани, как их с Вадимом «танец» выглядел со стороны и как Лиза постоянно отпрыгивала, чтобы он не наступил ей на ногу, и вдруг увидела пробирающихся между столиками Кирилла и... Глеба Протасова.

Кровь мгновенно прилила к щекам и тут же откатилась под коленки до ощущения холода во всем теле. Она запнулась и перестала смеяться. Маня проследила за направлением ее взгляда, наклонилась к Лизе и прошептала на ухо:

- Не бойся, он не станет тебя душить на глазах у стольких людей и кусаться не будет по той же причине, – усмехнулась она, села ровно и уже не шепотом спросила: – Ты не считаешь, что пора рассказать, что у вас с ним произошло такого, что вы избегаете друг друга?

- Нет, – отрезала Лиза. И тут же поправилась, смягчив тон: – В том смысле, что ничего не случилось. Честное слово. И мы не избегаем друг друга, с чего ты взяла.

- Да? – саркастически протянула Маня.

Кирилл с Глебом подошли к столу, Протасов со всеми поздоровался, с парнями обнялись, похлопав друг друга по спинам, Кирилл тем временем успел поймать официанта, который принес им еще один стул, расселись.

И Глеб оказался рядом с Лизой, и она абсолютно точно знала, что подстроила это Маняша.

- Привет, Лизавета, давно не виделись, – излучая дружескую радость, поздоровался Протасов.

- Привет, – ответила в тон ему не менее дружественно она.

Нормально, она вполне справляется, похвалила себя мысленно Лиза, и действительно, он же ее не задушит, да и чтобы прямо коленки тряслись, голосок перехватывало и сердце замирало – не скажешь, чтобы сильно. Отболело, отшумело, может, хоть немного?

- Действительно, как-то давно не виделись, – поддержала она легкую беседу. И спросила вполне намеренно, чтобы напомнить себе суть, их разделяющую: – Как жена, как дочь? Как твоя серьезная работа?

- Да все в полном порядке, Лизонька, – легко и весело отозвался Протасов, поддержал тост за замечательный вечер и встречу, двинутый Кириллом, чокнулся со всеми. Они отпили из бокалов, и Глеб снова повернулся лицом к ней: – Дочь растет умная не по возрасту, рассудительная такая, смешная, Ольга обустраивается на новом месте, мы же в Москву переехали, тебе Кирилл говорил, наверное?

Лиза кивнула: говорил. Она еще тогда подумала, что теперь придется постоянно у него спрашивать, а нет ли там где-нибудь возле него поблизости Протасова, каждый раз, когда захочет встретиться с братом, настолько это уже стало привычкой – избегать встречи с Глебом.

- Ну, вот, пожилы с родителями первое время, квартиру снимали, а полгода назад я собственную квартиру купил, вот Ольга и приводит ее в порядок. А ты как поживаешь?

- Поступила в аспирантуру, в следующем году получу второе высшее, немного работаю, танцую, немного преподаю танец. Ничего особенного, - поддерживая заданный ими дружеский легкий тон, ответила она.

- Ничего себе «ничего»! - возмутился Протасов. - И аспирантура, и второе высшее, и работа, и танцы. А личная жизнь в этот график вписывается? Парень-то у тебя есть?

- Выбираю, - усмехнулась Лиза.

Он хотел сказать что-то еще, но его перебил усиленный микрофоном громкий голос ведущего вечер, на который обернулись все сидящие в зале:

- А, тепе-е-ерь... - растягивал он специально слово, - объявляется король этого вечера! - Он взял интригующую паузу и завершил объявление громким: - Танго! Желающих приглашаем на паркет!

Зазвучали первые аккорды длинного вступления, ожидающего выхода танцоров, редкие пары потянулись на сцену...

- Пойдем? - вдруг развернулся к ней Протасов, и в глазах его запрыгали чертики, и возникло что-то опасное, темное, влекущее.

У Лизы заколотилось сердце, кровь отлила от щек, и стали совершенно холодными пальцы на руках. Она смотрела на него расширившимися от шока глазами и видела его фатальную решимость - как в костер, туда, где огонь, даже если мы мотыльки!

- Нам нельзя. Ты же знаешь, - прошептала она вмиг осипшим горлом.

- Пойдем! - протянул он ей открытую ладонь.

Такой настоящий, честный в своей страстности - не соленький растворчик дружеской беседы ни о чем, скрывающей за своей постной ненужностью все истинное, горящее в каждом из них, а обжигающая, мощная мужская сила чувств.

- Пусть еще раз, наверное, последний в этой жизни мы станцуем его с тобой! - позвал он за собой в огонь женщину. - Давай, Лиза!

И она решительно вложила свою маленькую ручку ему в ладонь и поднялась со стула.

- О! - восхитился Кирилл и пообещал всем сидевшим за столом: - Вы сейчас увидите нечто! Они вдвоем такое выделывают! Обалдеть можно!

И снова разряд тока пробежался по всему ее телу, как только они встали в позицию и она почувствовала ладонями силу его руки и мощные мышцы спины!

И-и-и!

Все повторилось и стало еще сильнее, жарче от запретности, недозволенности и годами сдерживаемых чувств. И у нее накатывались слезы и тут же высыхали от сжигавшего их в танце огня.

Трам! Та-га-да-га-та-й-да! – рыдали вместе с ними скрипки!

Глаза в глаза – она живой огонь в его руках, он укротитель и покоритель этого огня! Она уступает и подчиняется – и восстает, и утверждает свою свободу! Он покоряет и подчиняет – и восхищается ее свободой и покоряется ей!

Трам! Та-га-да-га-та-й-да! – стонал рояль о губительности страстей!

Она пела ему телом песню о своей независимости и ожидании сильного мужчины, который сумеет покорить ее – он отвечал ей обещанием и приглашал попробовать этой сладкой несвободы!

Трам! Та-га-да-га-та-й-да! – хрипел сексуальный аккордеон, оплакивая всех уже погибших от этого огня!

Она порхала, еле касаясь паркета ножками, а он вел, оберегал сильными руками и удерживал ее в этом полете. И Лиза чувствовала его всего, каждое его движение, каждую перекачивающуюся мышцу под кожей – они были одним целым, музыкой и танцем. И утверждали этим танцем торжество чувственной любовной страсти!

Всё! Последний аккорд! Как исполнение приговора!

Несколько мгновений они стояли, тяжело дыша, и неотрывно смотрели друг другу в глаза.

- Bravo! – прогремел в микрофон голос ведущего.

И они вернулись на землю, в реальность.

Вместе с остальными парами сделали поклон зрителям и пошли к своему столику.

Опустошенные.

- Боже, ребята! Это просто фантастика, что вы там вытворяли! – встретил их первым Вадим. – Я такого в жизни не видел!

- Это какая-то феерия! – подхватила Надя. – Вы были просто потрясающие! Лиза, вот с кем тебе надо было всегда танцевать, а не с сопливыми партнерами!

- Так нельзя танцевать, от такого танца можно с ума сойти! – вклинился дядя Андрей.

Их теребили, обнимали, хлопали по спинам, передавали из рук в руки, что-то восторженное несло со всех сторон, и даже подтянулись люди с соседних столиков, аплодировали стоя и тоже что-то говорили, и только Маня, хлопая в ладоши, смотрела на Лизу задумавшись, не принимая участие в общем шквальном восторге.

Заиграла музыка, призывая к другому танцу, народ потянулся на танцпол, и восторженные высказывания утихли сами собой. Лиза села на стул возле Мани, налила себе минеральной воды в стакан, выпила залпом, налила еще. К ним подошли Глеб с Вадимом и Лешей. Протасов взял ее ладонь, наклонился, поцеловал легким поцелуем, еле касаясь губами, распрямылся:

- Спасибо за танец, – улыбнулся он.

- Тебе тоже спасибо, – улыбнулась она в ответ.

- Лизок, это было шикарно, ты потрясающая девушка! - чуть сдвинув Глеба локтем, протиснулся поближе к ней его друг Леша и тоже, ухватив ее ладошку, поцеловал. - А танцуешь просто отпадно!

- Спасибо, я в курсе, - рассмеялась Лиза, вынимая ручку из его ладони.

- Манечка, - обратился к жене друга Протасов, - мы украдем у тебя Потапова? Хотим пойти куда-нибудь посидеть чисто мужским коллективом.

- Да берите! - рассмеялась Маняша. - Только верните в целости и сохранности.

- Обещаю! - приложил руку к сердцу Глеб. - В целости так точно, а насчет сохранности, это как пойдет. Ну все, девочки, пока! Рад был увидеться, - обратился он к Лизе и неожиданно наклонился и поцеловал в щеку, как обжег. - Еще раз спасибо за танец, Лизок. Мы с тобой зажгли!

- Это точно, - ошарашенно подтвердила Лиза.

И вернувшись поздним вечером домой, прошла в комнату, сняла со стены картину - приз за их первый танец - и убрала в самый дальний угол кладовки. Насовсем.

В следующий раз она увидела его через полгода.

На похоронах его дочери.

Он был черный от горя и никого не замечал рядом. Лиза даже не подошла выразить соболезнования, предположив, что Ольге будет неприятно ее видеть, а Глебу так и вообще незачем. И на поминки она не поехала. Расспрашивала потом Кирилла, как там у Протасова дела, предлагала помощь какую-нибудь, она знала действительно хороших и достойных психологов и могла помочь к ним попасть. Но Кирилл уверял, что не надо.

Он же и рассказал ей, что Глеб практически перестал встречаться с друзьями, вроде как купил где-то дом с участком и переехал туда жить, и вроде как один, без Ольги. Или Ольга туда просто приезжает, но не живет постоянно? Про жену Глеба Лиза старалась вопросов не задавать.

- Как в деревне? - удивлялась искренне Лиза. - Он же талантливый инженер-механик, руководитель, какое сельское хозяйство?

- А вот так! - мрачнел Кирилл. - Ушел он с работы!

Чуть больше двух лет прошло после смерти его дочери, а он так и живет в деревне. Теперь вот выяснилось, в Тамбовской области. Видимо, в этой местности «товарищей» нашел для своей тоски.

«Что там между вами случилось...» - усмехнулась про себя Лиза, посмотрев в напряженный затылок братца, ведущего машину.

С ними случилось Аргентинское танго, и ничего больше.

И то в другой жизни.

Каким он теперь стал? И Лиза почувствовала, как у нее засосало под ложечкой от предчувствия неприятностей.

Ох, не надо бы им встречаться, вот к бабке не ходи – не надо!

Места здесь и на самом деле оказались великолепные!

Свернув с основной трассы, они проехали какой-то маленький городишко, потом потянулись поля и луга с темной, мокрой землей, с проплешинами кое-где не стаявшего до конца снега, перемежающиеся небольшими рошицами и подлесками. Васнецовские величественные, густые леса маячили где-то далеко на горизонте, показывая лишь свои богатырские бока.

Затем неожиданно выскочила излучина реки с крутыми берегами, заросшими ивняком, от которой они повернули влево и снова через поля. Миновали краем большое село с высокой колоколенкой церкви, видной издалека, проехали, как через почетный караул, сквозь молодой лесок, выстроившийся по обеим сторонам дороги. А за ним открылась потрясающая панорама – на плоской возвышенности стояло несколько домов: один большой, двухэтажный, с мансардой на третьем, явно хозяйский, видный из-за высокого серьезного деревянного забора, и несколько крыш одноэтажных построек в разных углах впечатляющего размерами участка. Еще виднелась какая-то длинная одноэтажная постройка типа коровника, что ли, но далеко от домов, за другим забором, ближе к покатоному спуску с возвышенности.

Вперед простиралось дикое поле, которое «врезалось» большим клином в лес, обступавший его с двух сторон. Слева от участка, или как его назвать... хозяйства – так, наверное, правильнее... слева шел пологий спуск, где-то с километр, через луг, и заканчивался он речушкой, вполне себе бойкой и явно глубокой, заросшей по берегам деревьями и кустарниками. А справа проходила дорога, по которой они ехали, между самой возвышенностью и большим лугом, упиравшимся в еще один лес, но далеко, еле виднеющийся, в который и «ныряла» дорога, потеряв по ходу, где-то метров через триста, дорожное полотно и превращаясь в грунтовку.

В сгущающихся все больше и больше сумерках казалось, что окружающая природа словно растворяется, мерцает, парит и затихает, готовясь к переходу в ночь. И этот эффект только усиливал красоту пейзажа.

– Ну вот и приехали, – бодренько сообщил Кирилл. – Вон, Лиза, смотри, хозяйство протасовское. И как отыскал только этот хутор в лесах тамбовских, каждый раз смотрю и поражаюсь! Сюда без машины и не доберешься, разве что пешком, от остановки автобуса на трассе у села, но это километров десять, не меньше.

Вот уж воистину: как отыскал?

– А до села сколько? – любопытствовала Лиза.

– Семь километров. Это же хутор, – пояснял Кирилл, отчего-то вдруг переполнившись энтузиазмом и приподнятым настроением. – Раньше здесь было хозяйство зажиточного купца, после революции купца, разумеется, раскулачили и в Сибирь отправили, но дома не пожгли, а отдали под сельскую школу. Потом новую школу построили уже в самом селе, чтобы детям было поближе. Из хутора сделали больницу, но через несколько лет она сгорела, и долгие годы стояло все бесхозным пепелищем. В девяностых какой-то местный деятель, резко разбогатевший, выкупил этот участок у колхоза. Причем не только сам хутор, но и земли вокруг, и построил этот дом, баню шикарную, домик для гостей, хозяйственные постройки, сараи там всякие, гаражи: все капитальное, навороченное, модное по тем временам. И вон

видишь длинное такое здание, – указал он вперед, – это конюшня. Думал мужик лошадей разводить и бизнес сделать. Да только грохнули его, как и полагается в те годы. Ну и все это добро долго стояло бесхозным, особо желающих забираться в глушь, в леса тамбовские, не находилось. К тому же, если ты заметила, это «конечная станция», дорога у хутора и заканчивается. Нет, она идет дальше, вон, видишь, да только это уже грунтовка, а дорожное покрытие только до ворот и есть, – и он указал рукой вперед на развилку.

Забирая чуть правее, вперед уходила дорога, заасфальтированная еще метров двести, дальше дорожное покрытие заканчивалось и начиналась колея, уходящая в лес. Кирилл же повернул на развилке налево, и машина медленно стала подниматься вверх по добротной асфальтированной дороге, ведущей к воротам хозяйства.

– Тому, кто ищет тишины, самое то, – продолжил бодрое повествование Кирилл. – Потом хутор этот купили какие-то иностранцы, собирались экспериментальное хозяйство устраивать, но через два года разорились в российской-то действительности, и снова хутор долго не могли продать. Лет семь назад его купили последние хозяева и устроили тут конеферму. Разводили породистых лошадей, продавали и конный туризм здесь организовали, вроде даже процветали, но в кризис сильно попали, и постепенно бизнес сошел на нет. Вот у них Протасов и купил все это добро с землями и полями.

На этом финале повествования они подъехали к высоким и мощным деревянным воротам, большущие створки которых, дернувшись могучим телом, медленно начали распахиваться внутрь участка.

– Да, Лиз, – развернувшись на сиденье, посмотрел на нее Кирилл, став вдруг очень серьезным. – Я хотел сказать. Он сильно изменился. Стал другим. Не удивляйся так уж открыто. И постарайся даже не намекать про Алису. Это табу.

– Постараюсь, – недовольно пообещала она.

Ворота распахнулись, и они медленно въехали на участок, Кирилл кивнул какому-то мужичку, открывшему для них ворота, и махнул: мол, подходи. Мужик кивнул в ответ, что понял. Они покатали дальше, свернули влево, проехали несколько метров по мощеной дорожке и остановились у открытых ворот приземистого здания гаража, рассчитанного на несколько машин.

– Выходим, барышни! – весело распорядился Кирилл, заглушив мотор.

Лиза выбралась из машины, с удовольствием потянулась, присела пару раз, сделала наклоны, хоть немного разминаясь после многочасового сидения в машине и осматриваясь вокруг.

Особо разглядеть что-то ей не удалось, сумерки практически растаяли, уступая законное место ночи, и в наступающей темноте просматривались лишь очертания зданий и деревьев на участке.

На крыльце большого хозяйского дома зажглись фонари, осветив застекленную веранду, уютный круглый плетеный столик, кресла вокруг него. На веранду вела широкая лестница. В настоящей природной темноте ночи, не размытой никакими огнями и шумом города, этот свет и эта веранда казались единственным островком людского жилья, особо уютными, как теплое пристанище для усталого путника, в котором тебя ждут спасение, и защита, и помощь.

Умиротворенность этой почти пасторальной картинке портила фигура хозяина, стоявшего неподвижно на верхней ступеньке лестницы, скрестив руки на груди. Выражение его лица

было не рассмотреть, но весь его вид, напряженная поза и то, что он не пошел им навстречу, прямо говорили о том, что хозяин не слишком гостеприимно настроен.

Лиза разволновалась и напряглась и все всматривалась в эту одинокую фигуру, казавшуюся ей почему-то грозной, и чем ближе они подходили к дому, тем сильнее она нервничала.

- Кажется, нам здесь не до конца рады, - оценила она почти демонстративную холодность приема фразой из известного спектакля «Ленкома»

- Лиз, я же тебя попросил, - быстренько напомнил брат шепотом и тут же веселым, чересчур жизнерадостным тоном обратился к хозяину: - Что гостей не встречаешь, Глеб Максимович? Идем к машине, надо разгрузить кое-что. Я и Николаю махнул, чтобы к гаражам подходил.

- Привет, - снизошел-таки до приветствия хозяин, когда гости подошли к самым ступенькам лестницы, но позы не изменил и двигаться навстречу не торопился, а спросил нейтральным тоном: - Что разгружать?

- Тебе понравится, - пообещал Кирилл.

- Здравствуй, Маня, - поздоровался Протасов с женой друга.

- Здравствуй, Глеб.

- Привет, Лизавета, а тебя сюда как занесло? - бесцветно спросил он.

- На машине, - буркнула Лиза. - К тебе, говорят, по-другому не добраться.

- А я никого в гости не зову, - уведомил он не самым добрым тоном.

- Да ладно тебе бирюка хуторского изображать! - тут же вмешался жизнерадостно-оптимистично Кирилл. - Идем, подарки посмотришь, а девочки нам быстренько стол соорудят, мы всяческих вкусняшек привезли.

И, приобняв обеих барышень за талии, принялся подталкивать их вперед, к лестнице:

- Правда, девочки, накроете нам стол?

- Накроем, если хозяин разрешит, - назидательно напомнила Маня, подчеркивая каждое слово.

- Ладно, раз уж приехали, - дал разрешение на все Протасов.

Он спустился по лестнице, прошел мимо стоявших гостей и направился в сторону гаражей, Кирилл присоединился к нему и пристроился рядом, что-то рассказывая мрачному хозяину и энергично жестикулируя.

- Это что, типа приглашение? Такое вот кипучее дружелюбие? - слегка обалдев, спросила Лиза, глядя вслед удаляющимся мужчинам.

- Скорее объявление, что он готов нас потерпеть, - вздохнула Маня, перекинула тяжелую сумку из одной руки в другую, взяла Лизу под локоток и потянула за собой. - Это еще лучший случай. Один раз нам пришлось в селе на постой проситься, когда мы всей компанией завалились, разумеется, без предупреждения, а однажды он нам с Кириллом даже ворота не открыл.

- И что, вы так и уехали? - потрясенно уточнила Лиза.

- Ну, не совсем, - улыбнулась Маня, открывая входную дверь. - Кирюха залез через забор и открыл сам. Протасов вышел на крыльцо, сказал, чтобы мы убирались, и в дом нас не пустил. Ну, мы в бане устроились, Колю с Верой позвали, стол накрыли. Ничего, к вечеру он отошел и присоединился к компании.

- Манечка, вы хоть понимаете, что это ненормально? - встревоженно спросила Лиза.

- Понимаем, - посмотрела ей в глаза твердым, колючим взглядом невестка. - Поэтому и ездим. И мы, и все его друзья ездят вот так, нахрапом. И ты, Лиза, не берись ни о чем сразу судить, присмотришь к нему, хорошо?

- Ладно, - кивнула Лизавета и переключилась на дом: - А ничего так себе хоромы! Сильно впечатляет и как минимум интригует!

- Да, - улыбнулась Маня, обводя взглядом прихожую, выдержанную в стиле средневекового замка. - Это от прежних хозяев ему досталось. Но мы сейчас ничего рассматривать не будем, пошли скорее в кухню, стол накроем. Во-первых, есть ужасно хочется, а во-вторых, мужики скоро вернуться.

Кухня средневековый стиль оформления поддерживала и продолжала: массивный камин с устройством для вертела внутри, темные, тяжелые потолочные балки, каменный «остров», над которым висели огромные, видимо, тяжелые, медные сковороды и кастрюли, большие черпаки и половники, столешница вдоль одной стены из камня, и стена над ней отделана камнем, огромный котел в углу - как часть интерьера, и много иных деталей, которые Лиза рассмотреть не успела, поторапливаемая невесткой.

- Это что, все настоящее? - как девочка, попавшая в сказку, зачарованно спросила она.

- Настоящее. Можешь не сомневаться, - усмехнулась Маша. - Я тоже так отреагировала, когда увидела в первый раз. Правда, здорово?

- Да прямо средневековый замок Европы! - восхитилась Лиза.

- Точно, - Маня выкладывала продукты из сумок на массивный деревянный стол. - Это все от прежних хозяев осталось, они специально все так декорировали. Думали туристов привлекать, что-то типа отеля сделать, устраивать конные турниры средневековые, бывший хозяин этим очень увлекался. Тут все подлинное, насколько мне известно, этот стол им вообще из Англии везли целых три месяца. А все светильники уже здесь ковали, в селе раньше хорошая кузница была.

- Это ты от Протасова узнала? - уточнила Лиза.

- Да нет, он мало говорит, - вздохнула Маня. - Это Коля с Верой рассказали. Они у прежних хозяев работали с самого начала, как те здесь поселились, ну а теперь вот у Протасова. Но этот домик с такими сюрпризами, ты и представить не можешь, - загадочно улыбнулась она. - Это уже Протасов наворотил за полтора года, всякие устройства и механизмы, вообще нечто. Этот дом полностью автономен и экологичен. Ну, я в этом не разбираюсь, может, тебе сам Глеб и расскажет.

- А Ольга сюда приезжает? - спросила почему-то осторожно Лиза.

- Нет, - сразу помрачнела Маня. - Они развелись и разорвали всяческие отношения, - вздохнула и руководящим тоном приказала: - Давай, Лиза, стол накрывать, ничего я тебе больше не расскажу, сама все увидишь и поймешь. А если чего не поймешь, у Протасова спросишь, может, тебе он и ответит.

Угощение получилось хоть и не банкетное, но на славу. И еще какую славу! Кирилл с Маняшей расстарались, привезли с собой и большой пирог, и несколько салатов, которые заправили сейчас, прямо перед подачей, и заливную рыбу в большом плоском лотке, овощи разные и замороженные пельмени ручной лепки. Лиза только руками разводила и крутила от удивления головой, поражаясь такой серьезной подготовке.

- Ни фига вы, ребята, в гости собрались! И, главное, мне ни слова! - возмутилась она. - Ну, Маня, ты интриганка!

Пришли и Вера с Колей, которых настойчиво звал на застолье Кирилл, они, правда отнекивались, смущались, и Маня шепнула Лизе на ухо:

- Это они тебя стесняются, ты человек незнакомый, мало ли в каких отношениях с хозяином и мало ли что подумаешь, а наемным рабочим за хозяйский стол не положено, ну, так считается.

- А Протасов их за свой стол приглашает?

- Иногда, - не стала ничего объяснять Маня.

Глеб пришел в кухню и присоединился к компании последним. Кирилл вел беседу, не меняя выбранного тона некой бравурной жизнерадостности, игнорируя явную нелюдимость хозяина. Маня мужа поддерживала, помогая втягивать в общий разговор и работников, и Лизу, что-то там про возможный урожай, посев, про Олимпиаду и текущие политические события.

Словом, беседа велась довольно оживленная, Коля с Верой оказались людьми общительными, к тому же образованными, и после первых двух рюмочек под заливное и салаты уже активно принимали участие в разговоре. Усилиями четы Потаповых создавалось впечатление вполне дружеского и радостного застолья, если не брать в расчет того, что хозяин практически не принимал участия в разговоре, мало ел и совсем не пил. Да и Лиза постоянно теряла суть и течение общей беседы и обсуждения, незаметно, но внимательно рассматривая Протасова.

Он действительно изменился. Но она никак не ожидала, что настолько! Та чернота, которая отпечаталась на его лице, когда она его видела в день похорон, словно опустилась в душу и теперь разъедала ее изнутри. Он выглядел намного старше своих тридцати пяти: глубокие морщины у губ и между бровей, нос заострился, и стала гораздо более заметной горбинка, две седых пряди появились в волосах, одна на короткой челке справа, вторая слева за виском. На всем его облике лежала печать тяжелейшего горя и жесткой отгороженности от мира и от людей.

Лиза несколько раз попыталась заговорить с ним, о чем-то спрашивала, но он отвечал односложно или вообще не отвечал, а потом и вовсе встал и вышел, никому ничего не говоря. Лиза вопросительно посмотрела на невестку: мол, это что? Маня махнула рукой: не обращай внимания, это нормально, - и вернулась к общей беседе.

Лиза окинула взглядом шикарный стол и веселую компанию и усмехнулась: нет, ну они вообще хорошо сидят, эти четверо - с пельмешками да под закусочку выпивали доброй водочки, с удовольствием общались, грозились еще и в баню пойти, которая, как выяснилось, сегодня топилась и еще не остыла, можно и раскопегарить в пять минут. Полная любовь и дачное

взаимопонимание у людей!

А Лиза с Глебом как бы выпали из этой душевной компании, оба спиртного не пили, ели мало и в общем разговоре участия практически не принимали. Лиза вообще мало и редко пила, а сегодня уж тем более не хотелось в непонятной ей и незнакомой обстановке, а Протасову – она отметила этот факт – даже и не предлагал никто налить, видимо, он давно отказался от алкоголя.

- А можно у вас тут прогуляться или вы после захода солнца по двору уже не ходите? – спросила она у Николая.

- Почему не ходим? – удивился слегка захмелевший Коля. – Ходим, дела делаем. Только свет надо включить.

- Идемте, я вам включу! – подскочила его жена с места. – И покажу, что там и как.

- Идемте, – поднялась следом за ней Лиза.

- У нас тут вдоль дорожек фонари стоят, хорошо светят, – пояснила Вера, что-то включая на щитке у входной двери. – Правда, мы их редко зажигаем, Глеб Максимович и без них ходит и все видит, а нам с Колей без надобности. Ну вот, можете идти, – улыбнулась она девушке.

Лиза надела куртку, ботинки, поблагодарила кивком головы женщину, с трудом отворила тяжелую дверь и вышла на веранду. Разумеется, фонари были исполнены в форме средневековых светильников, но освещали они и впрямь хорошо, по крайней мере, вокруг дорожек вполне все просматривалось.

Она пошла по одной из вымощенных дорожек и добрела до приземистого, довольно большого одноэтажного здания, оказавшегося баней. Заходить туда она не стала и свернула на другую дорожку, ведущую на противоположный конец участка, к симпатичному небольшому домику. Не доходя до него, Лиза перешла еще на одну дорожку, петляющую между деревьев в саду и неожиданно выскочившую сбоку к центральному входу хозяйского дома.

На освещенной веранде, закутавшись в какой-то меховой тулуп, сидел Протасов в кресле, придвинутом в арку распахнутых дверей, к самым ступенькам. Лиза постояла, прикидывая, сделать ли вид, что не заметила его и идти дальше, или как-то обозначить свое присутствие, и поняла, что он смотрит прямо на нее.

- Привет, – тихо сказала Лиза, подходя ближе к ступенькам и глядя снизу вверх на него, – ты чего здесь сидишь?

- Гуляю, – после довольно долгой паузы все-таки ответил Протасов без дружелюбия в голосе.

Она поднялась по ступенькам и встала перед ним. Помолчали.

И вдруг Лизе так сильно, до непереносимости, до невозможности остановить этот накрывший с головой эмоциональный порыв, захотелось его растряссти, сказать что-то, может, даже ударить, сделать хоть что-то, чтобы он стал прежним, живым или хотя бы проявил какие-то эмоции, заговорил нормально. И это незнакомое не подконтрольное нечто внутри нее – сильное, мощное, обжигающее – подтолкнуло ее на провокацию:

- Я не подходила к тебе на похоронах Алисы. Хочу теперь выразить свое соболезнование, – все-таки сдержалась в последний момент и смягчила те выражения и слова, что рвались из нее

огненной лавой, словно чертом подхлестываемые.

А он ничего не ответил.

Просто промолчал, и все! Будто Лизы и не было рядом, а он все так же сам себе тут «гуляет».

«Не в этом случае!» – решительно подумала Лизавета, заведясь бесповоротно, как в бедовую пропасть ухнув.

– Считается, что души умерших детей настолько чистые, что они сразу попадают в рай, в Царство Божие, или становятся ангелами, – тихо сказала она, внимательно вглядываясь в выражение его лица. Он повернул к ней голову, посмотрел прямо в глаза и очень холодным, твердым голосом потребовал:

– Прекрати нести эту чухню. И не смей говорить про Алису. Я запрещаю тебе.

– Ну, почему чухню, – спокойно возразила Лиза, напрочь проигнорировав и его грозный тон, и его требования. – Есть множество, миллионы свидетельств людей, прошедших клиническую смерть, и работы сильных медиумов и экстрасенсов о жизни и путях души после смерти, и даже наука доказала, что это правда, и душа после смерти продолжает свою жизнь.

Протасов резко поднялся из кресла, так, что оно отлетело, проскрежетав по полу, шагнул вперед, уронив доху и даже не заметив этого, и навис угрожающей, мрачной фигурой над Лизой.

– Замолчи немедленно! – потребовал он и повторил: – Я запрещаю тебе говорить о моем ребенке и произносить весь этот бред вслух! Если хочешь порассуждать на эти темы, то в другом месте! А раз приехала ко мне, то будь любезна подчиняться моим правилам! А они таковы: никто не смеет здесь даже упоминать о смерти Алисы. Понятно?

– То есть ты в загробную жизнь не веришь? – все так же спокойно и почти в режиме легкой беседы уточнила Лиза, полностью проигнорировав все его предупреждения и пугающий тон, и продолжила теософский «спор»: – Во всех религиях признается и описывается и ад, и рай, и путь души после смерти.

– Так! – грозно прорычал Протасов, и у него сделалось ужасное выражение лица, словно его судорогой перекосило: – Все! Ты...

– Ты слышал легенды о птице счастья? – перебила она его и, отступив на шаг, отвернулась и посмотрела куда-то вдаль. – О синей птице счастья? – повернула голову, посмотрела на него и снова отвернулась, продолжив: – А ты знаешь, что в лесах Амазонки, то есть в джунглях, водится чудесная птица, полностью синяя, и местные аборигены одного племени верят, что если эта птица сядет рядом с человеком или тому удастся подкрасться и постоять рядом с ней, то ему всю жизнь будет сопутствовать удача во всем. А аборигены другого племени охотятся за этими птицами и делают из них чучела и украшают ими свои головные уборы, считая, что это приманивает к ним удачу.

– Лиза! – потребовал Протасов. – Прекрати! Зачем ты говоришь всю эту хрень? Ты хочешь, чтобы я взял тебя за шкуру и выставил за ворота?

– Я хочу сказать, Глеб Максимович, – холодно сказала она, посмотрев ему прямо в глаза, – что, если ты не веришь в существование чего-то, что, по твоему мнению, абсолютно не может быть, то это не значит, что такого явления или вещи не существует в природе! И этому явлению

глубоко по фигу, веришь ты в него или нет, оно просто есть, и все! И твое ограниченное сознание на это существование никак не может повлиять! А еще! – Она повысила голос и подалась ближе к нему. – Я так поняла, что ты у нас здесь профессионально скорбишь и упиваешься своими страданиями! Ты хоть представляешь, как ты мучаешь душу собственного ребенка?

– Замолчи! Замолчи сейчас же! Что ты несешь? – рявкнул Протасов и ринулся к ней. Лиза решила, что он сейчас ударит ее, но он лишь схватил ее за предплечье выше локтя и потрянул: – Заткнись! Не смей больше рот открывать!

И потащил ее за собой к ступенькам, но Лиза резко вывернула руку, выдернула ее из жесткого захвата и сделала пару шагов назад.

Все! Ей больше терять было нечего! И, по большому счету, подталкиваемая каким-то чертом или ангелом, Бог разберет, она именно этого и добивалась – любой реакции, кроме безразличной, отстраненной холодности. Да и не собиралась она отступать!

– А тебе разве никто не объяснял, что происходит с душами умерших людей, когда родные и близкие их бесконечно оплакивают и скорбят о них? Как они мучаются и не могут упокоиться? Какой болью в них отдается ваша тупая скорбь? – уже почти кричала она.

– Заткнись! Замолчи немедленно! – проорал он.

И ринулся к ней схватить, остановить. А Лиза шагнула ему навстречу и не пытаясь убежать или увернуться.

– Что ты на меня-то орешь, Протасов? – не сбавляя голоса, прокричала она в ответ.

Он снова ухватил ее за предплечье и потащил за собой по ступенькам вниз, но Лиза, еле поспевая за ним, продолжала выступать:

– Вон у тебя поля, луга, леса. – Она повела рукой вокруг, указывая, видимо, на те самые поля и леса, одновременно пытаясь остановиться, сопротивляясь ему, чем сильно затрудняла Глебу движение. – Ни одного человека рядом! Иди в лес и прокричись там! Ты после похорон Алисы вообще кричал, плакал? Нет? Вот и иди, и прокричи все свои претензии и ненависть к миру, жизни, судьбе, к людям и обстоятельствам, проори все свои обиды на смерть! И проплачься!

Он неожиданно остановился на дорожке, резко развернул ее к себе и заорал в ответ, и лицо его в этот момент было абсолютно белым, перекошенным от ярости:

– Замолчи немедленно! Или я засуну тебе кляп в рот! Поняла?

– Да иди ты знаешь куда? – заорала в ответ она и выдернула руку из его захвата. – Плакальщик хренов!

Они стояли друг напротив друга, как два врага, как два диких зверя, вступивших в схватку на смерть, – глаза в глаза, ненавидя друг друга в этот момент. И никто из них не слышал, как, проскрипев, открылась, а потом закрылась, хлопнув под собственной тяжестью, входная дверь дома, и не видели, как вышла на крыльцо застольная компания, не слышали, как Кирилл окликал их несколько раз, пытаясь понять, что происходит.

– Ты свою жизнь в унитаз сливаешь и тянешь за собой всех окружающих! – уже во все горло зло орала Лиза. – Да, умер ребенок, это страшное, безумное горе, но это не значит, что должна

закончиться и твоя жизнь!

- О чем ты берешься судить, идиотка?! - заорал он в ответ, схватил ее за обе руки и потрянул. - Ты понятия не имеешь, что значит потерять ребенка! Что это такое!

- Да, я не знаю, что такое терять своего ребенка! И, надеюсь, никогда не узнаю, и мои дети доживут до счастливой старости! Но я хорошо знаю, что такое смерть младенца, родного человечка! - резким движением обеих рук она скинула его ладони и ткнула его указательным пальцем в грудь. - И я отлично знаю, что вытворяют такие, как ты! Лучше всех знаю, как вы вокруг себя выжженное поле оставляете и гробите жизни родных и близких! Вы оплакиваете не дитя потерянное, а себя без него, свое чувство пустой вины! Ах, как замечательно, как профессионально вы скорбите! Как же я без него!

- Лиза, прекрати! - прокричал испуганно Кирилл и кинулся вниз по ступенькам к ним. - Перестань немедленно!

- Заткнись! - она гаркнула на него так, что он остановился, как вкопанный. - Не вмешивайся!

Кирилл совершенно оторопел. Он никогда не видел свою маленькую, хрупкую сестренку в таком состоянии и предположить не мог, что она способна на такую силу воли и эмоций. Протасов попытался снова ухватить ее за руку и что-то сказать, но она откинула эту ладонь в сторону и опять ткнула его в грудь маленьким пальчиком, не дав ему заговорить.

- Высшая степень эгоизма! Великая жалость к себе! Ах, я в непереносимом горе, я так виноват, жить не хочу, уйду следом! Не трогайте меня! И такое вытворяете, тащите за собой на тот свет в ужас, кошмар и разрушение и родных, близких и друзей! Ты подумал, что ты делаешь со своими родителями, с бабушкой?! Они потеряли Алису, а теперь они теряют и тебя! Ты их преждевременной смерти хочешь или тебе по фигу? А твои друзья? Вон Кирилл лишним словом или намеком боится, не дай бог, ранить твою нежную истерзанную душу! И все должны помнить, что у тебя горе, и фильтровать слова, и говорить про это нельзя, ни-ни! А почему?! Почему нельзя говорить о светлой памяти замечательного ребенка?!

Она тыкала и тыкала его пальчиком в грудь, усиливая свои слова, а Глеб уже не пытался ее останавливать, перебить или хватать за руки, смотрел на нее, почернев лицом, и желваки ходили у него на скулах.

- Сбежать на хутор черт знает где или в монастырь какой, или к братьям каким-нибудь, или вон в Гималаи проще всего! А что, ни о чем не беспокойся, ни за что отвечать не надо, скорби себе, и все дела! А продолжать жить куда как страшнее и труднее! И не просто жить, а научиться снова радоваться и жить на полную катушку! Ты здоровый, сильный, талантливый мужик, ты обязан жить в десять, в сто раз больше, теперь и за себя и за Алису свою, за нее тоже проживать жизнь, обязан родить троих, пятерых детей, передать свои гены, таланты, силу, научить правильной жизни, научить любить!

- Все сказала? - холодно и спокойно спросил он.

- Нет, не все! - сбавила тон Лиза. - Ты талантливейший инженер-механик, прикладник, руководитель, таких специалистов, как ты, в стране по пальцам пересчитать, и ты это знаешь! А ты в леса сбежал! - Она шагнула вперед совсем близко к нему. - А кроме скорби и жалости к себе, ты что-нибудь сделал для своего ребенка? Ты поставил ей свечку в церкви, заказал молебен, поговорил с батюшкой? Не важно, веришь ты в это или нет. Ну а если это существует все-таки? И батюшка тебе бы объяснил, что помнить умерших надо со светлой грустью, не печалиться, что они ушли, а радоваться и благодарить, что были рядом с тобой, и вспоминать

только светлые счастливые моменты, проведенные вместе.

- Теперь ты закончила? - прорычал он.

- Да, не трудись, Протасов, - снова повысила тон она. - Я дорогу с твоего подворья хорошо запомнила! - и развернулась к брату: - На фиг вы ему железки дарили, надо было простынь подарить!

- Ка-акую простынь? - икнул обалдевший Кирилл.

- Белую! - рывкнула Лиза. - Чтобы одел и пополз на кладбище, сэкономит родным на гробу и похоронах! Дай ключи от машины!

- Зачем? - тупил Кирилл.

- Мы уезжаем! - объяснила Лиза и подошла к нему, протянув руку за ключами. - Дай ключи!

- Как уезжаем? - все еще не понимал происходящего братец, но ключи вытащил и отдал сестре, как под гипнозом. - Ночь на дворе, и выпил я, не могу за руль.

- Я поведу! Вы со мной или остаетесь? - зло спросила она, посмотрев на Маню. - У вас там, кажется, баня была по расписанию? Так парьтесь, а я поеду!

- Лизка, ты сдурела! - возроптал Кирилл, осознав, наконец, всю серьезность ее намерений. - Куда ты ехать собралась, ни черта не видно, ночь на дворе!

- Пойдем, Кирилл, - ухватила его под локоть Маня. - Извини, Глеб, что так получилось, мы поедем, наверное.

- Ты-то что извиняешься? - прорычал, как усталый лев после битвы, Протасов.

- А ей есть за что, думаю, это ее «благие намерения»! - ответила за Маню Лиза и наигранно елейным тоном поинтересовалась: - Я угадала, Манечка?

- О чем это она? - насторожился Протасов.

- Идем, правдолюбка ты наша, - вздохнула Маня и подтолкнула слегка Лизу в спину, вперед. - По-моему, все, что могла, ты уже совершила.

- Нет, девки, вы что, действительно всерьез уезжать собрались? - возмутился Кирилл.

- Собрались, - подтвердила ему жена и развернулась к веранде, обратившись к застывшим от потрясения и притихшим работникам: - Коль, ты нам ворота открой. Вер, а ты принеси наши сумки, хорошо?

Протасов не стал прощаться и ничего не сказал, развернулся и ушел куда-то в темноту, подальше от людей, как чудовище из «Аленького цветочка».

Лизу поколачивало крупной нервной дрожью тяжелого адреналинового «отходняка», когда она села за руль и ждала, пока сумки положат в багажник и все усядутся.

- Лиза, ты ненормальная! - возмутился братец, забираясь на пассажирское сиденье впереди. - Зачем ты ему наговорила все это? И так безжалостно!

- Я не знаю, - зло ответила Лиза, пытаюсь попасть трясущейся рукой в замок зажигания ключом.
- Я и представить себе не мог, что ты можешь быть такой жесткой и отчаянной! - Он смотрел на нее потрясенно. - Что ты можешь так вот орать, такие жестокие слова говорить человеку, не щадя его, что ты такая...
- Я тоже не знала, - оповестила она братца, наконец попала ключом в зажигание, завела машину, повернула к нему голову и потребовала: - Садись-ка ты назад, к жене, нечего на меня тут выхлопом дышать, а то загорюсь!
- Сбрендила! - понял братец, но таки пересел, сопровождая свое «переселение» шумным ворчанием и громким хлопанием дверцами.
- Лиза, ты все-таки поосторожней, - напомнила Маня, - там и на самом деле темно и ни фига не видно.
- Я осторожно! - напряженно ответила Лиза и пояснила, выезжая за ворота, которые стали медленно закрываться за машиной, как только они проехали: - Мне сейчас надо что-то делать, занять себя чем-то, скинуть пары, а то я взорвусь изнутри на куски!
- Господи, Лизка, что ты наделала! Он теперь нас видеть не захочет! Никого! И не пустит на двор вообще! Так мы хоть рядом были, не оставляли его совсем одного! Ну зачем ты ему наговорила все это? Что тебя понесло? - возмущенно переживал Кирилл.
- Пустит, не причитай, как бабка старая! И разве вы меня не для этого сюда привезли, а? - снова завелась Лиза, не успев еще остыть от прежнего боя. - Или это твоей жены инициатива? А? Маняша? Это такой твой план был? Ты хотела, чтобы я с Протасовым побеседовала, поговорила по душам?
- Ну да, - совершенно спокойно призналась Маня. - Я знала, что ты не промолчишь и попытаешься его как-то разговорить. Ты же психолог, к тому же Глеб к тебе очень хорошо относится, может, и получился бы у вас разговор.
- А вот не получился! - возмущалась Лиза, не забывая внимательно следить за дорогой, даже к рулю пригнулась поближе. - И, Маня, хочу тебе напомнить, что я детский психолог, к тому же не практикующий! И не занимаюсь посттравматическими синдромами у взрослых! Провалился твой план, Манечка, с громким треском, вернее криком!
- Ну, почему! - возразила так же спокойно невестка. - Это первые сильные эмоции, вообще какие-то эмоции, кроме скорби, которые он проявил за два года. По-моему, все очень неплохо удалось.
- Слушай, а ведь точно, - протянул Кирилл, удивленно уставившись на жену.
- Он ведь ни на что не реагировал, ему все было безразлично, - рассказывала Маняша. - Ольга после развода его чуть не обобрала до нитки. Горе у нее там, не горе, а билась она в суде за каждую копейку и адвоката дорогого наняла. А Протасов все игнорировал, он и на заседание суда не ходил, так бы она его и обобрала и остался бы голым, если б вовремя не вмешались дядька его да мужики наши, и Лешка своего очень грамотного юриста прислал. Ольге досталась половина квартиры, ее машина, абсолютно все вещи: мебель и вся обстановка, вообще все добро, что они там нажили, Глеб просто отдал, и все. А еще очень, очень нехилое пособие на жизнь из расчета на год, выплаченное одновременно. Она претендовала и на

половину портфеля его акций, но тут уж возмутились юристы предприятия, когда к ним запрос из суда пришел, и акции остались у Глеба, ну и его дядя Иван не допустил. Тем более, что большую часть этого портфеля Протасов приобрел еще до брака. Так что, по крайней мере, ему есть сейчас на что жить на этом своем хуторе, на проценты от акций.

- Да не бабки надо было спасать, а его! - возмущалась Лиза. - Вы что, не понимаете, что он в беде! У него затянувшийся нелеченный шок! Надо было его как угодно, уговорами или за ручку, да хоть силой притащить к грамотному психологу, а лучше к психиатру! Он же закрылся, закапсулировался в себе, в своем горе, и самому ему не справиться! А вы потакаете! Носитесь с ним, как с тухлым яйцом в кармане, а надо было хоть насильственно, хоть уговорами! Какая деревня? Как можно было его отпускать! Его в работу надо по самую макушку, во что-нибудь новое, интересное! Неужели никто из вас не подумал об этом?

- Подумали! - повысила тон Маня в ответ. - И пробовали не раз, не одна ты такая умная, Лиза! Да только ты его видела, он вот такой все эти два года, и если кто-то начинал предлагать помощь и что-то дельное, и пытался как-то повлиять, он просто выставлял за порог человека, и все. Ему и психолога привозили домой, но он ни с кем не обсуждает смерть дочери, даже имя ее не произносит вслух. Он уже изменился, стал более коммуникабельным, общительным, отходит понемногу, но заметь, до сих пор он ни с кем не разговаривал и темы этой не касался категорически, только с тобой сегодня!

- Он со мной не разговаривал, если ты обратила внимание, а орал! - проворчала Лиза, понимая, что неправа и зря наехала на ребят.

- А это, знаешь, тоже разговор, - успокаиваясь, возразила Маша. - Обычно он вообще ничего не говорит.

- Не справится он сам, - заметила расстроено Лиза. - Слишком запущенное состояние. Чтобы с таким справиться самостоятельно, надо быть очень сильной личностью и получить какой-нибудь мощный импульс, стресс, который бы потребовал включиться в социум, например - спасать кого-нибудь, мотивацию к жизни.

- А он сильная личность, если ты не знала. Очень сильная, - язвительно заметил братец. - А уж стресс с импульсом ты ему сегодня устроила, это точно. Осталось дело за мотивацией. Будем надеяться, что Протасову непреодолимо захочется тебя придушить. Как, по-твоему, это достаточно сильная мотивация?

- Все, хватит болтать! - распорядилась Маня. - Дорога совсем хреновая, и темень вокруг, не видно ни черта! Так что, Лиза, сосредоточься на вождении и перестань думать про Глеба. Что сделано, то сделано, а плохо ли, хорошо, там посмотрим. А сейчас просто довези нас до цивилизации.

До цивилизации в виде хорошей гостиницы в Тамбове она их довезла без происшествий, по пути и успокоившись, и передумав многое. Посовещавшись, решили, что нет смысла посреди ночи заявляться к старикам, переполошить всех, перебудить, да к тому же там и спать-то негде, полно народу и без них, разве что на полу. Тем более что в принципе они и планировали остановиться в какой-нибудь гостинице, только поближе к дому дедули с бабулей.

Когда оформлялись на ресепшен, у Кирилла зазвонил сотовый, удивив всех троих - уже за час ночи перевалило. Кирилл посмотрел на определившийся номер, его брови удивленно поползли вверх, и он поспешил быстренько ответить:

- Да! - послушал и, так и не отойдя от сильного удивления, оповестил: - Да все нормально,

доехали, вот в гостиницу заселяемся, – снова послушал и совсем растерянно сказал: – Ну пока.

Нажал отбой, ошарашенно посмотрел на девушек, перевел взгляд на экран смартфона, удостоверившись, что не ошибся, снова на девушек, протянул телефон вперед, как бы предлагая им самим убедиться в невероятном факте, и пояснил:

– Протасов звонил, спросил, доехали ли мы и все ли без происшествий.

– Значит, импульс оказался весьма мощным, – усмехнулась Маня.

– И что здесь такого, нормальное беспокойство о друзьях? – пожала плечами Лиза.

– За последние полтора года он вообще никому не звонил, кроме родителей и бабушки, – пояснила Маня, весьма довольна улыбаясь.

– Так, надоел мне ваш Протасов! – решительно заявила Лиза, подхватив сумку с вещами. – Я пошла спать!

Но это весьма громкое и решительное заявление не спасло ее от бесконечных мыслей о Глебе Протасове. Полночи она не спала и все думала о нем, вспоминала это свое странное, непреодолимое желание задеть его, разозлить, и их крик друг на друга, его лицо, перекошенное бессильной яростью и страшной болью. Незаметно проваливалась в сон, в котором ей продолжал сниться Глеб в каких-то ужасных обстоятельствах – то он бежал от кого-то, то догонял ее и что-то объяснял, а вокруг происходил какой-то конец света, все рушилось и сотрясалось, а он продирался через какие-то завалы и рвался к ней, и она просыпалась от кошмара, и снова думала о нем. И только совсем на рассвете, измученная и опустошенная, Лиза заснула, словно ухнула в черную дыру без кошмаров и сновидений.

Захлестнувшие Протасова чувства и эмоции причиняли ему почти физическую боль.

Потрясение от того, что она сказала, и от того, как она сказала. Он помнил каждое ее слово, каждый жест, выражение лица, словно их впечатывали ему в голову каленым железом. И холодящий где-то у сердца страхок, что ее слова могут оказаться правдой.

Неужели она хоть в чем-то права? Хоть в чем-то?

Он не мог избавиться от этих мыслей и от воспоминания, как Лиза, крича, тыкала его в грудь своим маленьким острым пальчиком, делая ощутимо больно.

Давно уже ушли спать притихшие и испуганные Коля с Верой, наведя идеальный порядок в кухне, так, что ничего и не напоминало о приезде гостей и недавнем застолье. А он все бродил и бродил, сначала по гулкому от ночной тишины и пустоты дому – поднявшись на второй этаж, постояв у окна спальни, вглядываясь в черноту ночи, спустился вниз, побродил по первому этажу. И, не выдержав давящей, словно укоряющей тишины дома, завернувшись в доху, вышел на участок, слушая собственные мысли, казавшиеся ему в ночной тишине слишком громкими.

Добрел до конюшни, зашел, погладил не спавшую Зорьку, радостно закивавшую ему головой и всхрапнувшую от удовольствия. Из закутка показалась неуклюжая, встрепанная фигура конюха.

– Чего там кричали, Максимыч? – спросил сипатым, прокуренно-пропитым голосом он.

- Ничего. Отдыхай, Витяй, все в порядке, - успокоил Глеб конюха.
- Да уж где в порядке, когда орете, как оглашенные, - проворчал недовольно мужичок и заботливо поинтересовался: - Не обидели тебя, Максимыч?
- Нет, все нормально, не переживай.
- Где ж нормально, слышу: шастаешь и шастаешь, аки волк какой, ночи не уважаешь, растеребили душу тебе, задели ретивое, - разворчался совсем уж конюх, - чего едут, доброго человека мучат.
- Может, пришла пора растеребить-то, - невесело усмехнулся Глеб, погладил Зорьку по бархатистой морде, помолчал своим мыслям непростым и спросил: - Скажи, Витяй, ты верующий?
- В Господа? - уточнил мужик и тут же ответил: - А то как же, без Господа никак. Еще бабка моя учила: знай грехи свои и дела праведные, за которые ответ держать будешь.
- Что ж пил-то так страшно, это же грех? - спросил Протасов.
- Пьяниц господь прощает, если греха страшней не совершил, - отмахнулся Витяй.
- А ты не совершил? - с интересом задал вопрос Протасов.
- А ить не знаю, - вздохнул покаянно Витяй. - Принимал-то горькую злыдню сильно, себя не помнил бывалоча.
- Ладно, отдыхай, - махнул ему рукой и вышел из конюшни Глеб.

Он постоял, послушал ночную звенящую тишину и беспокожно посмотрел на часы на руке, только теперь осознав, что постоянно думает о Лизе, которую практически выгнал в ночь. Как она водит машину, хороший ли водитель? Сможет ли без аварии доехать до трассы по абсолютно темной дороге? А если заяц или лиса выскочат под свет фар? Справится? Какого черта он вообще их отпустил! Надо было приказать остаться и ключи от машины забрать! Прогнал бы утром!

Он прикинул по времени, где они уже могут ехать при самом медленном ходе, решил, что до трассы уж наверняка добрались, и позвонил Кириллу. Сотовая связь здесь числилась, но хреновастькая, считай, что никакая, правда жители села мобильниками пользовались, иногда для такого дела на чердаки забираясь, а Протасов всякими непростыми путями добыл и имел в своем личном распоряжении спутниковый телефон последней модели.

Обалдевший от звонка Кирилл уверил его, что они в полном порядке и уже в гостинице, Глеб подумал мимолетно, может, попросить дать трубку Лизе, захотелось вдруг услышать ее голос, но тут же отказался от этой глупости: с чего бы это вдруг, наслушался уже на сегодня ее голоса да и что он ей скажет? Попрошался и нажал отбой.

Он поднялся на веранду, запер двери на ночь, сел в кресло, поплотней закутался в доху, закрыл глаза, и первый раз за два года позволил своим мыслям течь свободно, как им заблагорассудится, не обходя осторожно и самые страшные, болевые моменты, отпустив контроль.

Глеб Протасов родился и вырос в Москве. Еще в садике у него обнаружилась тяга и дарование ко всякого рода устройствам и механизмам. Все взрослые знали – дай этому ребенку новую механическую игрушку, и два часа полной тишины и спокойствия тебе обеспечено! Будет пыхтеть, развинчивать, раскурочивать, рассматривать, все детальки разложит вокруг себя на полу в одном ему известном порядке. А потом примется собирать назад. Отец специально для такого занятия подарил сынку детский наборчик инструментов, мама, правда, волновалась, что травмирует себя ребенок, но, понаблюдав за его действиями, успокоилась.

В школе Глебу было почти скучно – точные науки, которыми он так увлекался, и физкультура давались ему слишком легко и просто, а гуманитарные с трудом и пробуксовкой. Попробовал он кружки всяческие моделирования и техники, понравилось, но все равно чего-то не хватало, хотелось больше и интереснее, пока не попал он по рекомендации одного из преподавателей на курсы механики при политехническом институте. И понял Глеб, что это его стихия, как вода для рыбы!

Уже с первого курса института он постоянно подрабатывал – там схемку собрать кому-нибудь, починить что, там механизм какой перебрать, и зарабатывал, надо сказать, вполне приличные деньги. А уж на втором курсе устроился в одном автосервисе старые импортные тачки реанимировать, так вообще стал, считай, богачом. Времена-то какие? Правильно, девяностые! Хозяин его на руках готов был носить, пылинки сдувать и исполнять любые его желания, – например, что работать он будет только по вечерам после учебы.

Так что с семнадцати лет Глеб Протасов мог не только сводить любую девушку в любой ресторан или клуб и заплатить за ее капризы и имел свой кусок хлеба с маслом и черной икрой, но и родителям, и бабушке с тогда еще живым дедом помогал весьма ощутимо. И считался в семье самостоятельным человеком, снискав настоящее уважение родных.

Он окончил институт, Плешку, по специальности инженер-механик, а через год окончил учебу по второму высшему образованию, стал еще и инженером-электриком.

И на этом его вольная жизнь закончилась. Ну, почти закончилась. Он мог устроиться работать куда угодно: в любой самый крутой автосервис с баснословной зарплатой, на любое производство, причем сразу в качестве ведущего инженера. Настолько его специальность, а главным образом, его уникальные способности и инженерный талант и постоянная готовность осваивать что-то новое и учиться были в катастрофическом дефиците и имели высочайшую востребованность. Но Родина в лице его родного дядьки сказала: мне тоже такое добро надо!

Мамин родной брат Иван Константинович Мишин занимал не последнее кресло в Министерстве промышленности и торговли. И сразу, как только Глеб получил диплом о втором высшем образовании, вызвал его к себе на разговор.

– Я понимаю, ты вольный казак, привык за эти годы быть самому себе хозяином и диктовать свои условия работодателям, и к достойному заработку привык, всегда при деньгах. И, разумеется, цену себе знаешь, – начал разговор дядька, принимая племянника в своем министерском кабинете. – Но, распыляясь по мелким кустарям и небольшим производствам, можно и от науки отстать, и квалификацию потерять. Институт это что, это четверть дела, а вот практика, это все остальное. Так что послужи-ка, Глебка, Родине.

– В каком смысле? – усмехнулся Протасов такому наезду. – На завод, в город Челябинск или еще куда?

– На завод всегда успеешь, – отмахнулся Иван Константинович. – Я ж понимаю, ты молодой,

тебе интерес особый нужен. Вот и собираюсь послать тебя в Аргентину.

- Куда? - необычайно подивился такому неожиданному повороту разговора племянничек.

- Что, заинтриговал? - хохотнул дядька родной. - То-то же. Но и я при своем интересе. Точнее, министерство наше свои интересы соблюдет. Ты про Аргентину что-то знаешь?

- Нет, кроме того, что это Южная Америка, - честно признался Глеб.

- Понятно. В прошлом году у них случился ужасный дефолт, беспорядки с мародерством, бедлам, одним словом. Но суть этого бардака в том, что у них практически рухнула экономика. А мы туда много чего интересного поставляли, и поставляем, и будем поставлять, да с платежеспособностью у них сейчас, сам понимаешь. Так вот, «Энергомашэкспорт» продал им и помог в установке нескольких ГЭС, на одной из них какие-то неполадки в оборудовании. По контракту «Машэкспорт» обязан своего специалиста направить, но заплатить гонорар, который указан в том же контракте, аргентинцы не хотят, жалуются на дефолт и просят уменьшить сумму. А у нас тут требуется проверка еще на одном небольшом предприятии нашего электротехнического оборудования. Смекаешь? У тебя второе образование инженер-электрик, испанский ты знаешь, и вместо двух командировочных мы можем послать тебя одного. К тому же тебе, как молодому специалисту, и оплата меньше. Все по-честному. Но не обидим, не переживай. И аргентинцам выгодно и нам, и ты страну посмотришь и заработаешь неплохо. Ну как, согласен?

- Да какой разговор, дядь Вань, конечно! - согласился тут же Протасов.

Домой он вернулся уже зачисленным в штат министерства специалистом и с направлением в командировку на руках, оставалось уладить лишь некоторые формальности.

- Ах, Аргентина! - мечтательно воскликнула бабушка, когда он рассказал семье, куда и зачем уезжает. - Вино, танго, мужественные гаучо...

- Ба, в твоём возрасте это несколько опасная мечтательность, - усмехнулся Глеб.

- Я говорю про их знаменитые национальные фетиши, - рассмеялась бабушка и посоветовала: - Ты бы поинтересовался страной, ее историей, известными национальными традициями. В библиотеку сходил или хотя бы в этом вашем Интернете посмотрел.

- Не-а, не буду, - покрутил отрицательно головой внучок. - Подумал и решил, что мне интересней вот так, ничего не зная, все посмотреть и разузнать на месте из первых, как говорится, мозолистых рук, а лучше девичьих.

- Ну, смотри, - усмехнулась бабуля и предупредила: - Но помни, что можно попасть в неловкую ситуацию от незнания традиций и правил другой страны.

- Я рискну! - улыбнулся и поцеловал бабулю в щечку Глеб.

Бабушку свою, Антонину Степановну, он обожал.

Они были друзья и великие заговорщики, и у них имелся свой интересный мир на двоих, с тайнами и играми, который создавала-колдовала его необыкновенная бабуля.

Когда Глебка был маленьким, они жили все вместе - бабушка с дедом и его родители. Дед преподавал в вузе, родители очень много работали, учились, по очереди защищали свои

кандидатские, и ребенок практически полностью оказался на попечении бабушки, которая, чтобы помочь сыну с невесткой, ради внука ушла с любимой работы и вела весь дом.

Когда бабушка была еще не Антониной Степановной, а маленькой девочкой Тоней, с ними по соседству поселилась семья испанских беженцев, из числа тех, которым правительство Советского Союза помогло бежать от пришедшего к власти Франко. И была в этой семье ровесница Тонечки, девочка с необыкновенным именем Лусия. Дворовые ребята, патриотические и сочувствующие испанским антифашистам, борющимся против диктатора, взяли под свою опеку и заботу девочку Лусию и ее старшего брата Гарсию.

Забота – дело хорошее, но еще как-то общаться, разговаривать не мешало бы, а вот с этим обнаружилось затруднение – ни та, ни другая сторона языка друг друга не понимали.

Но Тонечка так сразу сдружилась с испанской девочкой, что у них затруднений в общении практически не возникало – сначала на пальцах и жестами, потом слова стали понимать, названия предметов, учили друг друга. Папа Антонины где-то раздобыл и принес домой старинный русско-испанский словарь в помощь дочери, и вся семья помогала ребенку осваивать незнакомые слова, так как читала Тонечка в свои семь лет хорошо, но пока еще не очень бойко. А уже через два месяца они с Лусией совершенно свободно объяснялись, а через полгода она тараторила на испанском, как на русском.

Испанская девочка стала лучшей и самой закадычной подругой Тонечки на всю жизнь. После окончания войны семья Лусии вернулась назад, на родину. Перед самым их отъездом девчонки договорились навсегда быть как сестры и скрепили страшную клятву кровью, перестаравшись с порезами ладоней так, что маме Лусии, тете Марии, пришлось перевязывать руки обеих, громко отчитывая подружек за плохо продуманную подготовку к ритуалу. Удивительная женщина! Другие в такой ситуации упрекали бы в глупости и неосмотрительности!

Обливаясь слезами, подружки расстались и долго махали друг другу забинтованными ладонями – Тоня, стоя у подъезда, а Лусия с заднего сиденья автомобиля, увозившего ее от подружки.

Клятвенный шрам навсегда остался у обеих на ладонях. И надо признать, что клятву свою они держали крепко, и долгие годы переписывались, отправляя письма друг другу не реже раза в неделю.

Тоня закончила истфак, понятное дело, специализируясь на истории зарубежных стран и в частности Испании, а потом и искусствоведческий факультет с тем же уклоном, но теперь целиком в испанскую культуру. Пошла в аспирантуру, защитилась и стала ведущим специалистом по Испанскому средневековью. Даже сумела несколько раз побывать в Испании в составе советских научных делегаций и встречалась там с любимой подругой. Ну, это отдельная история, их встречи: обнимания, горячие поцелуи, слезы без конца, смех, снова обнимания, разговоры ночи напролет и снова слезы – целая жизнь.

Первую настоящую длительную поездку в Испанию не по работе, а конкретно в гости к Лусии и ее семье, аж на целых три недели, оплатил и организовал ей Глеб еще в девяносто седьмом году. Потом несколько лет поехать не получалось, а вот последние лет десять, невзирая на солидный возраст обеих дам, эти поездки стали регулярными – как Антонины Семеновны в Испанию к подруге, так и Лусии в Москву, по мере, разумеется, достаточно хорошего самочувствия.

Получилось так, что Максим Игнатьевич, отец Глеба, испанский не освоил и, кроме

нескольких ходовых выражений (как водится, в первую очередь ругательств), язык не знал. Наверное, потому, что в семье на нем не разговаривали, отец его Игнатий Прохорович, дед Глеба, владел английским, а учить сына в то время Антонине Степановне было некогда.

Зато с внуком у них образовалась полная любовь и взаимопонимание! Она читала ему сказки и стихи на двух языках и пела испанские песенки и русские колыбельные, и уже в три года он болтал, перемешивая два языка – испанский с русским.

Понятное дело, что, проводя большую часть времени с бабулей, Глеб с детства проникся испанской историей и культурой, и учиться его отправили в специальную школу с испанским языком. Так что он был не просто испаноговорящим юношей, а владел языком, как родным, да еще и диалектами интересовался.

Но вот одна загвоздка встала на пути его дальнейшего глубокого культурного просвещения в целом – его талант оказался иного рода, технического. И вместо исторических и художественных книг он «зачитывался» чертежами и схемами и ночи напролет засиживался за каким-нибудь сложным механизмом. Но, как заметила на это бабуля:

- Немного испанских кружев твоим железкам не повредит, а русское искусство освоишь по ходу жизни.

Итак, Аргентина!

В аэропорту Буэнос-Айреса его встретил представитель заказчика, поприветствовал на ломаном русском и необычайно обрадовался, услышав родную речь в ответ, чуть обниматься не кинулся и принялся быстро-быстро объяснять, куда они поедут и что их ожидает.

А ожидала Глеба работа. И пока только она. На несколько дней погрузившись с головой в чертежи и изучение агрегата, Протасов практически ничего вокруг не видел, да и внимания не обращал. А справившись с задачей и наладив механизм, осознал, что очень сильно переживал и волновался, только старательно прятал от себя страх, что может не справиться, подвести министерство и дядю Ваню, и боязнь просто тупо напортачить с незнакомым и сложным, высокотехническим агрегатом – слишком уж ответственное задание дали для столь молодого специалиста. Не по годам и не по знаниям.

И тут почувствовал – попустило! Я молодец! Ура!

Аргентинские коллеги пригласили отметить успех в лучшем заведении города, где делают парилью, то есть мясо на решетке. Отмечать они начали там, но горячие аргентинские парни не остановились на одном из национальных пристрастий – жареном мясе с терпким, душистым вином, и потащили русского «комрада» в клуб, где танцуют танго.

Увидев первый раз в своей жизни настоящее, истинно аргентинское танго, Глеб испытал глубокое потрясение. Зрелище невероятной красоты и эротической силы. То, как можно с помощью человеческого тела, его движений, гибкости, жестов передать совершенную духовную и физическую красоту, буквально заворожило его.

Он обратил особое внимание на одну пару – мужчина лет за шестьдесят и молодая женщина; они танцевали бесподобно, а когда танец закончился, Глеб с нарастающим удивлением наблюдал, как партнер подводит даму к столику, за которым сидела их компания, целует ей ручку, кланяется и отходит.

- Познакомься, Глеб, – поднялся со стула, уступая место девушке, один из его товарищей. – Это

Флоренсия, моя кузина. Приехала из Буэнос-Айреса к нам в гости.

- Очень приятно, - приветствуя даму, встал со своего места Глеб.

Их руки сошлись в рукопожатии, они заглянули друг другу в глаза, и у Глеба горячие мурашки пробежали по позвоночнику и ошутимо стрельнуло в пах. У нее была особая красота, для которой есть старинное выражение, если переводить на русский, это звучало бы приблизительно, как «длинной испанской крови», что-то в этом роде. Есть такое понятие в латинских странах, как передающаяся из поколения в поколение красота женщин-аристократок, принадлежавших одному роду. Старинному, как вы понимаете. У нас бы сказали проще: истинно испанская красота - масса непокорных черных, слегка вьющихся волос, идеальный овал лица, великолепные дугообразные брови, большие карие выразительные глаза, чувственный пухлый рот и тонкий прямой носик с трепещущими крыльями ноздрей.

- Так это вы тот самый русский, о котором рассказывает всем Хуан, расхваливая вас до небес? - спросила она низким, томным, эротическим голосом, вызвавшим в Протасове новую порцию позвоночных обжигающих мурашек и уже серьезную заявку в паху.

- Не знаю, кого он расхваливает, но русский - это я, - признался Глеб, отстранив Хуана и сам галантно отодвигая стул для дамы.

- Вас, я уверена, что вас, - легко рассмеялась девушка.

После первых неловких для Глеба минут, из-за его серьезно заявивших о себе эротических желаний и первого коктейля разговор между ними принял вполне дружеский и открытый тон. И уже скоро они болтали, как старые проверенные друзья, хорошо знавшие друг друга.

Флоренсия рассказала, что приехала в этот город навестить бабушку с дедом, тетю с дядей и двоюродных братьев по пути к родителям, которые живут на вилле в своем винодельческом хозяйстве. Она работала в небольшой туристической фирме в Буэнос-Айресе, ориентированной на внутренний туризм, для аргентинцев, а вечерами преподавала танго в одной известной студии танца, но из-за кризиса и дефолта фирма перестала существовать, а на мизерную зарплату преподавателя танцев не проживешь, вот и приходится возвращаться к родителям, чтобы помогать в семейном бизнесе. Она сумела накопить немного денег и, прежде чем окончательно вернуться в родовое гнездо, решила навестить некоторых друзей и родственников.

Они очень здорово провели этот вечер, но разошлись - Глеб в гостиницу, Фло, как она просила ее называть, ушла с братом.

Через день Протасов должен был уезжать в другой регион страны, чтобы приступить ко второму пункту назначения своей командировки, но следующий день, после оформления всех оставшихся формальностей и документов, у него был свободен. Они договорились с Фло, что встретятся, и она, как профессиональный турагент и экскурсовод, покажет ему этот город.

Город он осмотрел с большим удовольствием, - правда, большую часть этого удовольствия получил от созерцания самой девушки, но и историческую составляющую не упустил.

- А хочешь, я покажу тебе Аргентину? - неожиданно спросила Фло, когда они сидели в уютном кафе и потягивали мате. - Настоящую. И туристическую, и не туристическую, истинную. Я ведь историк по образованию и объездила всю страну.

- Спрашиваешь! - возмутился Глеб и живо поинтересовался: - А как это можно устроить? Я же

вообще-то здесь работаю.

- Но у тебя же бывают выходные, - напомнила она и пояснила, как: - Ты наймешь меня личным экскурсоводом с оплатой, в которую войдут проживание в гостинице и услуги транспорта, я составлю маршруты, найду самые оптимальные цены по трансферу и отелям, все очень скромно, и мы станем ездить в твои выходные по стране. Разумеется, если у тебя есть на это деньги. Это будет выгодная сделка для нас обоих.

А деньги у него были, как и множество возникших сразу вопросов, типа: а проживать они станут в отдельных номерах? Он получил приличные командировочные валютой, разумеется, не в аргентинских песо, да еще с собой прихватил порядочную сумму из старых заработанных запасов, а тратить пока было некогда да и не на что. Вот на такую бы женщину, это да!

- Мне бы очень хотелось, - он не стал тут же уверять в своей высокой платежеспособности девушку. - Но надо прикинуть, что и как.

- Тогда нам надо обговорить детали, посмотреть, для начала приблизительно, во сколько это может тебе обойтись, и заключить договор, - по-деловому заявила она и улыбнулась своей офигительно эротичной улыбкой. - Предлагаю пойти к тебе в гостиницу, оформить все бумаги и взять с собой бутылочку «мальбека», чтобы отметить нашу сделку.

Флоренсия поразила его своей деловитостью и серьезным подходом к делу, как ему казалось, не вязавшимся со столь яркой внешностью. Став неожиданно сосредоточенной и строгой, она, разложив большую карту страны, которую они взяли у администратора, на столе в гостиничном номере Глеба, профессиональным сухим тоном рассказывала об основных достопримечательностях, которые предложила к осмотру, что-то долго прикидывала и считала на калькуляторе, кому-то звонила и уточняла цены и часа через два предоставила Протасову предварительную «смету», удивившую его своей скромностью.

После согласия заказчика на проведение туристических мероприятий она достала из огромной сумки, с которой была сегодня, небольшую коробочку. Пояснила, что это ее личная печать, с которой она работала на фирме, и тут же набросала договор между ними, хлопнула своей печаточкой, размашисто подписала и, дождавшись, когда он поставит и свою подпись, радостно предложила отметить это событие.

Протасов открыл вино, достал и принес к столу пузатые бокалы из буфета, разлил.

- За сотрудничество! - провозгласила Флоренсия.

- За туризм! - поддержал Глеб.

Они чокнулись, выпили, принялись снова обсуждать какие-то детали, возможные маршруты, тут Глеб вспомнил, что они принесли с собой фрукты, которые купили на рынке, как раз к вину, и отправился в ванную их мыть, а когда вернулся...

Совершенно голая Фло полусидела на кровати, откинувшись на собранные горой подушки, в одной руке она держала бокал с вином, во второй большой старинный веер в испанском стиле. Она сделала глоток вина и низким, эротичным до мужского обморока голосом, сказала:

- Аргентина, Глеб...

И, медленно согнув в коленках, широко раздвинула свои длинные стройные, великолепные ноги...

- ...начинается здесь, - закончила она фразу.

От этой откровенной, бесстыдной чувственной сексуальности, оказавшейся невероятно красивой, даже какой-то возвышенной в своей естественной красоте, как произведение искусства, Протасова временно поразил ступор, и он стоял онемевший и рассматривал завороченно женщину, раскинувшуюся перед ним. Он даже не замечал, что у него начали тихонько трястись руки, и персик, лежавший на самом верху горки фруктов на тарелке, которую Глеб принес из ванной, вдруг скатился и упал на пол...

Что сказать. Ему было двадцать три года, ей тридцать, и у нее было стройное, смуглое тело с тугими мышцами, маленькой плотной грудью и потрясающей попкой умопомрачительной формы, и она обладала характером и темпераментом тигрицы. Чувственная и сексуальная, с буйной эротической фантазией и в то же время с железной деловой хваткой, острым умом и профессионализмом в делах!

Как вы думаете, что он мог испытывать?

Да, именно! Он попал в свой личный, индивидуальный мужской рай, победив по ходу всех мужиков и соперников на свете!

Как Глеб отработал на втором предприятии и умудрился разобраться в проблеме и все исправить, он помнил смутно, честно признавшись себе, что, скорее всего, каким-то чудом невероятным, потому как весь с потрохами и мозгами находился в сексе, сексе, сексе, изматывающем до дна, в чудесном общении после секса и перед ним, и уж точно не в разуме!

Но работу сделал, и пришло время уезжать на Родину. Но то ли он такой удачливый парень уродился, то ли фортуна лелеяла Фло, тут случилось одно странное обстоятельство, кардинально и надолго изменившее все его планы.

Однажды они с Флоренсией приехали в гости к друзьям ее семьи, которые так же, как и ее родители, владели собственной винодельней. Вообще это получилась фантастическая поездка - места потрясающей, дивной красоты, люди интересные, открытые, гостеприимные. Узнав, что сюда приехал гость аж из России, к друзьям семьи Фло пришли пообщаться и соседи, присоединившись к компании за большим столом, да не одни, а привели с собой и своих гостей, приехавших к ним с севера страны. Застолье оказалось широким, шумным, интересным и разворачивалось за столом на дворе усадьбы с потрясающим видом во все стороны.

За разговором один из тех «северных» родственников соседей пожаловался, что у него сломался старинный прядильный станок, а починить некому, раньше был механик, который знал эти станки досконально, да он умер в прошлом году, а больше никто не берется, и специалистов не найти.

- Я бы посмотрел, - мечтательно протянул Глеб.

- Так посмотри! - оживился необычайно предприниматель.

- Не могу, - грустно вздохнул Протасов и растолковал, что находится здесь в командировке, и она уже заканчивается.

- А как можно договориться с твоим начальством? - ухватился за такую возможность коммерсант.

- А никак, - разочаровал Глеб. - Мое начальство в министерстве, и занимаюсь я современными,

сложными, мощными механизмами на уровне государственных поставок.

- Ну а ты бы смог починить старинный станок, вообще-то? – придирчиво уточнил мужик.

- Ну, если он не умер окончательно, то, наверное, да, – пожал плечами Глеб.

- А если мы попробуем по линии культурного обмена наших стран договориться, наше производство считается историческим и охраняется государством, как наследие страны. У меня есть станки, которым по сто лет и больше, – предложил такой вариант культурного общения стран аргентинский бизнесмен.

Вы будете смеяться, но у них получилось!

Глеб позвонил Ивану Константиновичу и объяснил потребности латиноамериканских промышленников. Куда и кому звонил бизнесмен с севера, для Протасова осталось загадкой, но уже через три дня он имел командировочное удостоверение с открытой датой отъезда и все необходимые документы, которые переслали ему из России. А через неделю они с Фло отправились в деловую, а заодно и туристическую поездку.

Он пробыл в Аргентине два года! Два, ребята!

Вот так. Как в старые добрые времена, не знавшие масс-медиа, его передавали от одного владельца небольшого производства, у которого возникли проблемы со станками и механикой, сделанной лет восемьдесят – сто назад, к другому. В России министерство культуры и минпромторг как-то между собой договорились, и болтался он в Латинской Америке, в разных непонятных статусах, но дружбу народов крепил, как мог, выполняя поручения обоих министерств.

Несколько раз замещал наших российских инженеров, которые, несмотря на все дефолты, все-таки работали в этой стране, – правда, их было всего несколько человек, но и у них имелись отпуска, – помогал нашим специалистам, словом, выполнял роль затычки в каждой дырке: куда пошлют, там и пригодится. И не только в Аргентине, пришлось поработать и в Чили, и в Боливии, но основным местом его дислокации была все-таки Аргентина.

Он приобрел совершенно уникальный опыт, каждый день его работы не пропадал зря, а приносил какие-то новые знания, умения. Но больше всего ему нравились те самые некрупные семейные производства с теми самыми старинными агрегатами. Это было его такое хобби – своеобразное.

Что больше всего поражало Глеба, так это то, что эти станки работали даже сейчас с точностью швейцарских часов. Ломались они крайне редко, в основном из-за износа деталей, которые уже не производились, и требовалось делать их каким-то образом самим, а документацию и чертежи имели такую исключительную точность и детализацию, что он любовался ими, как произведением искусства, каждый раз поражаясь качеству того, что делали его коллеги на заре индустриализации.

Сказать, что он был счастлив эти два года, это ничего не сказать – он проживал эту жизнь такой мерой наполненности и накала эмоций, чувств и позитива, что каждое утро, просыпаясь, напоминал себе, что это происходит с ним на самом деле, в реальности.

Флоренсия прожила с Глебом полтора года, сопровождая его везде. Только спустя несколько лет он по-настоящему понял и оценил то, кем она была и что сделала для него.

Она подарила ему великое чувственное понимание сексуальных отношений мужчины и женщины. Раскрепощенная, свободная сама, она раскрепостила и освободила его от условностей и ложной стыдливости, научив чувствовать, что такое истинная красота и великолепия интимных отношений, никогда не доходящих до определенной черты пошлости, цинизма и грязи, за которой следует неизбежная бесчувственность и пресыщение, научила умению владеть своим телом и своей сексуальностью, не бояться и не опошлять ее.

Она подарила ему целую страну! Свою Аргентину. Настоящую.

И эта страна стала частью его самого, незаметно войдя и поселившись в его сердце, и она останется с ним навсегда! Красота этих потрясающих мест, резкая смена пейзажей, заснеженная Аконкагуа, величественно вздымающаяся почти на семь километров, водопады Игуасу, великолепный голубой ледник Перито в озере Лаго-Арджентино и множество иных известных и малоизвестных мест, которые они посетили, настоящий терпкий «мальбек» из Мендосы под шкворчащий огромный говяжий стейк, снятый с парильи, и коктейль с ферне в клубе, сладкое «торронтес» после обжигающей ночи любви и мате по утрам, великолепие карабкающихся в гору виноградников, загадочность маленьких городков и потрясающие своим величием закаты в Патагонии, гордость настоящих гаучо и открытая приветливость простых аргентинцев, – и еще многое, многое, что околдовало и покорило его в этой стране.

И, конечно, танго!

Она научила его и подарила ему танго, сделав из Глеба практически профессионала, заставила полюбить этот танец, как продолжение себя самого, как свое дыхание.

Она подарила ему себя – истинную потрясающую женщину, ставшую для него умопомрачительной любовницей, заботливой хозяйкой их быта «на колесах», советчицей и настоящим другом.

Однажды утром, после необычайно страстного секса, она приняла душ, оделась, собрала свои вещи и присела к нему на кровать, где он дремал, опустошенный страстью:

– Я ухожу, мой друг, – грустно улыбаясь, сказала Флоренсия. – Мои русские каникулы закончились.

– Как уходишь? Почему? – растерялся Протасов, ничего не понимая.

– Все всегда заканчивается, кроме большой любви, – она протянула руку и погладила его по всклокоченным волосам. – Вот и наше с тобой время закончилось. Я ухожу, чтобы никогда не стать для тебя обыденностью, а остаться самым ярким воспоминанием в твоей жизни. И еще потому, что мне пора заниматься своей жизнью.

– Подожди! – сел он на кровати и ухватил ее ладони двумя руками. – Как, вот так просто ты возьмешь и уйдешь? И даже не дашь мне ничего сказать или что-то сделать?

– Ничего уже не надо делать и говорить, это все испортит, – печально улыбалась она.

– Но я могу хотя бы сказать, как благодарен тебе, как ты мне дорога, какая ты удивительная женщина. И мне хочется что-то сделать для тебя. Многие сделать...

– Ты все уже сделал великолепно, мой дорогой, – перебила она его. – И никогда не забывал говорить мне эти прекрасные слова, и всегда был щедрым во всем. Нам было очень хорошо вместе, но настала пора расставаться. Прощай, мой русский кабальеро, мой мальчик, я всегда

буду помнить тебя.

И она крепко поцеловала его в губы и ушла, ни разу не обернувшись и не дав ему возможности остановить ее. Она все делала решительно и окончательно, эта женщина.

Она была права – все всегда заканчивается, кроме большой любви. У них было все самое лучшее, и даже возможность соединить свои жизни и жить вместе, но именно настоящей любви у них не было, и это начало превращать их отношения в привычку, в обычность... А великая женщина Флоренсия не могла себе позволить стать обычной ни в чем и никогда, она очень тонко умела чувствовать момент и время...

Потом он встретил девушку по имени Сол, но милая хохотушка не шла ни в какое сравнение с обжигающей, бескомпромиссной, великолепной Флоренсией, хотя и была по-своему забавной и нравилась ему в постели.

А вскоре его двухгодичная командировка закончилась, как-то неожиданно и резко, и он вернулся в Москву, где любимый дядька, поворчав на тему чьих-то затянувшихся отпусков за счет государства, сунул ему приказ о назначении на известный государственный завод в Подмоскowie на должность заместителя главного инженера.

- Это что, ссылка? – усмехнулся Глеб.

- Нет, но мозги тебе на место поставит и ответственностью, и российской действительностью, – пообещал Иван Константинович и объяснил: – Там умер главный инженер, его должность занял заместитель, а специалиста на место зама ну негде взять, все при деле. Пойдешь ты. Давай осваивай производство.

Мудрый человек знал, что говорил. Русская действительность расхолаживаться не давала и к ностальгическим воспоминаниям о жарких странах и не менее жарких женщинах прикладывала свой, не менее жаркий пролетарский ответ в виде кукиша, сдобренного родным матом. Хотя работа была очень интересная.

На этом заводе он отработал год и действительно понял, что такое настоящее серьезное производство, каковы его реалии и сложности. А через год его дядька родной отослал...

Далеко, скажем так. Далеко, да не просто.

- Вот что, Глеб, – сразу задал Иван Константинович серьезный тон разговору, когда вызванный в министерство племянник пришел в его кабинет. – Посовещались мы тут и решили поставить тебя на очень серьезную должность, невзирая на твой младенческий возраст. Я за тебя перед министром поручился, расхваливал, что и талантливый сверх меры молодой человек, и ответственный. А он знаешь кому докладывал...?

- Э-э-э, – протянул Протасов, не очень понимая, о чем идет речь.

- Вот именно, – кивнул Иван Константинович и продолжил: – Назначение твое подписано, и предупреждаю: это очень большая ответственность и должность. Но президент сказал, надо давать дорогу молодым и делать ставку на новые кадры. Вот мы и даем, и делаем.

- Да куда направили-то, – не выдержал этого затянувшегося вступления Глеб.

Дядька, посмотрев на него строго и внимательно, вздохнул и произнес название одного из крупнейших заводов страны, государственной значимости.

- Так что поедешь во Владивосток, - вздохнул еще раз тяжело Иван Константинович.

- Ни фиги себе! - совершенно обалдел Глеб и принялся возмущаться: - Да я же про это производство ни черта не знаю! Совершенно не в теме! Там такие монстры работают, а я пацан двадцати шести лет! Это ж уровень государственности хрен знает какой!

- Что, - перебил его дядька, глядя в прищур: - Слабо? Неинтересно?

- Интересно, - перевел дыхание, подумал пару мгновений и признался Протасов. - Еще как интересно! Ну а насчет слабо, а если не справлюсь?

- Не справишься, головы тебе не сносить, - разъярил Иван Константинович и совсем другим тоном добавил: - Так что придется тебе справляться, Глеб, чтоб и самому этот полезный орган не потерять, и мою седую голову не подставить. И если ты думаешь, что я тебе тут породственному протежирую, то сильно ошибаешься. Я способности твои трезво оцениваю и знаю, на что ты способен, и какие еще в тебе таланты есть, - например, дар руководителя и организатора, - которые пока до конца не раскрылись. Желающих на это место не так уж много, как казалось бы, хоть и зарплата, сам понимаешь, весьма достойная, и перспективы, и авторитет, без сомнения, но ответственность запредельная, и талант инженерный нужен. Ладно, все. Оформляй документы и езжай. Звони постоянно, докладывай, советуйся, спрашивай в любое время - помогу.

Охо-хо! С тяжелой руки министерства и дядьки родного огреб Глеб Максимович Протасов такой беспросветный каторжный труд, безумную ответственность и головняк на долгие годы, который и представить себе не мог в самой страшной фантазии!

Поначалу его пытались шпынять и строить под себя все кому не лень - и директор завода, и его замы разных направлений, и крупные акционеры. Даже мастера цехов пытались дурить, проверять на «вшивость» и манипулировать, как мальчишкой, - в сущности, которым он тогда и был. Мыслимое ли дело в двадцать шесть лет стать главным инженером огромного завода?

Посмотрел Протасов на все эти дела, вник в свои обязанности, права, ответственности и производственные необходимости и стал спокойно, но твердо и настойчиво давать отпор и утверждать свой серьезный авторитет.

И у него получилось! Пусть не сразу, были и сложности, и естественные трудности, но постепенно он добился абсолютного признания своего авторитета у подчиненных, и уважения начальства, и самое важное - его приняли, признали и стали уважать рабочие завода, а это была, пожалуй, главная победа.

Ничего. Втянулся и уже через годик начал получать кайф от своей работы, от общения с заказчиками, с коллективом, оценил по достоинству и проникся глубоким уважением к директору, настоящему мужику и личности государственного масштаба. Впрочем, Протасов понимал, что и сам становится где-то личностью такого уровня.

А то! Огромная квартира в центре города - пусть и казенная, но сам факт! Определенное влияние не только на внутризаводском уровне, но и на всех остальных - городском, областном, краевом, государственном в какой-то степени. Например, не подпишет он сдачу заказа по техническим каким-либо причинам - это, между прочим, неприятности межгосударственного уровня, ибо заказчики у них непростые, а «импортные» в том числе. И, бывало, не подписывал.

Что там еще из благ? Ну, авторитет в городе, это уже упоминалось, особое положение тоже, зарплата очень-очень достойная, еще он с бонусов начал потихоньку акции приобретать. Ну

это еще когда Глеб на первом своем производстве работал, его дядька надоумил и научил. Да, и разумеется – перспективы! Если человек в двадцать шесть начал с такого старта, то что его ждет впереди?

Ну и как такой колобок да без лисы? Сам по себе гуляет? Не положено! Кто ж такое добро да бесхозным оставит!

От полного разочарования в женщинах и махрового цинизма спасали Протасова только чрезмерная загруженность работой, закрытая и охраняемая территория завода, на котором он проводил большую часть своего времени, да довольно замкнутый круг общения – коллеги по работе, начальство и их семьи в выходные и по праздникам.

Но и на заводе женщин, желающих тесного общения с главным инженером, более чем хватало, правда, имелся все же некий сдерживающий от беспредела бабского фактор – он как-никак был начальником, мог, осерчав, и уволить.

Конечно, не обошлось без случайных связей, нескольких девушек, подзадержавшихся в отношениях с ним по паре-тройке месяцев, но ничего по-настоящему серьезного и значимого в его личной жизни не происходило.

Пока он не встретил Ольгу.

Гораздо позже он узнал, что эта «случайная» встреча была тщательно продумана и спланирована самой Ольгой, разработавшей целую стратегию, чтобы его заполучить, и ее родной теткой, непосредственной подчиненной Протасова.

Но план барышням удался на все сто процентов.

Он выходил через проходную, она заходила, они «нечаянно» столкнулись, она неудачно «подвернула» ногу при столкновении и чуть не упала, при этом юбка у нее задралась так, что стали видны трусики, «заметив», куда он смотрит, девушка возмутилась необычайно, строго его отчитала и, независимо подняв голову, удалилась.

Великолепная гордая блондинка, красавица с потрясающей фигурой, одета строго, но при этом сексуально, «не знавшая», кто такой Протасов, окатившая его холодностью, приправленной презрением...

Разумеется, он повелся! А то!

Он бы затащил ее в постель в тот же вечер, так она его распалила и заинтриговала, но дала она ему только через две недели, заставив поухаживать, позавоевывать, чуть не сведя с ума от желаний, которое талантливо подогревала разными женскими ухищрениями.

Через полтора месяца Ольга уже переехала к Протасову в ту самую шикарную квартиру, через три месяца после переезда объявила, что беременна, а еще через месяц они поженились. То есть через полгода после «случайной» встречи на проходной она стала женой одного из самых завидных холостяков города.

Браво!

Ей было двадцать пять, образование она имела условное, что-то там педагогическое ни о чем, зато амбиции королевского уровня и масштаба. Избалованная мамина-папина дочка владивостокского разлива среднестатистической семьи, бывшая модель, не дотянувшая до хотя

бы московского уровня, эскортница на подработке, четко выстроившая для себя планы своей будущей шикарной жизни.

Не все так плохо. Хозяйкой она показала себя отличной, по-настоящему заботилась о муже, следила за его здоровьем и правильным образом жизни, не забывая и про его карьеру. Выстраивала нужные знакомства, со своей, женской стороны, отсеивала бесперспективных друзей, блистала рядом с ним на всех протокольных мероприятиях, что тоже было немаловажно и добавляло Протасову очков. Они стали самой желанной парой для местных журналистов и телевизионщиков.

Она выбрала его, сделала свои главные ставки на благополучную упакованную жизнь и, будучи женщиной неглупой, хитрой и расчетливой, не требовала немедленного исполнения своих желаний, а терпеливо поддерживала мужа, окружала заботой и уютом и готова была кое-что потерпеть. Например то, что они до сих пор не в Москве.

То, что он ее не любит, Протасов понял через неделю после свадьбы, как понял и то, почему он на ней женился. Он был влюблен, увлечен этой девушкой, она нравилась ему в постели и всячески старалась разнообразить их секс, она оказалась хорошей хозяйкой и все бытовые вопросы взяла на себя, окружив вниманием и уютом, что было значимо для занятого сверх всякой меры мужика.

И они ждали ребенка.

В двадцать восемь лет он стал папой. И месяца три не брал на руки дочку, боясь ей навредить или что-то сломать, такой необычайно хрупкой она ему казалась. Но когда Глеб первый раз взял Алису на руки, с ним случилось что-то необыкновенное!

Она смотрела на него своими серыми глазюшками внимательно и сосредоточенно, нахмутив малипусенькие бровки, и вдруг ухватила за палец, и в этот момент Протасов почувствовал такую сильную, обезоружившую бесконечную любовь и нежность к этому комочку в его руках, что у него перехватило горло, защемило сердце и на глаза накатили слезы.

Этот момент безусловной любви к дочери запечатлелся в его сердце и памяти навсегда.

Теперь, в какое бы время дня и ночи он ни возвращался домой, Глеб первым делом мыл руки и брал дочурку на руки, ходил с ней по квартире, что-то напевая и тихонько рассказывая.

Алиска росла обожаемой папиной дочкой, катастрофически балуемой им, а строгой у них в семье оказалась мама. Ольга ворчала на мужа за то, что он немилосердно балует дочь, и особенно за то, что учит ее испанскому.

- Я не учу, я просто с ней разговариваю, - посмеивался Глеб и предлагал: - Давай и ты выучишь, здорово же будет, что в семье есть иностранный язык.

- Мне некогда этим заниматься! - сердилась Ольга.

Чем таким особым она была занята и что делала целыми днями, пока он работает, Протасов не интересовался, - наверное, занята, маленький ребенок все-таки и домашние каждодневные дела. Правда, чем в таком случае занимаются посторонние люди в его квартире - домработница, приходящая через день, и две няни, приходящие каждый день по сменам.

И грудью она кормить ребенка не стала, боясь испортить форму этого агрегата. Модельный бизнес для Ольги как бы закончился, но подразумевалась высокая светская жизнь в будущем.

Время летело настолько стремительно, что он не успевал выставлять какие-то вехи и подводить промежуточные итоги. Вроде бы только приехал на завод, а уже четыре года улетели куда-то, вроде бы только женился, а уже Алиске два годика. Так вот незаметно подкрался и тридцатник, и напомнил ему об этом друг Кирилл, позвонивший и пригласивший на свой юбилей. В их компании первым день рождения шел у Кирюхи, а за ним уж и у всех остальных мужиков.

Подумал Глеб, прикинул, что в принципе и по делам в Москву не мешало бы съездить, и можно совместить работу и развлечения, да и Ольга последнее время все настойчивей в столицу рвалась.

Первый свой значимый юбилей Кирюха Потапов праздновал широко – крутой ресторан, куча приглашенных гостей, концертно-развлекательная программа. Глеб за него от души порадовался – зарабатывает мужик, поднимается, молодец! Протасов испытывал истинное удовольствие от встречи с друзьями, с которыми давно не виделись и не собирались всей компанией, от великолепной еды и самого мероприятия, устроенного на достойном уровне.

Краем глаза несколько раз замечал и обращал внимание на девушку, сидевшую на другой стороне стола рядом с бабушкой и дедом Кирилла. Глеб мимолетно тогда подумал: «Лизавета, что ли?», но сомневался – рассмотреть ее толком не мог, далековато, да и она постоянно отворачивалась, разговаривая. Но, собственно, это было не столь важно, если она здесь, то увидятся еще, а не увидятся, да и ладно.

Но когда гости поднялись из-за столов – принять участие в развлекательной программе, и Глеб увидел совсем рядом Лизу, он настолько поразился, что даже не поверил в первый момент, что это на самом деле она. И придвинувшись поближе, некоторое время постоял незамеченный ею и порассматривал девушку, прежде чем подойти и поздороваться.

Последний раз он ее видел двенадцатилетней девочкой. Лиза всегда была миленькой и очень симпатичной – маленькая, меньше всех своих сверстниц, миниатюрная, тоненькая, очень живая и очаровательная. Но она превратилась в потрясающую девушку – росточком так и не вымахала, и все такие же тоненькие, изящные ладошки и маленькие стопы, которые умиляли и удивляли его еще тогда, но на этом вся детскость и заканчивалась – высокие стройные ноги прекрасной формы, шикарная упругая попка, тонкая талия и великолепная грудь, длинная изящная шейка. Четкий правильный овал чуть вытянутого лица обрамляли мелкие строптивые кучеряшки темно-русых волос, выбившиеся из стильной прически, по-детски припухлые губы, тонкий носик, красивые изящные брови и потрясающие светло-зеленые глаза.

Протасов рассматривал девушку не спеша и с особым эстетским удовольствием, словно смаковал изысканное вино, не пропуская всех нюансов и деталей, – как двигается, как жестикулирует, поражаясь ее удивительной хрупкой женственности и грации, редкость в наше время. Он вдруг сделал неожиданное открытие, что ему всегда нравились именно такие женщины – миниатюрные, нежные, женственные, казавшиеся беззащитными. А вовсе не красавицы брюнетки и изысканные холодные блондинки. Ну, пожалуй, Лизавету красавицей в классическом смысле он бы не назвал, скорее обворожительной, очень симпатичной, уникальной, особенной...

Поймав себя на том, что совсем уже забурился в беспардонное разглядывание девушки и анализ ее внешности, Протасов решительно направился поздороваться с ней. Он представил Лизе Ольгу, что-то задело его в ответе жены на проявление открытой дружественности Лизы. Но они уже подошли к сцене, и тут объявили танго.

Кирилл напомнил Глебу, что Лиза профессионально танцует, и Протасов, предвкушая удовольствие от танца с достойной партнершей, вывел ее на паркет.

«Хорошо, что мы единственная пара», – последней ровной и спокойной мыслью подумал он, делая классический поклон публике, с переводом партнерши с одной стороны на другую.

В тот момент, когда она вложила свою маленькую ручку ему в ладонь, а другую положила на его лопатку, он почувствовал разряд тока, пробежавший по его телу. От неожиданности Глеб глубоко вздохнул и втянул в себя ее колдовской запах, и...

И оказался в другом измерении!

Это его женщина! Его! Господи, это его настоящая женщина!

Он чувствовал ее всю, как продолжение себя, как часть себя самого – каждый изгиб ее тела, каждую мышцу, каждое движение, шелковистую кожу, горевшую огнем и обжигающую его руки через одежду, ее чувственный отклик на его призыв! Ее готовность пойти за ним, покориться ему, ее полное подчинение, растворение в нем и ее утверждение своей свободы, равной ему во всем!

Они остались одни в пространстве!

Все исчезло вокруг и перестало существовать для них!

Были только мужчина и женщина, которые танцевали страсть! Жизнь и смерть, любовь, обретение и потерю! Они танцевали настоящую, обжигающую и поднимающую до небес, так много обещающую и низвергающую вниз, убивающую – они танцевали истинную страсть без подделки!

И они не танцевали, они жили в танго!

Глеб танцевал этот танец неисчислимое количество раз с очень разными партнершами, когда хуже, когда лучше, когда талантливо и великолепно, но только сейчас он понял, что такое танго на самом деле и что такое настоящая, неподдельная страсть, которую танцуют и проживают именно в этом танце, и почему это «Танец смерти»!

Он держал в руках свою подлинную, настоящую жизнь – живой огонь, свое счастье, свой грех и свое причастие, свой святой источник жизни и свою чистую смерть...

За те минуты, что длился танец, Глеб прожил целую жизнь, изменившись, став иным и познав нечто, о существовании чего и не подозревал вовсе, и чувствовал, что обрел самое драгоценное в своей жизни...

Танец кончился, и его вырвали из этого странного состояния бытия в другом измерении рухнувшие как гром аплодисменты и крики. Лиза улыбалась ему навстречу, светилась изнутри улыбкой такой счастливой, такой полной жизни, радости и любви, и у нее лучились глаза. Ему хотелось поцеловать ее, и целовать, не останавливаясь, пока они не окажутся где-то одни и он расскажет ей...

Вдруг резко что-то изменилось в ней, в ее взгляде, он проследил, куда она смотрит... и столкнулся с тяжелым пристальным и недобрый взглядом своей жены!

И все кончилось в одну секунду!

Он еще как-то «отыграл» вручение подарков, отстоял поздравление и восторги мужиков, что-то отвечал, улыбался, кивал и все это время следил краем глаза, как убегает Лиза...

Весь оставшийся вечер жена с ним не разговаривала, но Глеба не интересовала ни она, ни все, что происходило вокруг. Только благодаря приобретенному опыту руководителя большого предприятия, умению «держать лицо» до последнего и выигрывать ситуации любого уровня сложности он сумел продержаться до конца вечера, непрерывно размышляя о том, что произошло с ним и Лизой там, на танцполе.

Жизнь, разумеется, не остановилась, но он чувствовал, что сегодня держал в руках нечто настоящее – свою страсть, любовь и счастье и что отказался от этого! Свою возможную истинную жизнь...

А к концу вечера Глеб понял, что все это мираж.

Очень красивый, но мираж! У него Алиса, трудная работа во Владивостоке и жена, которую он не любит. Но это его жизнь, реальная, настоящая жизнь. А Лиза... Это был всего лишь танец, в котором сошлись идеально подходящие именно для него партнеры, и прожили его, как высочайшее произведение искусства, пропустив через себя душевное потрясение и приобщение к чему-то высокому. И не более.

Танец закончился, а жизнь продолжается.

Но бесконечный странный день так просто не сдавался и заканчиваться мирной грустью не собирался. Как только они с женой вошли в гостиничный номер, где остановились и куда шофер уже отвез их вещи, Ольга, пройдя вперед, развернулась к нему и заорала:

- Ты сволочь, Протасов! Грязный урод!

- Сбрендила? – довольно спокойно спросил он, отодвинул разъяренную жену в сторону, прошел в номер и плюхнулся устало на диван.

- Это не я сбрендила, это ты ведешь себя, как извращенец! Как ты посмел так унижать меня! – с искаженным, ставшим некрасивым от гнева лицом орала она, встав напротив него.

- Это чем же? – усталым негромким голосом спросил он.

- Чем? – почти визжала Ольга. – Да вы с этой девкой практически совокуплялись! Вы не танцевали, а трахались на глазах у всех! И все это видели и поняли!

- Перестань орать, – пока еще мягко, но с предупреждающим нажимом приказал Протасов.

- У вас с ней что-то было уже?

- Что ты несешь, Оля? – он потер устало пальцами веки, надавив на глаза. – Когда мы виделись последний раз, Лизе было двенадцать лет.

- Значит, ты точно извращенец! Ты ее хотел все эти годы! Тебя на маленьких девочек тянет?

Протасов резко вскочил с дивана, шагнул к ней и страшным от силы, но тихим голосом предупредил:

- Если ты произнесешь, намекнешь или хотя бы подумаешь нечто подобное еще раз, я не просто разведусь с тобой, ты вернешься в родительскую хрущевку с такой репутацией, что

максимум, куда сможешь устроиться, это продавщицей в овощной ларек!

- А твоя дочь будет голодать вместе со мной? - саркастически усмехнулась она.

- Ты всерьез полагаешь, что Алиса останется с тобой? И что ты сможешь что-то сделать, чтобы забрать ее у меня? - очень спокойно, но до ужаса страшным от этого спокойствия голосом спросил он, подвинувшись еще ближе и нависая над ней.

Если бы Протасов мог увидеть в этот момент выражение своего лица, себя со стороны и услышать, что и как он говорит, то испугался бы сам. Никогда Ольга не видела его таким. И никогда до этого момента полностью, до конца не понимала и не осознавала его истинной силы как физической и духовной, так и волевой, его подлинного авторитета в городе и его возможностей.

И она испугалась. По-настоящему испугалась.

Всю ночь он не спал, стоял у окна, смотрел на огни проезжающих по дороге машин, проживал заново еще и еще раз их танго и прощался с Лизой. Может, когда-нибудь, когда Алиса подрастет и сможет его понять... Может... Мираж...

Жизнь не закончилась и катилась дальше, перемалывая в своих жерновах и не такие еще страсти, горести, беды, счастья, обретения и потери.

Ольга старалась сделать все, чтобы ни одна пылинка не напоминала в их семье тот день рождения, тот злополучный танец и последовавший скандал. Жизнь вернулась в привычное русло, но вскоре случились большие перемены, о которых его жена так мечтала.

Москва! Позвала к себе, наконец, столица!

После пяти лет работы и жизни на этом заводе Протасова вызвали в министерство и предложили сдать дела новому назначенному главному инженеру.

- А тебя, Глебушка, ждут иные заботы и другое назначение, - загадочно ласково пообещал Иван Константинович, - только подучиться малость придется.

- Учиться всегда готов, - задумчиво протянул Глеб и спросил прямо: - Дядь Вань, я что, кадровую интригу пропустил, провинился где или не оправдал?

- Да что ты, Глеб?! - искренне возмутился дядька. - Ты сам прекрасно знаешь, что справился и оправдал, и сделал очень многое. Ты талантливый, грамотный и уже, можно сказать, матерый инженер и показал себя толковым, прекрасным руководителем. Вот поэтому тебя и переводят. Слышал что-нибудь о новом, построенном уже заводе? - и он назвал известный всей стране государственный проект.

- Не пугай, - попросил Протасов.

- Вот-вот, - принялся объяснять дядька. - Пойдешь заместителем главного инженера. Понимаю, что это кажется понижением в карьере, но это только кажется. Главный инженер по профилю своему назначен и работает, а тебе придется подучиться в срочном порядке электронике и специализации. Вот поэтому пока учеба, будешь замом, да и человек этот готов тебе во всем помогать и многому обучить. Одно плохо, он ученый, а не производственник, поэтому большая часть тяжести на твои плечи ляжет.

Первый год на новой должности оказался для Протасова тяжеленным до одури во всех отношениях! Новый завод расположился в Подмоскowie, да не в ближнем. Совмещать учебу в Москве по выходным и пятидневную работу на заводе с бесконечными поездками туда-обратно, пробками и накапливающейся беспросветной усталостью оказалось настолько непросто, что порой Глебу казалось, что он проживает год за десять, может банально не выдержать таких нагрузок и «пупок» надорвать.

К тому же и дома его не ждал отдых и законное расслабление.

Поселились они с родителями Глеба. Ему казалось, что это самый правильный вариант на первое время – квартира большая, просторная, у него с Ольгой отдельная комната, у Алиски своя отдельная детская, его дома практически не бывает, родители с внучкой помогут во всем. Но оказалось, что извечную историю про двух хозяек на одной кухне никто не отменял, к тому же у Ольги исчезла возможность нанять прислугу – свекровь была категорически против, чтобы в ее доме постоянно хозяйничал какой-то посторонний человек, к ним и так приходила раз в две недели домработница, вполне достаточно. Мать Глеба откровенно недоумевала, зачем двум здоровым женщинам, одна из которых не работает, нужны помощники по хозяйству каждый день. Она же привыкла всю жизнь справляться с домашними делами сама.

Ольга жаловалась Протасову, иногда театрально поплакивала и требовала что-то немедленно изменить, мама его оберегала и в их с невесткой женские разборки не посвящала, но недовольство нарастало с обеих сторон. И он дал добро жене на поиск квартиры в аренду. А сам попросил своего секретаря разузнать все о покупке недвижимости в Москве.

Пора было приобретать собственное жилье.

Они переехали в съемную квартиру, а через полгода Глеб купил в ипотеку новострой близко к центру, и все, как ему казалось, остались довольны.

За всеми этими стремительно разворачивающимися событиями Протасов как-то не анализировал и не обдумывал их с Ольгой жизнь и отношения. Сначала непростой переезд со всем скарбом и нажитым добром в Москву, потом эта жизнь с родителями, даже притереться не успели.

Хорошо хоть не разругались, но, как говорится: осадок-то остался. Родители Ольгу и так-то недолюбливали, не понравилась им невестка с самого начала, ни красотой не взяла, ни обаянием, хоть и старалась. А уж когда Глеб, как анекдот, как веселую историю, посмеиваясь, рассказал, не представляя последствий, что она его подловила у проходной, все рассчитав, так и вовсе последнего уважения к ней лишились. И бабушка старалась с его женой видаться как можно реже:

– Я уже в том возрасте и статусе, что могу себя позволить общаться только с приятными мне людьми, – объяснила она однажды ему свое отношение к его жене, когда попросила внука не приводить ее в гости к ней.

До их переезда в Москву Глеб как-то не замечал, а может, не отдавал себе отчета или просто не хотел замечать, что его родные не любят Ольгу. Зато они обожали Алиску, ужасно похожую на отца, – может, еще и поэтому не вступали в открытую конфронтацию с матерью внучки.

Не нравится, и все. Точка.

Она и ему самому уже давно не сильно нравилась. Но Ольга была его женой и матерью его ребенка, и пока еще вызывала в нем сексуальное желание. Он с ней спал в выходные, давал

деньги на быт и устройство их жизни в новой квартире, практически любые суммы, что она просила, не делился с ней своими рабочими заботами и трудностями, а она никогда не спрашивала и не интересовалась, и приспособлял их жизнь к своему рабочему графику. И менять что-то не собирался, не хотел, да и не смог бы – никакой физической и моральной возможности у него на это не имелось.

Он вставал в понедельник в полшестого утра, делал зарядку, принимал контрастный душ, одевался, складывал необходимые на пять рабочих дней вещи, завтракал, и в полседьмого его уже ждала машина у подъезда. Протасов уезжал на завод и целую неделю жил там на служебной квартире. Вернее, ночевал в квартире, спал не больше семи часов в сутки.

В пятницу он возвращался в Москву не раньше десяти вечера и практически сразу укладывался спать. Утром в субботу Глеб ехал на занятия в университет, возвращался около шести вечера и оставшееся до сна дочери время проводил с Алисой, а воскресенье, весь свой единственный выходной день, посвящал ей. Они ехали то в зоопарк, то в цирк, то в детский театр или просто гуляли в парке, ходили в кафе, возвращались домой, Алиска днем спала, а вечером они, как правило, ехали к Антонине Степановне, куда частенько подтягивались и родители Глеба, чтобы увидеться с ним и с внучкой. Ольга редко принимала участие в их воскресных делах – жизнь обеспеченной барышни в Москве весьма хлопотна: салоны, фитнес-клубы, тусовки, новые подруги по интересам и многое, многое другое, чего так долго ждала и ждала ее душа.

Но неожиданно такой размеренный график их жизни разнообразился Ольгиными сценами ревности.

- Почему ты там остаешься на всю неделю? – однажды в воскресенье утром огорошила Глеба вопросом она.

- Наверное, потому, что я там работаю, – «предположил» Протасов.

- Я понимаю, что бывают дни, когда ты задерживаешься на предприятии допоздна, но ведь не каждый день! У тебя там что, женщина?

- Какая женщина, Оль, ты о чем? – оторопел он.

- Вот и я бы хотела знать, какая? – Ольга сама себя накручивала все больше и больше. – Не можешь же ты только раз или два в выходные заниматься сексом. Ты же здоровый, молодой мужик. Из чего я делаю естественный вывод, что у тебя есть там баба!

Они не ругались, на это у Глеба не хватало сил, да и не задевало его уже все, что она несла и брала в свою голову.

Самое смешное, что он ей никогда не изменял, вообще. Не потому, что праведник такой и не смотрел на других женщин, смотрел и хотел, как нормальный здоровый мужчина. Но для измены нужны силы, свободное время и пространство для ухаживания и маневра. Все свои силы, таланты, способности, энергию и любовь вот уже седьмой год он отдавал работе и дочери. Тратить что-то из этого набора на интрижку, на пустой «левак» он не мог, да и не хотел.

Но объяснять жене все это не считал нужным. А она постепенно заводилась все больше и практически каждый выходной теперь устраивала небольшой скандалец с выяснением и повадилась проверять его карманы, ноутбук, телефоны. Протасов потихоньку сатанел, возмущался, пытался ее вразумить, а чаще просто уходил.

Однажды, перепаханный бодрым очередным скандальцем, он с дочкой приехал к бабушке, где их уже ждали родители. Он сел в кресло, смотрел, как Алиска царит в этом доме, и чувствовал такую невероятную усталость и пустоту внутри, словно древний старик, которому пришла пора умирать.

- Ты что, сынок? - обеспокоенно спросила мама, присаживаясь рядом с ним на маленькую детскую табуреточку. - Тебе плохо?

- Все нормально, мам, - улыбнулся он ей через силу. - Просто устал.

- А ты отдохни! - предложила она оптимистичным тоном. - С друзьями встретиться, выпей немного для расслабления. Ты давно с ребятами встречался?

- Давно, - тяжело вздохнул Глеб, - на даче у Потапа. День рождения Лешки отмечали.

- Вот и позвони. И езжай прямо сейчас к ним, а Алису мы сами домой отвезем! - предложила твердо мама.

Глеб прикинул, как и сколько добираться до дачи Кирилла, если он туда с семьей на выходные укатил, понял, что при той накопившейся усталости, которая таки догнала и накрыла его, ехать ему туда нереально, но все же решил позвонить. Могли и не поехать, не сезон уже.

Когда Кирюха в восторженных тонах объяснил, на каком мероприятии они находятся, и принялся его зазывать, у Протасова сердечко-то застучало-застучало, разогнав кровь жарким воспоминанием.

Лиза. Лиза.

Конечно, не было такого, чтобы он думал о ней каждый божий день и вспоминал. Иногда она снилась ему в жарких эротических снах, и он не хотел просыпаться, но чаще о Лизе могло напомнить что-то мимолетное - музыка, запах, какие-то слова, что-нибудь из их прошлого, и становилось тепло на душе от простого понимания того, что она есть где-то на Земле. Разумеется, мощнее всего будоражили воспоминания и мысли о ней и о том, что и как могло бы у них случиться и произойти при других житейских обстоятельствах, когда Глеб встречался с Кириллом и ему нестерпимо хотелось расспросить Потапа про нее, узнать, как и чем живет... Не спрашивал, а зачем? У девочки своя жизнь. У него своя.

«Да к черту все! - вдруг подумалось ему. - Хочу ее видеть! Да и действительно надо переключиться и с мужиками встретиться!»

- Я приеду! - сказал он Кириллу, сообразив, что пропустил все, что тот говорил, погрузившись в свои размышления.

Он увидел Лизу от дверей, когда вошел в зал следом за Потаповым. Он видел, как они с Вадимом возвращаются за столик, и отметил, какой на ней чудесный танцевальный костюм, выгодно подчеркивающий все ее достоинства, видел, как Маня ей что-то говорит и Лизка хохочет до слез, запрокидывая голову, и как вдруг она, заметив его, сразу перестала смеяться.

Произвели какие-то манипуляции со стульями, и Глеб оказался рядом с Лизаветой. Он все смотрел на нее, что-то говорил ей, практически не вникая, что именно, и чувствуя, как доброе, успокаивающее тепло разливается внутри от ее голоса, запаха, от того, что она рядом. Как родная. И тут объявили танго.

Они должны его станцевать, неожиданно понял Протасов.

Все это время, после того незабываемого танца, он, оказывается, мечтал станцевать с ней еще раз! Еще раз почувствовать всю силу и мощь захлестнувшего его тогда чувства, еще раз испытать, что такое держать настоящий живой огонь в руках, пережить те чувства и эмоции. Он не думал и предположить не мог, что в нем есть такая сильная тяга к этой девочке.

Как тайное, запретное и непреодолимое желание еще раз принять наркотическое средство, от которого в первый раз испытал сильнейший кайф. Как последнее желание на эшафоте.

И он позвал ее. Она почему-то испугалась. И, пресекая все ее сомнения и страхи, он позвал настойчивее:

- Пусть еще раз, наверное, последний в этой жизни, мы станцуем с тобой! Давай, Лиза!

И они станцевали!

И повторилось чудо! И снова он плавился в огне их обоюдной страсти и любви, и восхищенно поражался их идеальному совпадению, и укрощал этот живой огонь, который бережно, но надежно держал в руках!

И все повторилось, но добавилось жгучей грусти от невозможности продлить это в жизни, соединиться им двоим.

Рояль утверждал, скрипки рыдали вместе с их сердцами, а хриплый аккордеон объяснял, что все проходит... кроме «большой любви», как сказала ему когда-то Флоренсия.

Глеб не ожидал, что ему вдруг станет так больно и тошно.

Он тут же предложил мужикам уйти куда-нибудь с этого культурного мероприятия и посидеть чисто мужской компанией менее культурно и более алкогольно.

В этот раз сбегал он.

И сидя в спортивном баре, потягивая довольно неплохое пиво, слушая вполуха разговоры друзей, он думал, что никогда не узнает, каково это – быть с ней, заниматься любовью, жить. И самое поганое, что никто не запрещает и таких уж непреодолимых преград между ними нет, но жизнь все устроила и распорядилась так, что если бы он вдруг решил ее изменить и соединиться с Лизой, то больше всех и в первую очередь пострадал бы его ребенок. А это перечеркивает любые порывы и тайные желания, ведь любовниками они стать не могут по простым и понятным причинам.

Все. Точка. Больше никаких случайных встреч и танцев.

Зима для Глеба выдалась сложной и какой-то безрадостной. Алиска постоянно болела, то простуда, то грипп непонятно где подхватит, домашний же ребенок, в садик не ходит, с няньками сидит, а из взрослых дома никто не болел. Врачи говорят, сейчас все детки с ослабленным иммунитетом, и прописывают витамины в профилактических целях. Ребенок вроде поправится, а смотришь – через пару дней снова квелила и заболела. Как-то в субботу вечером, играя с дочкой, Глеб заметил, что она какая-то уставшая, вялая, невеселая, потрогал ее лобик – вроде горячий, но не очень.

- Оль, у нее, по-моему, снова температура? - позвал он жену.
- Да знаю я, - пришла к ним в комнату и присела рядом на пол с Глебом жена. - Всю неделю температурит, тридцать семь и чуть выше. Думала, опять простуда, но ни насморка, ни кашля нет.
- Алис, - обратился Протасов к дочери, - у тебя что-нибудь болит?
- Ножки, папочка, - залезла к нему на колени она и прижалась головкой к его груди, - я сегодня топала, топала, целый день топала, вот и болят, и лежать все время хочется, а не бегать.
- Где ж ты топала? - улыбнулся он и поцеловал дочь в макушку.
- С Катей и Соней в хоровод играла.

Протасов улыбнулся. Катя и Соня - это любимые куклы Алисы, он привез ей их из Германии, где был в командировке в прошлом году. Она с ними не то что в хоровод - во всякую взрослую жизнь играет.

Всю неделю он названивал по несколько раз Ольге, узнавал, как дочь, испереживался весь - что-то ведь не так, сколько можно болеть! Вернулся в пятницу домой около одиннадцати ночи, помыл руки, прошел сразу в комнату дочки, постоял рядом с ее кроватью, посмотрел, погладил по головке, поцеловал в лобик и почувствовал губами температуру.

- Оля, у нее так и не прошла температура! - встревоженно сказал он жене, войдя в кухню, где она накрывала для него стол к чаю.

- Да, - вздохнула она не радостно, - держится и держится. Врачи ничего пока не находят. Анализы показывают, что где-то есть очаг воспаления, а с чего бы ему не быть. Только-только грипп вылечили, не долечили, значит. А ведь антибиотики сильные пропили.

- Оль, что надо сделать, давай подумаем, - нервничал все больше Глеб. - Может, поликлинику сменить, в какую-то крутую попробовать, или давай я маму с отцом напрягу, они всех знакомых докторов поднимут. Надо серьезное обследование пройти, а не одним анализом крови обходиться.

- Я все это уже сделала, - успокоила его она. - И клинику, и твоих родителей напрягла. Вот как раз в понедельник и пойдем к их знакомому детскому доктору.

Но и новый, рекомендованный друзьями родителей доктор ничего особенного у ребенка не нашел - ослабленный иммунитет на фоне нескольких подряд вирусных заболеваний, выписал дорогостоящие иммунные препараты, посоветовал обычный набор: больше свежих овощей и фруктов, витамины, свежий воздух, прогулки.

А ребенок таял на глазах. Вялая, постоянно спать хочет, бледненькая стала, температура так и держится, какие-то непонятные синяки стали появляться, говорит, не билась и не падала.

В одну из пятниц Протасов специально приехал пораньше, освободив полдня, чтобы самому сходить с ребенком к следующему врачу, которого им порекомендовали, и подробно его расспросить. Но когда он поднялся за Алисой в квартиру, то обнаружил страшный переполох в доме - Ольга кричала что-то неразборчивое, няня пыталась сунуть ей в руки стакан с водой, а Алиса лежала на диване, прижимая к носику полотенце.

- Оля, замолчи! - приказал жестко Протасов. Жена тут же перестала причитать. - Что случилось?

- Ее вдруг закачало, она равновесие потеряла, а потом у нее пошла кровь из носа, и мы никак ее остановить не могли! - расплакалась Ольга.

- Так. Ясно! - резюмировал Протасов и тут же набрал телефон Ивана Константиновича.

Через час дежурный водитель министерства привез Глебу домой направление на обследование из клиники Минпромторга в Центральную детскую клиническую больницу. А еще через час Алису с Ольгой уже оформили в стационар.

Через неделю им сообщили диагноз - острая хроническая лейкемия! Быстротечный острый лейкоз. И объяснили, что у их дочери болезнь развивалась стремительно, почему - никто не знает!

Алису перевели в детский онкоцентр, и началась страшная гонка в борьбе со смертью. Они предпринимали все, что могли - все препараты, химиотерапию, лучевую терапию. Алиса лежала в лучшем Центре страны, и ею занимались лучшие врачи страны, но...

Протасов практически жил в двух местах - на заводе и в онкоцентре рядом с дочерью, мотаясь между городами и большую часть работы делая, сидя на заднем сиденье машины.

Они с Ольгой настроили ребенка на операцию по трансплантации костного мозга, и донора для Алисы нашли, операция прошла успешно, но... но ожидаемой ремиссии не наступило.

Глеб не сдавался! Рассматривал любые варианты - снова курс лечения и новая операция, хоть в Израиле, хоть в Германии, где угодно, любые новые препараты и методики...

- Бесполезно, - качал головой лечащий врач ребенка, глядя на родителей бездонными от горя и боли глазами. - Это только мучить ее. Мы будем поддерживать Алису на препаратах до...

- Вы должны попробовать еще что-нибудь! - требовал Протасов.

Он договорился в израильской клинике и слетал туда сам, привезя для консультации все данные истории болезни дочери, но и там врачи скорбно покачали головами и развели руками. Потом была Германия, но и там ему подтвердили выводы коллег...

Как правило, доктора оберегали родителей от присутствия при смерти их детей, но Протасов категорически отменил все доводы и резоны и находился рядом с доченькой до самого конца. Ольга вынести этого не могла, у нее случилась тяжелейшая истерика.

Маленькая совсем, его пятилетняя доченька, иссушенная и замученная болезнью, лежала на кровати, подключенная к аппаратам, с иглой капельницы в ручке, в красивом платочке, прикрывавшем облысевшую головку, и прижимала к себе кукол Катю и Соню. Она почти все время спала или теряла сознание, двигаться у нее не осталось никаких силенок.

Глеб сидел рядом, держал ее за ручку и, не отрываясь, смотрел на нее. Она вдруг открыла глаза и посмотрела прямо на него ясным, осмысленным и чистым взглядом, из которого исчезла куда-то боль, ставшая привычной за эти страшные месяцы.

- Солнце встает над Аргентиной, - тихо по-испански сказала она, вспомнив цитату из одной книжки, что он часто читал ей.

- И блистает под ним бриллиантом она, - продолжил Протасов цитату, придвинувшись к ней совсем близко, погладил по головке и поцеловал в лобик.

- Я просто усну, да, папочка, - по-русски не спросила, утвердила она и улыбнулась ему мудрой, уже потусторонней улыбкой. - Усну и увижу твою прекрасную Аргентину. И все красивое увижу.

- Да, детка, - снова поцеловал ее Глеб и пообещал: - Ты просто уснешь и увидишь разные красивые страны и города, моря, океаны и горы.

- И виноградники, про которые ты рассказывал, - улыбалась она.

Протасов умирал вместе со своим ребенком в этот момент, и просил и ждал своей смерти, как освобождения, - он просто хотел быть рядом с ней. Всегда. И все. Просто с ней!

- Ты не плачь, папочка, - попросила она его, провела тонюсенькими слабыми пальчиками по его щеке, и он тут же прижал к себе эту ладошку. - Мне не больно. И совсем не страшно. Не плачь.

- Я не буду, милая, обещаю, - улыбнулся он ей и поцеловал ладошку.

- Когда у тебя родятся другие детки, я буду за ними присматривать, и с ними ничего не случится. Я ведь буду их старшей сестричкой и буду их любить, - говорила она совершенно серьезно.

А Протасов испугался, что она начала бредить от боли, и уже наметанным за время ее болезни и знающим взглядом быстро проверил поступление препарата и глянул на показатели аппаратуры.

- Конечно, старшей, - подтвердил он, удостоверившись, что все показатели в порядке.

- Папочка, я тебя люблю, - сказала она, закрывая глазки.

- Я тоже тебя люблю, детка. Очень, - он прижался губами к ее лобику.

Внутри у него все дрожало от горя и рвущихся, душивших его слез, но железной волей он не давал им вырваться наружу. Он поцеловал ее щечки и еще раз в лобик, погладил по головке.

- Папочка, - прошептала она, не открывая глазок, - не бойся за меня. Это не страшно.

Больше она ничего не говорила и уже не приходила в себя. Алиса умерла у него на руках через несколько часов, все эти часы он гладил и гладил ее по головке, держал ее ладошки и пел ей шепотом старинную испанскую колыбельную. К утру, когда Алисы не стало, он поседел.

Обколотая препаратами Ольга приняла известие о смерти дочери достаточно спокойно, но когда Глеб привез ее домой, у нее случился нервный срыв. Она билась в истерике и кричала:

- Это из-за тебя она умерла! Из-за твоей проклятой работы!

Протасов безучастно сидел на диване и слушал все ее страшные обвинительные слова. Родители Глеба пытались остановить невестку, успокоить, но с невероятной силой она вырывалась из их рук и кричала, кричала:

- Тебя никогда не было рядом! Носился с ней, тетешкался, а болезнь проглядел! Все вы

проглядели ее болезнь! Все! Ненавижу тебя, это ты ее убил! У тебя же была только твоя работа! И бабы твои! Тебе же не до дочки было! Она тебе вообще мешала!

Ничего не отвечая, Глеб вызвал «Скорую помощь». Ее снова обкололи препаратами, и она уснула. Родители пытались что-то ему говорить, объяснить, что Ольга неправа, что все это она говорила от горя. Но ничего уже для него не имело значения.

Его мир стал серым, в прямом смысле. На довольно долгое время он перестал видеть краски – еле-еле, размытыми намеками на цвет, он видел совершенно серый мир. Мир, в котором жили всего два чувства – безумная боль потери и огромная вина.

Ольга была права, когда обвиняла его. Он убежден был, что она во всем права, и жил с эти убеждением.

Он устроил жену в клинику неврозов, где ей помогли справиться с горем и посттравматическим синдромом, а сам пытался как-то работать. Какое-то время у него получалось, но в выходные он приезжал не домой, а к бабушке, падал на кровать и спал. Когда просыпался, лежал, смотрел в пространство и бесконечно думал об Алисе, и вспоминал ее, и ни разу не заплакал с момента смерти дочери – не мог, он обещал своей малышке, что не будет плакать. Все попытки родных и друзей как-то помочь, отправить его к психиатру или привезти специалиста к нему Протасов отвергал и жестко пресекал.

Он не хотел выходить из этого состояния, в котором, как ему казалось, он находился ближе всего к своему ребенку. А больше ему никто и не нужен был.

Но жизнь все же потребовала пристального внимания Глеба. Для начала – работа. Он перестал чувствовать азарт, интерес к делу, которым занимался, вообще ко всему, что окружало его, – к жизни. Какое-то время Протасов продержался на чувстве долга и ответственности за людей и коллектив, но вскоре понял, что может просто подвести всех, настолько его не волновало ничего, и он написал заявление об уходе.

– Какое увольнение? – кричал Иван Константинович, когда он пришел к нему в кабинет. – А кого я вместо тебя поставлю? А ты подумал о людях?

– Я не могу, дядь Вань, – тусклым голосом сказал он.

– Так нельзя, Глеб, – тут же сбавил напор дядька. – Понятно, страшное горе, но надо взять себя в руки и справляться. У тебя ответственная работа, должность, коллектив, за который ты отвечаешь, а ты бросать все надумал. Наоборот, только работа тебя и спасет.

После смерти дочери ему постоянно все предлагали встряхнуться, продолжать жить дальше и говорили про руки, в которые он должен себя взять. Эта фраза звучала практически каждый день, уже не вызывая в нем даже начального раздражения.

– Не могу, – признался племянник и посмотрел в глаза родному дядьке. – Подпиши, Иван Константинович, иначе я под статью за прогулы попаду. Да и действительно людей подводить не хочется.

Что увидел в его взгляде Иван Константинович, неизвестно, но, видимо, нечто такое, что его сильно поразило и ужасно расстроило, потому что он не только помог Глебу уволиться, но и оформил для него каким-то образом нечто вроде «творческого отпуска» на неопределенное время. И помогал с делами житейскими всем, чем мог. Например, когда племянник разводился и делил нажитое добро.

Вернее, действия по разделу имущества производил не Глеб, а Ольга, выставив ему свои материальные претензии.

Выйдя из клиники, она отправилась в специальный санаторий, который ей посоветовали врачи. С мужем она практически не виделась и не разговаривала. Зато с ней поговорила свекровь.

- Оля, ты разве не видишь, в каком он состоянии, его нельзя сейчас бросать и оставлять одного.

- А он не один, вы тут все с ним носитесь, трясетесь над ним, моего отсутствия он даже не заметит, - недовольно отвечала она.

- Но ты его жена! - увещевала свекровь. - Вы оба потеряли ребенка, и вам надо поддерживать друг друга в такой момент! А не порознь переживать это горе!

- Что вы можете в этом понимать! - повысила голос невестка. - Я мать, мне гораздо труднее, чем ему! Ему что, он со своими бабами себе других детей нарожает! А я не могу, не могу сейчас ни о чем другом думать! Мне нужно сменить обстановку и переключиться, не то я с ума сойду! А Протасов - он сильный, он справится и без меня.

Надежда Константиновна больше ничего не стала говорить невестке, но сделала одну глупость, о которой потом жалела ужасно: уговорила Глеба поехать к жене в санаторий. Не то чтобы навестить - она узнала, что там есть свободные места, и даже поговорила с главврачом, который уверил, что они возьмут его на лечение и помогут, тем более это будет эффективно, раз оба родителя проходят лечение вместе.

Глеб никуда ехать не хотел и ничего делать тоже не хотел - лежал целыми днями дома, включал для фона телевизор и лежал. Бабушка, у которой он так и продолжал жить, была единственным человеком, который не предлагал ему брать себя в руки, что-то там с собой делать и продолжать жить тоже не предлагала. Единственное, что она сказала:

- Ты мужчина сильный, поэтому так страшно и тяжело переносишь горе. Сильным всегда больше достается. Справишься. Как тяжелую болезнь переживешь и справишься. За грань только не зайди и не угробь себя.

- Постараюсь, - не пообещал он ей.

О чем она ему и напомнила, когда мать принялась уговаривать сына поехать в санаторий к жене, поддержав Надежду Константиновну в ее желании хоть как-то помочь Глебу. Он поехал, но только потому, что не хотел ни с кем спорить и не хотел видеть, как сильно пугаются за него родители и бабушка.

Ольгу он застал в отдельном номере люкс, который сам и проплатил, с незнакомым мужиком в постели. Он постоял возле кровати, пока они не обратили на него внимание, занятые предварительными ласками, молча развернулся и вышел из номера.

- Я потеряла дочь! У меня болевой шок! - кричала Ольга и бежала за ним по коридору босая, поправляя на ходу распахивающийся халатик, что-то пытаясь донести до него, объяснить, а он уходил от нее навсегда. - Ты со мной даже не разговариваешь! Вообще не разговариваешь, не жалеешь! И не спишь со мной! Не обнимаешь! Хоть кто-то мне посочувствовал и понял меня! Понял, как мне тяжело! Хоть кто-то просто обнял меня!

Он не стал с ней разговаривать и на этот раз, просто вернулся в Москву и подал на развод.

Когда элегантная женщина в загсе, приняв у него заявление, начала объяснять про сроки и формальности и что-то там про возможность помириться и урегулировать свои разногласия, Протасов перебил ее и тусклым, усталым голосом тяжело больного человека объяснил:

- У нас умерла дочь. И мы больше не можем быть вместе. Она считает, что я виноват в смерти дочери. К тому же у нее есть другой мужчина. Утешитель. Просто разведите нас как можно скорей.

Женщина посмотрела на него долгим сочувствующим взглядом и не стала задавать ненужных и пустых вопросов - все было предельно ясно и понятно. На следующий день ему выдали свидетельство о разводе.

Вернувшись из санатория и узнав, что он с ней развелся, Ольга объявила Протасову войну и подала иск в суд на раздел имущества; правильнее сказать, что ее материальная претензия предполагала не раздел, а «отбор нажитого имущества». Глеба это не волновало, он продолжал жить в своем серо-бело-черном тусклом мире, где пульсировала непрекращающаяся острая, не утихающая ни на мгновение боль, замешенная на уничтожающем чувстве вины.

Ольга ведь была права: он виноват, что Алиса умерла!

Не доглядел, пропустил болезнь дочери! Как можно было не понять и не заметить, что все это не просто какие-то гриппы и простуды и ослабление организма после них! Как можно было!

На судебные заседания он не ходил, но Лешка прислал каких-то своих юристов, Протасов подписал документы на право представлять его в суде и тут же забыл про это думать. Когда ему сообщили судебное решение и спросили, как он собирается распорядиться своей половиной квартиры, он подписал и разрешение на проведение сделок по недвижимости.

- Знаешь, ты поехал бы куда-нибудь, - сказала как-то ему бабушка. - Хоть и в свою Аргентину.

И он вдруг ухватился за идею уехать, даже как-то ожил, делом занялся... Правда, это было не совсем то, что имела в виду Антонина Степановна. Протасов понял, что ему надо вырваться из Москвы, что его душит этот город, эти деловые, все знающие люди со своими советами и добрыми намерениями, и принялся просматривать в Интернете варианты загородных домов, выставленных на продажу.

На этот хутор в Тамбовской области он наткнулся совершенно случайно, когда читал данные об одном из заинтересовавших его домов с участком и прочитал там, среди прочей информации, отзывы дизайнера, оформлявшего внутреннее убранство дома и несколько раз сославшегося на предыдущую свою работу на другом объекте. Глебу стало интересно, он поковырялся в разных сайтах и ссылках и нашел этот объект, а посмотрев, понял, что хочет именно его.

По нескольким причинам - далеко не только от Москвы, но и от других городов, трасс и магистралей, и людей: огромный просторный участок, леса вокруг, поля, луга, река рядом, интерьер и монументальность сооружения его тоже устраивали. И главное - расположен в тупике, и мимо никто не ездит. Оказалось, что он давно выставлен на продажу, и хозяева уже несколько раз опускали его в цене.

После первой же ночи, проведенной им в этом доме в качестве хозяина, к Глебу вернулись краски мира. Он встал утром, вышел на веранду, посмотрел вокруг и неожиданно понял, что все вновь обрело цвет и стало даже ярче, чем раньше.

Посветлевшее небо постепенно наполнялось розово-золотистыми сполохами рассвета, окрашивая верхушки величественных сосен и елей дальнего леса, неизбежно и неизменно напоминая, что начинается новый день и всегда будет начинаться, кто бы там у вас ни умер и какие бы страсти и горести вы ни переживали.

- Солнце встает над Аргентиной, - охрипшим голосом сказал Глеб по-испански.

Захваченный врасплох накрывшими его с головой воспоминаниями, он так и просидел на веранде всю ночь и теперь чувствовал, что замерз вполне ощутимо. Замерзли руки и пальцы на ногах, и уши, он почему-то не натянул на них борта вязаной теплой шапочки. Может, потому, что не чувствовал холода, проживая свое прошлое заново. Еще полтора года назад, переехав сюда, он запретил себе вспоминать хоть что-то, тем более смерть Алисы. Но не сильно-то его слушало его подсознание и постоянно подкидывало именно эти последние ее страшные дни, месяцы и часы, лишь иногда позволяя вспомнить и счастливые моменты жизни его ребенка. И он мучительно вытаскивал себя из этих картин прошлого и долго потом приходил в более-менее ровное состояние.

Сегодня из-за Лизы. Она спровоцировала этот неконтролируемый поток видений и картин из его прошлой жизни. То, что он не анализировал и о чем не думал и не вспоминал, и запрещал себе два последних года. Не вспоминал Лизу, свою жизнь, свои бывшие когда-то радости. И то их танго.

- Солнце встает над Аргентиной, - повторил он, встал и пошел в дом.

Протасов растер заледеневшие стопы, натянул на них шерстяные носки, приготовил большую кружку черного чая, отрезал и бросил туда дольку лимона, достал из шкафчика баночку с медом и не спеша долго потягивал чай, запивая медок. Согрелся.

Налил себе еще одну кружку, встал из-за стола, подошел к окну и надолго задержался там - смотрел вперед на дикий луг, тянущийся до далекого леса, прихлебывал чаек, думал...

И вдруг резко развернулся и стремительно пошел из кухни, поставив на ходу кружку на стол, пролетел гостиную и распахнул дверь в гардеробную. Он постоял несколько мгновений в нерешительности на пороге, давая себе последнюю возможность передумать. Резко включил свет и принялся быстро собираться.

Поменял шерстяные носки на теплые хлопковые, надел тяжелые спортивные берцы, теплый вязаный свитер, куртку, шапку толстой вязки, рассовал по карманам перчатки и, подхватив небольшой рюкзачок, всегда лежавший наготове собранным для непродолжительного похода, выключил свет и вышел из комнаты.

Он постоял немного на веранде, посмотрел на все разгорающийся и набирающий силу рассвет и, спустившись по ступенькам, решительно прошел через участок и вышел за калитку.

Протасов не строил в голове маршрут и никуда определенно не направлялся, просто, поддавшись импульсу, спровоцированному и Лизой и воспоминаниями, настойчиво звавшему его куда-то, двигался вперед. Он шел, и шел, и шел. По тропинке вдоль кромки луга, туда, в матерый лес. Почему он стремился именно туда, Глеб не понимал, да и не пытался действовать осознанно - шел, куда звало нечто внутри него.

Матерым лес называли местные жители, вкладывая в название свое уважительное отношение к этой чаще. И было за что. В округе на многие километры зелеными островами росли смешанные просторные, достаточно молодые леса, а этот, дальний, словно из сказки

старинной возник, с картин Васнецова – древние сосны и ели, мощные стволы, тянущиеся к небу, бурелом на буреломе, всегда темный, труднопроходимый, с еле заметными звериными тропками.

Витяй рассказывал Глебу всякие страшные истории и местные легенды про этот лес, о том, как здесь пропадают люди – вот пошли по малину или грибы и сгинули. А ведь именно за этими дарами природы сюда и ходили местные. Редко, но бывало. Малина тут росла отменная – огромные темные ягоды гнули ветки к земле и пахли совершенно неправдоподобно, и имели особенную сладость, а уж рыжики в этом лесу были такими знатными, что нигде больше таких и не сыщешь. Глеба сюда Витяй водил и места грибные да ягодные показывал, но каждый раз пугал, страдал и наставлял, что в чащобу ни в коем случае не соваться – только по кромке, да так, чтобы просвет всегда видать!

А Глеб пер и пер вперед, в ту самую чащобу. В лесу по большей части еще лежал до конца не растаявший снег, в который Протасов то и дело проваливался выше щиколотки, оскальзывался, застревал меж веток павших деревьев, но упорно и настойчиво углубляясь все дальше и дальше – продираясь через завалы и кустарники, двигался вперед, сам не зная куда.

И в какой-то момент он почувствовал, что пришел. Глеб понятия не имел, почему ему вообще понадобилось куда-то переться, продираясь сквозь бурелом, и что его толкало и звало вперед, какие смутные мысли и побудительные желания и почему именно здесь он понял, что добрался до нужного места.

Он осмотрелся вокруг и увидел, что стоит на небольшой полянке, сплошь окруженной высокими елями и кустами дикой малины, проросшей через многолетние завалы бурелома. На самой полянке снег стаял, оставшись лишь по ее краям в тени деревьев, в центре лежал большой серый валун, возле которого росла молоденькая елочка.

Глеб подошел к валуну, стянул со спины рюкзачок, положил на камень, осмотрелся еще раз вокруг, чувствуя себя несколько странно, – и какого черта он сюда притащился. Но что ж поделаешь, вот пришел, как толкало, заставляло что-то, теперь можно отдохнуть и идти обратно, только б дорогу не забыть, он вроде помнил все инструкции Витяя и метки ставил, и примечал заметные ориентиры.

Глеб достал из рюкзака небольшой специальный синтетический коврик, положил на землю, сел, оперся спиной о валун, закрыл глаза и расслабился, отдыхал... И неожиданно так четко, так ясно, словно вновь оказался там, в больничном блоке, он увидел перед глазами Алису, когда она разговаривала с ним в последний раз!

В то же мгновение Протасов почувствовал такую невероятно сильную боль, скрутившую все внутренности, что согнулся пополам, прижав живот рукой, а его маленькая Алисочка все говорила и говорила перед его мысленным взором! Глеб зарычал, почувствовав, что боль спицей уколола в сердце, упал на бок, перевернулся и встал на четвереньки...

«Я просто усну, да, папочка», – сказала она ему.

– А-а-а! – взвыл он утробно, страшно, дико. – А-а-а!

Желудок скрутило спазмом, сердце ухало, став огромным и больным, он стоял на четвереньках и кричал...

«Ты не плачь, папочка. Мне не больно. И совсем не страшно», – улыбнулась она ему.

- Бог, говоришь?! - закричал Протасов. - Где он был, когда она умирала?! Где?! Я, я недосмотрел, а не Бог! Я упустил ребенка, и она погибла!

«Папочка, - смотрела на него все понимающими, жалеющими глазами доченька, - я тебя люблю».

- Я тоже, я тоже! - орал он, раскачиваясь из стороны в сторону. - Я тоже тебя люблю, детка! Мне тебя так не хватает! Я так скучаю по тебе! Так скучаю! А-а-а-а! - выл он смертельно раненным волком.

Он орал, обвинял себя, жизнь треклятую, врачей, снова себя, Лизу за то, что та разбудила это страшное, темное и губительное в нем. Кирилла за то, что привез ее сюда! Орал и выл страшно, смертельно, из живота, из измученной утробы!

«Папочка, не бойся за меня, это не страшно», - сказала ему дочка. И Глебу показалось, что она протянула откуда-то оттуда свою маленькую ручонку и нежно погладила его по голове.

Он упал на бок и зарыдал.

Он плакал страшно, как плачут сильные, волевые, крепкие духом настоящие мужики от совсем уж несправедливой, непоправимой Беды, несправедливой Смерти и собственного бессилия перед лицом такой потери, и оттого, что не спасли, не уберегли...

Как плачут сильные мужчины...

Он надавливал пальцами на глаза, как бы стараясь удержать слезы, и рыдал, сотрясаясь всем телом, - рыдал, первый раз оплакивая своего ребенка!

...Он пришел в себя, когда почувствовал ударяющий в нос перенасыщенный острый запах прелой весенней земли, заглушающий все остальные запахи вокруг, ощутил, что изрядно замерз, и понял, что довольно давно лежит тут, не помня момента, как отключился. Он попытался сесть, и это движение отдалось резкой болью во всем теле.

- Так, спокойно, - приказал себе Протасов и повторил попытку более продуманно и гораздо медленнее.

Упершись обеими руками в землю, он не спеша распрямился и сел. Огляделся вокруг и осознал, что провалялся довольно долго - время давно уже перевалило за полдень. Сколько же он тут валялся без памяти, в прострации?

Ладно, не до этого! Сейчас важнее встать, подвигаться и понять, в каком он физическом состоянии и что делать дальше.

В состоянии он был странном и фиговом - во-первых, болело все тело, буквально все, до корней волос на голове, но это, решил Глеб, потому, что он долго лежал на холодной земле, вот и затекло. А вот во-вторых куда как неприятнее - он ощущал страшную слабость, такую, что даже ноги толком не держали и подкашивались.

- А вот это хреново, товарищ маузер, - сказал себе он.

Из леса надо выбираться. Оставаться тут никак нельзя. И не потому, что зверь какой набрести на него может, хотя и это вполне себе возможно, но он ушел, никого не предупредив, и они там с ума сойдут от беспокойства. Могут и село поднять на поиски. Но и это можно пережить, и

костерок развести, чтобы не замерзнуть ночью, и консервы у него именно на такой случай в рюкзаке имеются, и спички, и котелочек небольшой. Но Глеб не знал, станет ли ему лучше к утру, пройдет ли эта непонятная слабость или ровно наоборот.

Так что из леса надо выбираться.

- Ничего, - подбадривал он себя вслух.

Попробовал присесть, подвигаться как-то и убедил себя, что вроде стало получше, просто залежался долго на холодной земле, пройдет! И, кряхтя и охая, со второй попытки Протасов натянул на плечи рюкзак. Огляделся, вспомнил, с какой стороны вышел на поляну, да и его следы были четко видны, что вселяло некий оптимизм, и двинулся в обратный путь.

Он не помнил, сколько и как шел, как пробирался через чащу. Подобрал какую-то довольно прочную палку по пути и шел, лез - подлезил под упавшие стволы, перелезал, перепроверял свои метки, боясь сбиться с пути. Несколько раз от напряжения и слабости кратковременно терял сознание, падал, еле вставал и заставлял себя двигаться вперед.

Солнце уже садилось, когда он вышел, наконец, из леса и увидел перед собой луг, который тоже надо было еще пройти, и понял, что пройти его не сможет. Надо бы отдохнуть, но садиться нельзя! Не встанет! И он обхватил ствол оказавшейся рядом с ним елки, постоял так какое-то время, собираясь с силами, оттолкнулся от нее и, заставив себя переставлять ноги, двинулся по тропке вдоль кромки луга к видневшемуся вдалеке своему хутору.

В полузабытьи Глеб шел и шел, и когда понял, что настал абсолютный предел его силам, вдруг услышал какие-то звуки впереди, поднял голову и увидел, как к нему скачет Витяй на Малыше, а сзади за ними бегут по тропке Коля с Верой и что-то кричат и машут руками. Протасов улыбнулся первый раз за два года и начал оседать на землю.

Нормально поспать Лизе удалось всего пару часиков. И проснулась она, чувствуя себя совершенно разбитой и какой-то заранее уставшей. Пришлось срочно принимать меры для приведения тельца и разума в состояние бодрости: встала под контрастный душ, оделась и пошла в кафе гостиницы, взбадриваться плотным завтраком и парой чашек крепкого кофе.

А сделав заказ, даже повеселела как-то в предвкушении горячего напитка, который, как убеждала ее официантка, у них делают великолепно. Лиза смотрела в окно, улыбалась раннему утреннему солнышку, радости добавил распространившийся по всему залу изумительный аромат готовящегося кофе.

И вдруг, внезапно и совершенно неожиданно, она почувствовала такую сильную тревогу, ее буквально накрыло что-то тяжелое, и на душе стало тоскливо, словно беда какая-то приключилась! И сердце забилось быстро-быстро, и стало трудно и стесненно дышать!

- Да что такое? - возмутилась она шепотом и прижала ладошку к груди, пытаясь рукой остановить этот сердечный галоп. - С бабушкой или дедушкой, может, что?

Не отнимая левую руку от груди, правой - ужасно неудобно и неуклюже, ковыряясь в недрах висевшей на спинке стула сумки, чертыхаясь сквозь зубы, она извлекла телефон и набрала бабушкин номер. Утро раннее ее не смущало, Лиза прекрасно знала, что бабулька каждый день встает в семь утра.

- Да, солнышко? - радостно отозвалась бабушка, видимо, посмотрев на экран своего телефона и

увидев, что звонит внучка.

Долго учить ее и деда премудростям современной техники не пришлось: купили им сотовые известной фирмы, сделанные специально для людей в возрасте – с большими удобными кнопками и ярким экраном. Объяснили, как и что делать, сами записали в память все нужные телефоны, и они с удовольствием пользуются. Правда, пришлось потрудиться над новой привычкой носить трубки с собой, но и с этим их старички справились довольно быстро.

Кстати, компьютер и Интернет они тоже освоили – будьте любезны! Дедулька даже в какие-то стрелялки-ходилки поигрывает, но старательно скрывает это от детей и внуков – мол, такой фигней не занимаюсь! Смешные они! Такие классные!

- Ба, у вас там все в порядке? – стараясь скрывать беспокойство в голосе, спросила Лиза.

- Да! – бодро уверила бабушка и принялась весело рассказывать: – Подготовка идет полным ходом! Нас с дедушкой отстранили: все сами. Я поначалу таких масштабов задумки пугалась, да и Антоша постоянно уговаривал всех охолонуть с инициативой-то, хоть изредка включать скромность, но наши разошлись – не остановишь!

- Да и хорошо, ба, чего вы! – выдохнула от облегчения Лиза. – Дайте людям развернуться в творчестве! К тому же дед заслужил все самое крутое на свете! И всем хочется чего-то грандиозного! Девяносто лет, это вам не кот чихнул все-таки!

- С этим соглашусь, – усмехнулась бабушка и спросила: – Ну а вы-то когда подъедете?

Лиза уведомила, что уже подъехали. Бабуля порадовалась и тут же передала трубку Надежде, которая сразу же перешла на деловой тон руководителя, раздавая указания и уточняя детали. Лизавета что-то отвечала, обещала и клялась быть «как штык», где прикажут, и все давила и давила на разошедшееся кадрилью сердце, недоумевая, что с ней такое происходит!

Она никогда ничем не болела, и уж тем паче – сердечными болезнями! Она и не помнила, где оно в организме находится, а тут! Что такое творится-то? И уже подумывала – раз не предчувствие какое-то дурацкое и все родные в полном порядке, то что-то, может, со здоровьем серьезное? И как-то даже тухнула...

«А может, с Протасовым что-то? – как выстрелило в голове неожиданной мыслью. – Господи, я ему такого наговорила!»

Официантка принесла заказ, расставила на столе, Лиза схватила чашку, обжигаясь, сделала несколько больших глотков и попыталась уговорить себя, что ей стало немного легче. Но аутотренинг не помог, и, понимая, что ни фи́га не легче, она все пробовала успокоиться и заставила себя дышать – глубокий вдох-выдох, и корила себя нещадно за все, что наговорила Глебу, а теперь вот расплачивается. И вдруг так же внезапно сердце начало стремительно успокаиваться, все ровнее и ровнее биться, и дыхание наладилось... и буквально через минут пять все вернулось в полную норму!

«Да что такое? – с тревогой подумалось ей. – Что это вообще было? И с чего я решила, что это к Протасову имеет какое-то отношение? – и сама себе ответила: – А с перепугу и решила!»

Но уже через пару часов Лиза напрочь забыла об утреннем инциденте, мобилизованная родней в лице «основных руководителей» проекта «Юбилей-90» для выполнения всяческих мелких поручений и мотаясь по всему городу, как взбесившийся курьер. К вечеру не то что про здоровье вспомнить и о каком-то там утреннем недомогании, – как ее зовут с трудом

припоминала и, засыпая буквально на ходу, рухнула на кровать, еле успев раздеться. Перед тем как провалиться в сон, подумала уже растягивающейся ото сна, замедленной мыслью, что так и не успела поговорить наедине с бабулей, обсудить Протасова, а ей ведь хотелось...

Юбилей удался! Роскошный получился праздник!

Отличились все! И местный Совет ветеранов, и поздравление от мэра города, который даже оркестр прислал. Музыканты весь вечер играли песни довоенных и военных лет, а гости с огромным удовольствием пели и танцевали под них в заключительной, «дискоотечной» части программы.

Получилось все. Каждый этап плана и каждая задумка – все проходило отлаженно, вовремя, без происшествий и накладок.

Антон Прохорович был великолепен!

В парадном мундире, увешанном орденами и медалями, сам красавец, сохранивший до сих пор выправку! Держался молодцом, выстояв все официальные поздравления и выступления, как генерал, а потом его усадили в высокое кресло во главе праздничного стола.

Лиза успевала и помогать, и присесть за стол, поесть что-нибудь вкусенького, но на бегу, на бегу – уже следующий этап мероприятия, надо помогать, выступать!

Вот где-то между «помогать» и «выступать» ее и застал настойчивый звонок смартфона. Нервничая и раздражаясь, она «выковыряла» его из недр сумки, посмотрела на определитель и ничего не поняла – высветился какой-то загогулистый номер, иностранный, что ли, совершенно непонятный и абсолютно точно незнакомый ей.

- Да, - излишне резковато ответила Лиза.

На том конце помолчали, то ли тон ее напористый не понравился, то ли человек соображал, туда ли он попал, куда хотел, подумалось ей...

- Привет, - услышала она странно знакомый голос, но так и не разобрала, кто это.

И вдруг почувствовала, что по телу пробежал озноб непонятный, как предчувствие чего-то...

Как его взваливали на спину Малыша Витяй с Колей, Протасов практически не помнил, от слабости пребывая в состоянии кратковременной потери памяти, и как они добрались домой, как его снимали с коня – все это так и осталось в смутном тумане.

Четкость восприятия вернулась в ванной комнате, когда Коля помог ему раздеться и забраться в горячую ванну с душистой пеной, что соорудила для него Вера. Погружаясь по горло в эту пенистую субстанцию, Глеб почувствовал в теле блаженство и боль во всех мышцах одновременно и закрыл от удовольствия глаза.

- На от, - выдернул его из этого состояния Витяй, протягивая большую кружку с дымящимся чаем.

- Что это? - спросил Глеб, усаживаясь повыше и принимая кружку из рук конюха.

- Та Вера набодяжила травки всякие, и лимончик с медком, для сугреву от лихоманки, не приведи, господь! - пояснил Витяй, сделав некий размашистый неопределенный жест рукой,

должно быть, обозначавший, что он перекрестился.

Уходить конюх, по всей видимости, не торопился, а вздохнул тяжело, потоптался на месте и, рассмотрев с неким подозрением предмет, стоявший перед ним, уселся на небольшой деревянный сундучок для вещей у ванны и принялся журить хозяина:

- Ты, что ж, Максимыч, совсем как волк какой в лес убеж? - строго спросил он. - Что там давешние-то гости тебе такогось наговорили, что ты в чащу на погибель побежал?

- Да нормально все, Витяй, - отговорился Глеб. Сделал несколько больших глотков и откинул голову на бортик. - Захотелось пройтись.

- Пройтись это вона, - махнул рукой в сторону неугомонный конюх, - в белый лес! И до села, или вкруголя него, или вона на речку: хорошо пройтись! А то Коля бежит с утра до конюшни, говорит: «Максимыч куда-то делся, калитка отперта, а следы евойные прямиком по кромке луга и в матерый!» Чегой там забыл-то?

- Да так, - не порадовал конкретикой Протасов.

- Да вот так-то! - кивнул недовольно Витяй. - Цел день тебя там носило! Как лешак тебя таскал-то, еле живой вышел! Я Малыша-то оседлал, так мы с Колей дозор устроили! Следы твои до самой кромки осмотрели, а дальше все - чащоба! Вот и ждали патрулем, в бинокль глядели, даже Верку в дозорные ставили, - и вдруг спросил с эдаким искренним сочувствием и волнением за него: - Совсем тебя, Максимыч, прикрутило, что ли? Душа намаялась?

- Ничего, Витяй, теперь отпустит, - улыбнулся грустно Глеб.

- Ну, смотри, - не сильно доверчиво отозвался Витяй, громко тягостно вздохнул и встал. - К лошадям пойду. Тоже испереживались, где ты, не пришел вить сегодня, не приголубил.

Глеб согрелся и изнутри и снаружи, разнежился окончательно в теплой воде и, почувствовав, что засыпает, начал выбираться из ванны. С трудом и тремя передышками вытерся и оделся во все чистое и теплое, что сложила ему стопкой заботливая Верочка на полочке для белья.

Она же и поджидала его у дверей ванной комнаты, и подхватила под локоть, и повела в кухню.

- Вер, я вполне могу и сам передвигаться, - скорее для поддержания своего авторитета заметил Глеб.

- Да я так, чуть-чуть, - она не выпустила его руки из своего сильного захвата. - Глеб Максимыч, надо вам целебного бульончику попить.

Целебный куриный бульон он выпил, да с ломтем домашнего теплого хлеба, и теперь уж, точно еле передвигая ноги, сам дошкандыбал кое-как на второй этаж в свою спальную, рухнул на кровать и, уже засыпая, как-то умудрился натянуть на себя покрывало - укрылся, значит. И выключился.

- Папочка, - укорила его дочка, - я же просила тебя не плакать.

Она стояла возле его кровати, прижимая одной ручкой к боку сразу обеих любимых кукол, одетая в свое самое праздничное платье и в косыночке на лысенькой головке, и гладила его по руке маленькой ладошкой, от соприкосновения с которой по всему телу Глеба расходилось волнами тепло.

- Прости, детка, - повинился он, передвинулся на кровати, подхватил Алису под мышки, поднял, подвинулся к спинке, сел, усадил ее к себе на колени и погладил по головке. - Я больше не смог терпеть.

- Я не про слезки твои говорю, папочка, - серьезно объяснила она и приложила свою ладонь к его груди. - Я просила тебя не плакать здесь.

Он накрыл ее ручку своей большой ладонью, чувствуя исходящее от нее успокаивающее тепло.

- Здесь не получается, - грустно улыбнулся он ей, нагнулся и поцеловал в лобик.

- Это просто, папочка! - рассмеялась Алиса легоньким звонким смехом. - Я же никуда не делась, я же все равно с тобой! Никто никуда не девается!

- Но тебя нет со мной, маленькая, - пожаловался он.

- Как же нет, папочка! - смеялась она. - Я же твоя дочка, а ты мой папа, и это всегда есть. И я тебя люблю, а ты любишь меня, а любовь не умеет исчезать. Ты же не перестанешь меня любить, потому что меня нет рядышком.

- Нет, конечно, милая! - прижал он ее к себе и поцеловал в головку. - Никогда не перестану.

- Вот видишь! - с очень важным видом заявила она и отстранилась от его груди, чтобы лучше видеть его лицо. - У тебя идет своя жизнь, а у меня теперь другая, ты понимаешь?

- Не очень, - признался Глеб, умиляясь этой ее взрослой серьезности.

- Папочка, это просто: ничего никуда не девается. Меняется, но не девается, как водичка: она то пар, то льдинка или снежинка, но всегда водичка, - как нечто абсолютно понятное объяснила она. И принялась выбирать с его колен. - Мне надо идти, папочка.

- Куда, детка? - помог ей слезть с кровати он.

- Дальше. Туда, - махнула она ручкой и добавила: - Там хорошо, и я теперь могу туда идти. Ты не грусти больше, папочка. Не надо тебе грустить.

Ее фигурка стала таять, растворяться, становясь нечеткой и прозрачной, она засмеялась, как какой-то своей проказе, и помахала ему ладонью на прощание.

- Алиса! - закричал, позвал он...

И проснулся, как от толчка, все еще чувствуя тепло ее тельца у себя на коленях и тепло ее ручки на своей груди. Протасов резко сел на кровати, спустив ноги на пол, наклонился вперед и тер, тер рукой грудь, где таяло и исчезало ощущение тепла от ладонки его дочери.

Она ни разу ему не снилась до этого дня. Ни разу, хоть он и умолял порой, просил как умел, по-своему и непонятно у кого, чтобы она приснилась, и ждал, что хоть разочек увидит ее во сне, как живую.

Почему именно сегодня?

Он поднялся с кровати, чувствуя себя бодрым и полным сил, как не чувствовал, пожалуй, уже много лет. Не то что два последних года, а именно много лет!

Странно все это. Все странно. Очень.

И то, что в лес побрел, и кричал, и плакал там, и лежал потом как убитый в беспамятстве, и спал, оказывается, двенадцать часов кряду, как после болезни тяжелой. И этот сон...

Протасов отодвинул куда-то в сознании этот удивительный и не совсем понятный сон, приказав себе сейчас ничего не думать и не подвергать анализу и разбору – потом, когда перестанет так болеть от тоски сердце, когда отпустит. И занялся насущными хозяйскими делами с вполне определенной целью – постараться максимально отвлечься от всех этих странных событий двух последних дней.

Правда, недолго. Отвлекся-то.

Доделывал в мастерской один механизм, когда вдруг в голове прозвучала, будто шепнул кто-то, четкая и ясная мысль, показавшаяся ему такой притягательной и глубоко поразившая его. Он подумал-подумал, сомневаясь какое-то время, покрутил эту мысль так и эдак в уме и отправился искать Колю.

Он поручил своему работнику очень важное дело, попутно надавав и несколько мелких поручений, да и Вера обрадовалась такой оказии, и своих хозяйских дел напоручала целую гору мужу, для надежности записав все на бумажке. Коля отправился исполнять, а Глеб пошел в кабинет искать свой старый сотовый телефон.

Когда-то, года три назад, ему по работе понадобились консультация и услуги социолога, и первым делом он вспомнил, что Лиза не только по образованию социолог, но и поступила в аспирантуру по этой специальности, и он взял ее номер телефона у Потапа. Она тогда ему помогла и посоветовала толковых специалистов. А ее номер так и остался у него в телефоне. Надо бы только найти тот телефон и зарядку к нему, и надеяться, что номер она не сменила. Ну а если сменила – пойдем другим путем, через Потапа. Но не хотелось бы другим.

- Привет, – повторили в трубке и перевели дыхание, она слышала, как сделал это говоривший, словно ему было сложно начать разговор, выдохнул и представился: – Это Протасов.

Теперь переводить дыхание, и замирать, и молчать от потрясения настала ее очередь.

- Ты меня слышишь? – спросил он.

- Да, – прохрипела осипшим вмиг горлом Лиза.

- Как там ваш юбилей? – ровным тоном поинтересовался он.

- За... кхм-кхм, – пришлось ей прокашляться и закончить севшим голосом, – замечательно. Все очень здорово и по плану. Дед, по-моему, счастлив.

- Это хорошо, – порадовался он номинально, без соответствующей интонации в голосе и вдруг спросил очень строго и серьезно: – Ты могла бы ко мне приехать? Мне надо с тобой поговорить.

- У тебя что-то случилось? – тут же перестала сипеть Лиза.

Сразу же, как иглой, кольнуло воспоминанием о странно забарабанившем сердце вчера утром, и подумалось, что из-за ее глупой несдержанности и неоправданного желания растормошить эту его неживую отстраненность с Глебом что-то произошло!

- Нет. Все нормально, - уверил он. - Я просто хотел бы с тобой поговорить.

- Сейчас? - уточнила она и посмотрела на костюм, который держала в руках.

Лиза стояла за кулисами и держала наготове театральный костюм, в который должен был быстро переодеться Кирилл по ходу разыгрываемого представления, чтобы снова выйти на сцену.

- А что, сейчас тебе неудобно, ты занята? - оживился хоть немного красками голос Протасова.

- Ну-у-у, - протянула она, посмотрев на сцену, - не то чтобы очень, но есть один нюанс.

- Какой?

- Протасов, ты вообще в курсе, сколько километров и времени к тебе отсюда надо добираться и, на минуточку, как? - напомнила ему Лиза.

- Ну, если ты можешь освободиться и в принципе не против приехать, то в городе тебя ждет такси.

- Такси? - обалдела Лизавета.

- Ну, что-то в этом роде, - пояснил Глеб индифферентно. - Это Николай на машине, он подъедет, куда ты скажешь, и заберет тебя, - и переспросил: - Ты приедешь?

- Приеду, - подумав, решила Лиза и назвала адрес, где находилась в данный момент.

- Хорошо, я ему сейчас передам, он подъедет, - сказал Протасов и отключился.

Лиза пристроила костюм на стул, который нашла здесь же за кулисой, мысленно попросила у брата прощения и тихо смылась, пока ее никто из организаторов не засек и не нагрузил быстренько какими-нибудь еще поручениями и важными делами. Эти деятели не поймали, зато ее перехватила бабуля, когда внучка пробиралась за спинами гостей к выходу.

- Сбегаешь? - заговорщицким шепотом спросила бабушка.

- Ба, тут такое дело.

И Лиза, отведя ее в сторонку, где их никто не видел и не мог слышать, быстро рассказала ей, как наорала на Протасова и как они уехали в ночь, и про то, что он позвонил сейчас и позвал к себе.

- Не знаю, детка, - подумав, вздохнула и покачала головой Ася Матвеевна, - тебе как никому известно, как могут люди, отдавшиеся полностью горю, утащить за собой близких, испоганив, изломав их жизнь.

- Да, известно. Но Протасов - это совсем другая история. Он никого за собой не тащит, наоборот, пытается всех родных и близких оградить от себя такого, поэтому и сбежал в леса, - твердо заявила Лиза.

- Ну, если ты в этом уверена, - вздохнула бабушка и развела руками. - Тогда беги к нему. Только постарайся не попасть в вечную историю: страдающий от душевных ран мужчина, которого спасает женщина своей самоотверженной любовью. Эти истории хороши только в сказках, на деле же все заканчивается куда как поганей и прозаичней: мужик со всей своей

«душевной травмой» удобно усаживается женщине на шею, превращаясь в махрового эгоиста и манипулятора, и вот она всю жизнь тащит его на своем хребте и терпит его «тонкую душевную организацию», которую нельзя касаться грубым бытом, – у него ж такое горе! Присмотрись внимательней к нему, послушай, и если поймешь, что его не вытащить, то лучше беги, как бы больно тебе ни было.

– Я присмотрюсь, ба, обещаю, – прошептала Лиза и поцеловала ее в щеку. – Я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, детка, – обняла ее бабушка и прошептала на ухо: – Я тебя прикрою, скажу, что тебе срочно понадобилось в Москву.

– Зачем? – отстранилась внучка и посмотрела внимательно на нее.

– Не знаю, – заговорщицки усмехнулась бабуля. – Может, понадобится, а нет, так скажем, что я что-то не поняла. Мне все позволительно, возраст.

– Ну, ты партизанка! – рассмеялась Лиза.

– А то, станешь тут с вами!

Всю дорогу от гостиницы, из которой она выписалась и забрала вещи, а потом и до самого хутора Лиза с Николаем не произнесли ни слова. Она маялась тем, что Коля видел и слышал, как она неприлично орет на Протасова, а Коля молчал себе в тряпочку, не очень-то понимая, что происходит с Глебом Максимовичем, до поры поспешных выводов не делая и где-то потаенно надеясь, а вдруг эта маленькая девушка сможет расшевелить хозяина. Вон ведь, первый раз за полтора года, что он, Коля, его знает, Протасов улыбнулся!

Так и ехали – в тишине.

На хутор они добрались, когда уж темнеть начало. Глеб встречал их у гаража, открыл дверцу, подал Лизе руку и помог выйти из машины.

– Привет, – ровным голосом поздоровался он.

– Привет, – бесцветно ответила Лиза.

Она ужасно волновалась и не очень понимала, как себя вести в такой ситуации, вроде бы в прошлый раз они не совсем чтобы мирно и ласково расстались, а тут это приглашение...

Глеб достал из багажника сумку с ее вещами:

– Идем в дом.

«Ну, идем», – подумала Лиза и кивнула.

Подхватив ее под локоток совсем легким прикосновением, Протасов сопровождал гостью, продолжая проявлять чудеса гостеприимства, особенно если вспомнить рассказы Кирилла, как обычно он «встречает» гостей. А она помнила!

– Вера, узнав, что ты приедешь, затеяла свой фирменный пирог с капустой. Очень вкусный. И всегда большой. А чай у нас на травах. Будешь? – он говорил ровным тоном, как о чем-то постно-нейтральном, продолжая придерживать ее под локоток, когда они поднимались по ступенькам.

- Буду, - совершенно не понимая, что происходит, автоматически согласилась Лиза.
- Добрый вечер! - встретила их в прихожей и сама Вера, приветливо улыбаясь и вытирая руки о фартук. - Пирог уже готов. Сейчас немного постоит, дойдет, и можно есть, - и вдруг обеспокоилась: - А может, вы чего-нибудь посушехонее хотите? Вы же не ужинали?
- Нет-нет! - даже испугалась такому предложению и заботе Лиза. - Чаю с пирогом вполне достаточно.
- Ну, ладно, - успокоилась Верочка и спросила с некой настороженностью в голосе у Протасова: - Вы в гостиной расположитесь или на кухню пойдете?
- В гостиной, - уведомил он, помогая Лизе снять куртку.

Лиза чувствовала каждой клеткой все нарастающую неловкость и нервничала все больше и больше - так давила на нее эта непонятная атмосфера. Хозяин вроде бы гостеприимен, но говорит странным механическим голосом, Коля молчит как пришибленный, Верочка зыркает на них, с трудом скрывая опасение. Прямо как в страшной сказке про людоедов и глупую девочку, зашедшую к ним на огонек!

- Слушай, Протасов, ты зачем меня пригласил, чаек попить? - не выдержала она уже зашкаливающего внутреннего напряжения.

Да и вообще! Сколько можно терпеть! Такое ощущение, что, начиная с момента его звонка, все вокруг идет не так, как-то болезненно-резко. Слово кто-то комкает лист бумаги с плохо прописанными диалогами, действиями и неправильным сценарием, внутри которого находится она.

- И чаек тоже, - сказал он.

И окончательно добил растерявшуюся Лизу - усмехнулся! Мать честна! Вот это да!

Она плюхнулась на стоявший у стены сундук с накиданными на него подушечками, разумеется, стилизованный под европейское средневековье, и принялась снимать сапожки, поглядывая недоверчиво на Протасова. От предложенной им домашней обуви для гостей Лиза отказалась, достала свои дежурные «балетки» из сумки, переобулась и решительно поднялась.

- Ну, идем в чертоги! - вздохнув, заявила она о своей готовности встретить испытания в людоедском логове.
- Лиз, ты чего так нервничаешь? - поразив ее очередной раз, совершенно нормально, по-человечески спросил Протасов.

- Вроде как мы сильно поскандалили... - напомнила она. - И я наговорила тебя много лишнего и неприятного. И расстались мы с явным намерением больше не видеться, и что-то я не заметила твоего кипучего дружелюбия. И вообще, ты меня выгнал, помнится.

- Ничего подобного, - снова ухватив ее легонько под локоток и сопровождая в гостиную, возразил он, а в голос вернулись живые интонации, - я тебя не выгонял. Ты сама решила уехать.

- Ну, не оставаться же было! - пожала она плечами.

- Я должен извиниться, - спокойно заявил Глеб.
- Ты? - обалдела окончательно Лиза.
- Проходи, присаживайся, - снова усмехнулся он.

Лиза только сейчас обратила внимание, что они уже прошли в комнату и стоят возле большого мягкого дивана, у которого примостился массивный кованый столик с деревянной столешницей, а напротив два кресла по бокам огромного камина. В эту комнату она в прошлый раз не заходила. Она плюхнулась на диван, не сводя потрясенного взгляда с Протасова, и переспросила:

- Ты? Извиниться?
- А что, это хотела бы сделать ты? - приподняв брови, спросил он с легкой усмешкой.
- Нет, - сразу же отказалась она.
- Я так и думал, - кивнул Глеб. - Ну а я должен извиниться за то, что позволил вам уехать в ночь. Нужно было задержать вас до утра.
- Ничего, мы спокойно доехали, - уверила Лиза.

И собралась было приступить к требовательным и настойчивым расспросам, но тут в комнату вошла Вера. Она принесла огромный поднос, уставленный чашками, большущим чайником и всякой другой разностью.

- А вот и чаек! - радостно оповестила она, сгибаясь слегка под тяжестью ноши.

Протасов тут же поднялся, стремительно прошагал навстречу, перехватил у нее поднос, донес, поставил на столик и строго отчитал:

- Вер, ты что творишь?
- Да, ничего, Глеб Максимыч, я ладненько так ухватила. - И принялась «оглашать меню», бойко расставляя на столе принесенное добро. - Заварила на травках, как Глеб Максимыч любит, я тут медку вам принесла и вареньица нашего разного, сама варила, вот печенюшки, конфетки. Вы пока перекусите, а минут через пятнадцать-двадцать я и пирог принесу.
- Спасибо большое, - поблагодарила искренне Лиза.
- Да вы с дороги, кушайте, пейте горяченького, - уговаривала Вера, налила им с Глебом в чашки чай, поставила этот большущий чайник на подставку на стол и как-то очень быстро исчезла.
- Заботливые у тебя работники, - заметила Лиза.
- Даже слишком, - кивнул Глеб.

И они вдруг замолчали. Напряженная неловкость и ожидание чего-то непонятного повисли над ними. Лиза взяла чашку с блюдцем, откинулась на спинку дивана, сделала несколько глотков, с удовольствием отметив про себя, что чай замечательный, и как раз то, чего хотелось бы. А если закрыть глаза, то можно представить, что никакого тяжелого разговора не было и не будет, а за окном холодно и промозгло сыро, и темень безлюдная страшная вокруг, дикие

поля и леса, ни одного огонечка на километры, а здесь безопасно, и уютно потрескивают дрова в камине, и этот душистый чай, и можно подумать...

- Ты изменился за эти два дня, - глядя в чашку, тихо сказала Лиза, пресекая все свои трепыхания и недоумения душевные, и посмотрела на него: - Это из-за того, что я на тебя накричала?

Протасов сидел рядом, слева от Лизы на диване, чуть наклонившись к столику, и с явным удовольствием запивал чаем тягучий медок, который набирал из хрустальной розеточки маленькой ложечкой. Он не ответил сразу, сделал еще пару глотков, медленно поставил чашку на блюдце, положил на него же ложечку, медленно откинулся на спинку дивана, помолчал, развернулся к Лизе, поразглядывал ее несколько секунд.

- Я ходил в лес, - признался он, посмотрев ей в глаза. Помолчал. - Не хотел и не собирался, не думал даже, но что-то будто тащило меня туда, и я шел и шел. Далеко забрался. И вдруг привиделось так явно, что я снова оказался в палате с Алисой, в ее последние часы. Как ты там говорила? Прокричаться? Вот я и кричал. Наверное, долго. Не очень помню что, обвинял всех, плакал, а потом не помню как отключился. Что-то изменилось после этого леса во мне. Я не очень понимаю, что. Вот ты психолог и веришь в какую-то там жизнь после смерти, вот ты мне и объясни, что дальше.

- Я детский психолог, к тому же не практикующий, - осторожно, словно боялась порвать тонкую нить его доверия, протянувшуюся к ней, напомнила Лиза.

- Да? А по мне, так очень практикующий, - усмехнулся саркастически Протасов.

- Просто ты сам уже был готов к изменениям, тебе нужен был только какой-то толчок...

- Вот ты и толкнула, - снова усмехнулся он. - Ну, ты же как-то поняла, что нужно сделать.

- Да ничего я не поняла! - разнервничалась Лиза. - Просто не могла видеть тебя таким, и мне захотелось как-то встряхнуть тебя, заставить выйти из этой замкнутой зоны, в которой ты спрятался от мира и лелеешь свою боль.

- Она мне приснилась, - неожиданно признался Глеб. Он словно не слышал того, что говорила Лиза, посмотрел внимательно на нее и поразил еще одним признанием: - Ни разу не снилась за все эти два года, а мне так хотелось, чтобы снилась. А тут вдруг так явно, я даже чувствовал, как живую. Ты же во все это веришь, так растолкуй мне, почему именно сейчас, как мне это все понимать и что она хотела мне сказать, объяснить.

- Я попробую, - неуверенно пообещала Лиза.

Посмотрела в чашку, которую, позабыв, так и держала в руке, осторожно поставила ее на стол, как великую хрупкую драгоценность, посмотрела на Протасова и, решительно вздохнув, понизив голос, настойчиво попросила:

- Но сначала расскажи мне про Алису.

- Что? - не понял такой просьбы Глеб.

- Все, - тихо, но с нажимом сказала Лиза и предложила отправную точку: - Начни с того, как она родилась.

Глеб молчал и смотрел на нее долгим задумчивым взглядом, прислушиваясь к чему-то внутри себя. Лиза не мешала ему принимать решение и ждала. Он передвинулся, сел ровно, откинул голову на спинку дивана, закрыл глаза и тусклым голосом, словно продираясь через что-то трудное в себе, произнес первую фразу:

- Первые три месяца после того, как Алиса родилась, я не брал ее на руки, боялся, что сломаю что-нибудь ей, такая она была маленькая и хрупкая.

Произнеся это, он замолчал. Надолго. Время тихо плыло, прогоравшие в камине дрова потрескивали. Лиза ждала, затаив дыхание, - не торопила, не подталкивала вопросами, понимая, что никакими уговорами она не сможет заставить его говорить дальше, если только он сам не решится.

- А когда я в первый раз взял ее на руки... - вдруг неожиданно произнес он охрипшим голосом, открыл глаза, поднял голову, посмотрел на дрова в камине и продолжил рассказ...

Верочка в кухне, держа большой разделочный нож в руке, стояла, задумавшись над огромным румяным пирогом. Вот бы эта Дюймовочка что-то сделала такое, чтобы Максимыч в жизнь вернулся, думала она, ведь смогла же его встряхнуть! И храбрая какая, кричала на него будь здоров, ни черта не боялась! А Вера иногда как глянет в его глаза, так дрожь пробирает - словно в страшное заглянула, такой он неживой ходит. И жалко его ужасно - мужик-то хороший, настоящий, а как его горе-то скрутило.

Они знали, что дочка у него умерла, на селе говорили, уж как местные прознали - он-то вообще молчок об этом, может, когда дом продавали риелторы или сами бывшие хозяева где проболтались. А на селе-то как: на том конце говорят, а на другом уж и отвечают - ничего не утаишь. Да только и там мало что про это дознались - сколько лет дитю было и от чего погибла - одни догадки. Вот и строили версии одна страшнее другой на свое развлечение.

Вера вздохнула, перекрестила пирог и принялась резать на добрые большие куски. Пар поднялся от горячего печива, заполнив всю кухню божественным запахом.

- Удайся! - похвалила себя и порадовалась Вера.

Она сложила на большое блюдо несколько самых смачных кусков, с самой серединки, подхватила и понесла угощение в гостиную. Подходя ближе, услышала голос хозяина и разобрала начало фразы:

- Она была такой умненькой...

Вера остановилась как вкопанная, потом подошла поближе к приоткрытой створке двери - сама оставляла ее так, чтобы удобней было блюдо с пирогом заносить, и прислушалась повнимательнее.

- В три годика говорила: «Папочка, надо придумать правильное решение», - говорил он с явной улыбкой.

Верочка тихо-тихо отошла на пару шагов, поставила блюдо с пирогом на комод, вернулась к двери, отчетливо понимая, что прерывать хозяина сейчас никак нельзя. Хоть потоп, хоть конец света!

Это ж такое происходит! Повернул в жизнь Глеб Максимович - тьфу-тьфу, чтобы не сглазить! Вот тебе и Дюймовочка! Ай да девочка!

А он рассказывал. И Верочка поняла, что начала всхлипывать, так трогательно он про доченьку вспоминал, и тут же зажала рот углом фартука, чтобы не потревожить его.

В дом вошел Коля, неся дрова для камина, скинул уличные резиновые боты с ног, остался в толстых вязаных носках и так и пошел по коридору, и встал, как вкопанный, увидев зареванную жену, стоящую у дверей в гостиную и явно подслушивающую чужой разговор. Хотел было прикрикнуть на нее за излишнее любопытство женское, да она, заметив его, сделала строгое лицо, приложила палец к губам, призывая к тишине, и резко махнула ладошкой, подзывая к себе, предлагая присоединиться.

Коля вздохнул, вернулся в прихожую, максимально осторожно и тихо сгрузил на пол дрова, тихонько подошел к жене и прислушался.

Следом за ним, прям по пятам, вошел в дом за какой-то надобностью к хозяину Витяй, скинул свои дворовые боты, родные братцы Колиных, рядом с ними и поставил и в шерстяных вязаных носках двинул дальше.

- Опть! - прокомментировал ситуацию Витяй, обнаружив семейную пару за явным подслушиванием под дверьми гостиной.

Они резко повернули головы на его голос, сделали страшные лица, замахали на него руками, прикладывали на пару пальцы к губам, требуя абсолютной тишины и соблюдения конспирации, и снова продолжили прослушивание. Витяй подобрался ближе к ним, и так бочком, бочком, вытягивая голову ухом вперед, пристроился рядом. Так и замерли они втроем и слушали...

Глеб начал рассказывать с трудом, Лиза видела, что первые несколько фраз он заставляет себя произносить. Но постепенно теплые, яркие воспоминания о ребенке захватили его, и он улыбнулся один раз, потом еще и вот уже полностью погрузился в то время, когда Алиса была совсем маленькой, и просветлел лицом.

Лиза слушала, не перебивая, смотрела на меняющееся выражение его лица и понимала, какая сильная связь была у него с дочерью, такую редко встретишь. У них был свой особый мир только для двоих, и эта неосознанная попытка Протасова еще больше отгородить этот их мир от Ольги и других людей тем, что он учил дочь испанскому, о многом говорила. Ну, хотя бы то, что он не был душевно близок со своей женой.

Глеб подошел в своем рассказе к моменту, когда стала проявляться болезнь Алисы. И все! Всякое отстранение, к которому призывало психологическое образование, исчезло, и она уже плакала, не замечая текущих по щекам и капающих на одежду слез.

Когда потекли еще и слезливые сопли, Лиза, не отрывая ни на мгновение взгляда от лица Глеба, на автомате нашарила рукой на столе стопку салфеток, принесенных Верочкой с прочей сервировкой. Вытиралась, сморкалась и смотрела на Протасова совершенно больными от сострадания глазами и, уже не сдерживаясь, рыдала во весь голос и роняла промокшие насквозь салфетки, усыпав ими колени и диван вокруг себя, как кусками нерастаявшего снега.

А он говорил и говорил. Наклонившись вперед, опираясь локтями о колени, с силой сцепив пальцы в замок до побелевших костяшек, Глеб смотрел неотрывно в угасающий огонь в камине и рассказывал, и желваки ходили у него на скулах.

Вера, с силой прикрывая рот двумя ладошками сразу, раскачивалась скорбно из стороны в сторону и заливалась слезами, Коля неосознанно гладил ее по плечу успокаивающим и поддерживающим жестом и сам вытирал слезы загрубевшей ладонью, а Витяй утирался

вязаной шапочкой, которую комкал в руке, и что-то тихо под нос ворчал матерное на врачей нерадивых и судьбу злую Максимыча.

Голос Протасова стал глухим и монотонным от сдерживаемых эмоций, а он рассказывал про то, как вышел из палаты Алисы и увидел себя в зеркале, и не узнал, только потом сообразил, что это седина, и о том, как билась в истерике Ольга и выкрикивала обвинения ему, о том, как потерял краски и стал серым его мир...

Он замолчал, расцепил побелевшие пальцы, откинулся на спинку дивана.

- Ну почему-у? - рыдала Лиза и заикалась от слез. - Почему ты не рассказал все это раньше, пусть не-е психоло-огу, но кому-у-нибудь ро-одному? У тебя, я знаю-ю, с ба-бабу-ушкой очень бли-и-зкие отноше-ения! Не-ельзя же! Не-ельзя де-ержать тако-о-е в себе сто-о-лько времени!

- Не плачь, - устало распорядился он.

- Не-е мо-огу, - призналась Лизка.

И внезапно ринулась к нему, уселась на колени, сильно обняла, прижалась щекой к его груди, громко всхлипывая, и все никак не могла успокоиться. Он склонил голову, посмотрел на нее, обнял одной рукой, а второй принялся гладить по голове и повторил:

- Не плачь.

- Не бу-уду, - тяжело вздохнув, пообещала она и спросила: - Почему-у ты не захотел при-инять по-омощь от дру-узей и ро-одных?

- Мне казалось, что так я к ней ближе, - помолчав, все же признался Глеб.

Верочка сделала красноречивый знак мужикам, означавший: идем отсюда, и пригрозила, когда Витяй засомневался в правильности ее распоряжения, ухватила его за локоть и с силой двинула вперед, да еще поддала в спину, изобразив предупреждение лицом. Конюх неохотно подчинился, Вера же, прихватив блюдо с остывшим пирогом, погнала мужиков в кухню, не забыв тихонечко и остороженько плотно прикрыть двери гостиной.

- Вот такие дела-а-а! - протянул горестно Витяй, усаживаясь за стол.

- Настрался мужик, - поддержал его Николай.

- А дитя-то как намучилось, бедное! - всхлинула Верочка и быстро утерла краем фартука набежавшую слезу. - Чистый ангел! Не плачь, говорит, папочка!

- Ну-ну, хватит, Вера, - попытался остановить новый поток слез Коля.

- А вы чего расселись? - переключила она неожиданно свое внимание на происходящее в данный момент.

- А чего? - не понял Витяй.

- А вот пирога сейчас возьмем краюшки и пошли к нам в дом, - строго приказала Вера, быстренько занявшись делом: накрыла так и не донесенное до гостиного стола блюдо с печивом чистым полотенцем, достала из шкафчика пластиковый контейнер, уложила в него отрезанные боковинки пирога и распорядилась: - Идем, нечего Глебу Максимовичу мешать здесь, и чтоб носа не совали! Мало ли, может, у них сладится что, а не сладится, так она его

подлечит психологически, сумела же вот разговаривать. Идем, идем, только тихо.

- И правда, - поднялся Витяй. - Пойду ребятам расскажу, что услышал, пусть знают, пожалеют его.

- Да успеешь со своими коняшками поговорить, - махнула на него рукой Верочка. - Пошли вон чаек с пирогом попьем, пока теплый.

И стараясь соблюдать режим особой тишины, они втроем прошли по коридору мимо гостиной на цыпочках, так же тихо обулись в прихожей и вышли из дома, затворив за собой двери.

- Это все так ужасно, - продолжая прижиматься к Глебу, запрокинула голову и посмотрела ему в лицо большими глазами Лиза. - И как неправильно жить в этом состоянии так долго.

- Тебе видней. Ты же психолог, - тихо отозвался Протасов, совсем близко заглядывая ей в глаза.

- Детский, - шепотом напомнила Лиза.

А он смотрел на ее распухшее от слез личико, оставшееся без какой-либо косметики, смытой слезами, как душем, на эти припухшие губки, на переполненные болью переживания глаза удивительного светло-зеленого оттенка и только сейчас осознал, кого и как он прижимает к своей груди, и вдруг почувствовал, что весна, пожалуй, не предупредив и намеком, наступила и в его жизни...

Он очень медленно стал наклонять свою голову к ней, давая возможность Лизе уклониться и сбежать... Она не сбежала - закрыла глаза и придвинулась ему навстречу.

Глеб поцеловал ее совсем легко - еле касаясь губами ее губ, все еще оставляя ей возможность отступить и передумать, но даже этого легкого нежного касания хватило, чтобы их обоих словно обожгло.

И где-то над ними зазвучала музыка. Еще тихо, еле различимо, но становясь все отчетливей и громче звучало в пространстве вступление к танго...

Лиза распахнула от неожиданности глаза и посмотрела на него, потрясенная силой накативших чувств, и Протасов застонал, окончательно пропадая в этом ее светло-зеленом омуте, прижал еще сильнее к себе и поцеловал по-настоящему - сильно, страстно, сходя с ума от этого поцелуя, сдаваясь - разрешая себе его!

Она звала его вперед, прижималась к нему, обнимала со всей силой и так отвечала на поцелуй, что на секунду у него мелькнула шальная, лихая от радости мысль, что от такого можно запросто сгореть! Совсем!

И годами сдерживаемое влечение этих двоих вырвалось, наконец освобожденное, на свободу и, сметая все на своем пути, шарахнуло по ним из всех имеющихся орудий!

Они целовались, словно с ума сошли: постанывая, обнимаясь, прижимаясь друг к другу, как можно сильнее, ближе, и пытаясь в каком-то беспамятстве срывать одежду друг с друга...

- Лиза... - шептал он, нежно взяв ее лицо в ладони и заглядывая в ее глаза.

- Глеб, господи, Глеб... - смотрела потрясенно она на него и пыталась сказать что-то.

Ничего не надо было уже говорить, да и невозможно – любые слова уже не имели никакого значения – он вошел в нее, и оба испытали такое мощное потрясение от этого соединения, что замерли на какое-то мгновение, глядя в глаза друг другу и изливая через этот взгляд весь накал страсти и нежности одновременно и обретения друг друга...

Пауза! И... Трам-та-та-да-та-та-й-да! Обрушилось на них танго своей кульминационной частью...

А они пели своими телами, стонами, поцелуями великую песню этого танца!

Трам! Та-та-да-та-та-й-да! Стонал рояль и рыдали скрипки...

И они поднялись на вершину своего танго, и Лиза от переполнявших ее чувств и ощущений всхлипнула несколько раз, вторя скрипкам, а Глеб стонал, подпевая старому хриплому роялю...

Трам! Та-та-да-та-та-та-й-да! Просипел аккордеон, напоминая, что все проходит в этом мире...

...Они лежали обнаженные на диване и тяжело дышали, не торопясь приходить в себя, и где-то в пространстве, почти явно и отчетливо, все звучало и звучало, постепенно затихая, растворяясь, страстное Аргентинское танго...

- Лиза? – вдруг очнулся от сладкой дремы и резко напрягся Протасов, приподнимаясь на локтях над ней.

- Ум-м? – ответила вопросительным непонятым, переполненным ленивой неги звуком вместо слов она, не открывая глаз.

- Ты в порядке? – встревоженно спросил Глеб.

- Нет, – так и не открыв глаз, оповестила она и пояснила: – Я в абсолютном, великолепном, потрясающем кайфе и нирване, и вообще не здесь, а где-то в раю, но, по-моему, все это ты собираешься мне сейчас испортить.

- Нет, – улыбнулся он, наклонился и коротко поцеловал ее в губы. – Постараюсь не портить, но я боюсь тебя раздавить, ты такая маленькая.

И он начал осторожно подниматься, но Лиза ухватила его за талию двумя руками, останавливая, распахнула глаза и прошептала:

- Не хочу, чтобы ты из меня выходил...

- Я еще вернусь, – пообещал Глеб, очень сексуально усмехнувшись, и поцеловал ее по-настоящему, тут же забыв обо всех своих опасениях, но все же сумел остановиться, не дав разгореться продолжению по-настоящему, и прошептал: – Давай перебираться в спальную, там намного удобней.

- Но там нет камина, – вздохнула с наигранной грустью Лиза.

- Есть, – усмехнулся Протасов, перекатился с нее и сел рядом.

- Да ладно! – поразилась она. – Только не говори, что у тебя везде в доме камины!

- Не буду, – улыбался он. – Камин, как и положено, в кухне, в гостиной и в господской спальне, которая числилась у прежних хозяев номером люкс, – кстати такой же большой, как здесь. В других комнатах замка вроде тоже полагалось бы, но масштабы все же не замковые, вот и

ограничились тремя, - и спросил: - Ну что, пойдём?

- А можно через кухню? - спросила Лиза и, накинув на плечи найденную на полу блузку, села рядом с ним. - Я так переволновалась, что ужасно захотелось есть. К тому же, помнится, пирог обещали.

- Будет тебе пирог, - уверил Глеб, обнял ее одной рукой, прижал к своему боку, посмотрел сверху вниз и усмехнулся.

В кухне выяснилось, что Протасов противник микроволновых печей и электрических чайников, и дома у себя их не держит из принципа, пришлось подогреть остывший пирог на сковородке под крышкой, а чай разогреть в большом металлическом чайнике.

А Лизе это понравилось. И, устроившись за большим деревянным столом, прихлебывая душистый горячий чаек из большущей кружки, со стоном от вкусности непередаваемой, уплетая пирог, она чувствовала себя в сказке. В настоящей сказке.

- Представляешь, - делилась она с Глебом своими ощущениями, посверкивая от восторга и фантазии глазами, - там, за окном жуткая темень вокруг, настоящая, сплошная тьма темная, холодно, идет дождь, слышишь? - подняв вверх пальчик, прислушалась она к легкому стуку капель по стеклу и кивнула, подтверждая, - идет. Так вот: дождь, ни огонька на километры, никакого жилья, ни одного человека - дикое поле и леса. Дует пробирающий до костей промозглый ветер, где-то вдалеке воет не то дикая собака, не то волк, и страшно. И тут твой замок! И светится окно кухни, и если заглянуть в него с улицы, то увидишь жаркий огонь в камине, пар из носика только что закипевшего большого чайника, блюдо с дымящимся пирогом на столе и смеющихся мужчину и женщину. Это так здорово. Тепло-тепло. Как в детстве под одеялом с шоколадкой и ужасно интересной книжкой.

- Ты очень вкусно рассказываешь, - засмотрелся на нее Глеб.

- Угу, - кивнула Лиза, откусывая от пирога добрый кусок. Прожевала, от удовольствия прикрыв глаза, запила чаем и восхитилась: - Обалденная вкуснятина! Верочка просто волшебница, где ты ее нашел?

- Это целая история, - улыбался ей Протасов.

Он не мог насмотреться и поверить, что вот она, рядом. Такая. Настоящая. Не греза и не сновидение жаркое, дурманящее. Она здесь. Его? Или... Да, так о чем он? О Верочке.

- Вообще-то они с Колей достались мне как бы с домом вместе, но не совсем...

Коля приехал в Россию на заработки из Приднестровья, где они жили всей семьей, много лет назад. Позвал его друг, который устроился на стройку и неплохо зарабатывал. Неплохо, разумеется, по приднестровским меркам. Но дома и такого не найдешь, а семью кормить надо, жену и двоих пацанов-погодков, да мать больная и тесть инвалид - вот и крутись как хочешь, к тому же пришлось несколько лет дом после боев восстанавливать, все, что зарабатывали, туда уходило. Пока мальчишки не родились, еще ничего, справлялись как-то, а потом совсем туго стало. О-хо-хо!

Им, конечно, проще во многом было, чем, скажем, тем же украинцам и гастарбайтерам из Средней Азии: они получили российское гражданство, а это, поверьте, сильно облегчало не всегда легальную работу и жизнь. К тому же Коля получил высшее строительное образование, что тоже прибавляло бонусов, и, как правило, на любой стройке, где он работал, его ставили

бригадиром, а порой и повыше.

Но на один его заработок и на то, что получала Верочка там, у них дома, они еле-еле сводили концы с концами. А тут как-то хозяин загородной усадьбы, на стройке которой трудился Коля, в разговоре с архитектором в присутствии Николая, который был бригадиром и участвовал в обсуждении текущих вопросов, пожаловался на то, что они с женой никак не могут найти хорошую домработницу, после того как уволилась их бывшая прислуга, проработавшая у них несколько лет: возраст и болезни, решила, что больше не может работать. Коля поинтересовался, о какой зарплате идет речь и какие обязанности подразумеваются за эту сумму, и тут же предложил свою жену на эту вакансию.

И уже через неделю Верочка работала на новом месте.

Хозяева оказались людьми вполне приличными по сравнению с теми неадекватными личностями с деньгами, у которых от мании величия и перебора собственной исключительности с головушкой случаются совсем тяжелые вещи. Ничего, терпимо.

Но вскоре, года через полтора, у хозяина этого оказались какие-то сложности финансовые, а в этой связи и неприятности с законом. И они в срочном порядке принялись все распродавать и от услуг Верочки отказались. Правда, хозяйка успела сделать для нее последнее доброе дело – пристроила Веру к своим друзьям, отрекомендовав как честного и порядочного человека.

Верочку приняли, как говорится, с распростертыми объятиями. И посулили денег гораздо больше, чем предыдущие хозяева, намного больше... Но с одним условием – жить и работать на хуторе где-то в глухом краю под Тамбовом и на ней будет не только домашнее хозяйство, но и уход за туристами, которые будут там проживать.

А куда она без мужа? Да и дети уж подросли, они их с Колей только-только к себе в Москву перевезли, квартиру сняли, в школу отправили учиться, устроили хорошо. Куда теперь срываться?

Колю новые хозяева тут же с радостью пригласили на работу помощником по хозяйству и заработок посулили достойный.

Сели Верочка с Колей, посчитали, подумали, прикинули, как и что делать, и решили вызвать из дома Верину маму. Отец год как помер, она одна осталась, тоскливо ей и скучно там одной. А так за мальчишками присмотрит, при деле будет. А пенсию свою она и здесь сможет получать, они документы оформят. А вот найти такой заработок, который им сулят новые хозяева, – может, другого случая и не представится.

Ну, про мышеловку с бесплатным сыром все знают. Нет, деньги они получали обещанные, в срок и как положено, но пахать им обоим пришлось за этот заработок каторжно!

Оказалось, что хозяева на этом хуторе устроили небольшую конеферму, где разводили породистых лошадей, но не только. Хозяин, увлекавшийся европейским средневековьем, решил сделать из дома гостиницу и устраивать на хуторе всяческие костюмированные представления с рыцарскими турнирами, ярмарками, шуточными боями и состязаниями.

Богатая идея, скажем так. Только неосуществимая в глухомани тамбовских лесов. Ну, справедливости ради надо сказать, что кое-что у них даже получалось первое время, но вскоре выяснилось, что либо развлекуха в стиле Робин Гуда и Ричарда Львиное Сердце, либо серьезное коневодство, а тут еще кризис разразился мировой и долбанул по полной!

Как известно, «хозяевам потеха, а холопам смерть». Досталось же Верочке с Колей! Первое время хозяева еще нанимали в помощь сельских теток, а уж когда прижало, все на плечи Веры с мужем легло, да на двух конюхов молодых, что с самого начала с ними работали. И с деньгами стало совсем туго.

Господа-то все успокаивали, мол, лошадок и участок на продажу выставили, как только продадут, так и расплатятся, да только и год прошел, и второй, а за ним и третий потянулся, а что-то не торопятся покупатели и в очередь не выстраиваются. Но платили, когда могли, совсем уж не обманывали – продадут коня, заплатят, проведет хозяин съезд костюмированный – заплатит.

И вот однажды будят их с Колей среди ночи и говорят: собирайтесь, быстро! Куда, как? Ничего не поняли, но вещи все собрали и за ворота вынесли. Хозяин их погрузил на машину, довез до села, постучался в какой-то дом и только тогда пояснил:

- Вот вам расчет. – Достал пачку купюр, отсчитал и протянул Коле деньги: – Я с Захаровной договорился, она вас на ночь примет, а там уж сами решайте, куда и как.

- А что за срочность такая, среди ночи-то? – не понял Коля.

- А все, Коля, участок больше не наш, в любой момент новый хозяин может заявиться, а он потребовал, чтобы мы полностью освободили хутор и там никого не было, когда он приедет.

- И когда вы его продали? – уточнила Вера.

- Три дня назад, – потупился хозяин.

- Так почему нам-то не сказали, мы бы к детям в Москву уехали спокойно! – возмутилась она.

- А кто бы убирал все, а? – наехал на нее от вины бывший теперь хозяин.

- Так можно было бы по-человечески и объяснить, и договориться!

Видимо, нельзя. Хозяин только пожал плечами и, ничего больше не сказав, уехал. Как позже выяснилось, по-человечески эти люди попросту не умели или не понимали, что это такое. Хорошо хоть расплатились, даже удивительно!

А на следующий день случилась масса событий, связанных с хутором, растревоживших село как осиный улей. Но это отдельная история.

Только в результате всех этих событий уже следующим вечером Коля с Верой снова оказались на хуторе, нанятые на работу новым хозяином Протасовым Глебом Максимовичем, который первым делом выделил им для жизни гостевой домик. Раньше-то они жили в небольшой комнатке за баней. А тут целый домик! Три комнаты – большая спальная, гостиная, комнатка поменьше, кухня и душ с санузлом!

Коля даже переспросил несколько раз, ничего ли Глеб Максимович не перепутал? Оказалось, нет, не перепутал, и жить теперь они будут здесь и привозить на лето, на каникулы и праздники детей и бабушку тоже могут. И зарплату положил достойную! И началась у них почти новая жизнь!

- Правда, хозяин я оказался беспокойный, – усмехнулся Протасов, заканчивая рассказ, – много чего придумываю, меняю, мастерю и устанавливаю. Озадачиваю Колю по полной программе.

Ночами гуляю по участку, а они пугаются.

- А что мастеришь? - тут же заинтересовалась необычайно Лиза. - Мне Маня говорила, что ты какой-то здесь чудо-дом и участок сотворил!

- Завтра покажу, - пообещал он, притянул ее к себе, обнял и посмотрел красноречиво: - Пойдем разожжем огонь в спальней.

- В каком смысле? - шепотом спросила Лиза, ну просто тая и растекаясь в его объятиях под этим взглядом.

- Во всех, - хмыкнул Протасов и перешел на сексуальный шепот: - Начнем с камина...

Но камином они закончили, а начали совсем с другого огня, как только добрались до комнаты и упали на кровать.

На этот раз они не спешили и целовались и плавились в долгих ласках - то нежных, как шелк, касаниях, то в страстных, на пределе переносимости и сознания поцелуях, и соединились, когда оба уже изнемогали, от желания терять сознание.

И это было потрясающе так, как только получилось и могло быть у них, только у них!

Камин они все же разожгли и долго лежали, обнявшись, молча смотрели на огонь и, не отрывая взгляда от него, медленно-медленно, очень нежно соединились...

Глеб проснулся, как от толчка - в один момент! И резко сел на кровати, не понимая, что его разбудило, и вообще еще ничего не понимая, не соображая. И увидел рядом Лизу...

От неожиданности он втянул в себя с шумом воздух и перестал дышать на какое-то время. Громко засвистела, защебетала птица за окном, и Глеб с шумом выдохнул - вот кто его разбудил! Не птица, а прямо свисток боцмана какой-то! Только-только занималось утро, которое и приветствовал этот свистун.

И в этот момент ярко, мощно и красочно на него накатили, как волной штормовой, воспоминания вчерашней ночи. Он лег на бок, подперев голову рукой, и принялся рассматривать спящую девушку.

Темные волосы ее разметались по подушке, оставив мелкие пушистые завитушки-локоны вокруг личика, правая маленькая стопа, красуясь розовой пяточкой, выглядывала из-под одеяла, и одна прекрасная грудь осталась неприкрытой. От нее пахло их любовью и ее индивидуальным тонким неповторимым ароматом. Она спала совершенно безмятежно, как уставшая богиня любви, и улыбалась во сне.

Протасов смотрел на нее и не мог поверить в реальность этого видения и всего того, что было у них, и того, что произошло с ним за последние двое суток.

После смерти Алисы у него не было женщины. Не потому, что он не хотел или отрекся совсем уж от жизни, но знакомые женщины смотрели на него с состраданием излишним и все норовили пожалеть, а женщина, с которой он познакомился случайно, принялась настойчиво расспрашивать про седину и допытываться, из-за какого горя он такой печальный.

Ни с кем обсуждать свои переживания он не собирался даже за секс. Может, еще и поэтому сбежал сюда.

Вчера, когда он позвал Лизу, он не то что не думал про возможность интимной близости с ней, он и в разуме намека такого не держал!

Нет, разумеется, когда Кирилл ее привез и она внезапно для Глеба вышла из машины, его так чувствительно тряхнуло и обдало жаром, напомнив, что он испытывал, держа ее в объятиях во время танца, что всколыхнулось, встрепенулось все мужское, сдерживаемое уж сколько времени. Все-таки он здоровый нормальный мужик, пусть и сильно сдвинувшийся на горе. И даже потом, когда она кричала на него, отчитывая, и была в этот момент такая неистовая, красивая, он испытывал притяжение к ней – особенно в тот момент!

Но позвал он ее именно поговорить. Чтобы она растолковала ему этот его сон и рассказала про церковь, и что она там еще говорила про неуспокоенные души, и доходчиво объяснила все, что наговорила тогда.

Но она сделала больше! Как? Каким образом она смогла внедриться в его сознание так, что он рассказал ей всю жизнь своей дочери? Как?

Даже не ей, а себе самому! И, вспоминая, рассказывая, чувствовал, как оживает что-то внутри, светлеет душа, словно его внутри омывало родниковой целебной водой.

А потом... Разом накрыло их обоих!

У Протасова было много женщин, разных. И много разного секса – одна великолепная, неподражаемая Флоренсия чего стоит! Но никогда он не испытывал ничего и близко подобного тому, что пережил сегодняшней ночью с этой девочкой!

И даже дело не в самом физическом акте, хотя и он был совершенно потрясающий и уникальный, – даже теряя разум от страсти, Глеб где-то на краю сознания все время помнил, что она маленькая, и пытался ее оберегать. И это придавало невероятной чувственной и неповторимой изысканности их соединению, однако было и какое-то мощное единение другого порядка, душевное, что ли, словно они слышали, чувствовали и понимали друг друга без слов, что-то, что он не мог бы сформулировать, уловить – и это потрясло его до глубины души.

Такого опыта он никогда не переживал в своей жизни.

И теперь просто не знал, что с этим делать. И что делать с Лизой, не знал. Менять свою жизнь Протасов не собирался, его вполне устраивал этот глухой медвежий угол и та жизнь, которую он себе тут организовал и к которой уже привык.

Он осторожно, чтобы не разбудить ее, выбрался из кровати, постоял, посмотрел на эту Спящую красавицу. Не удержался, кончиками пальцев дотронулся до розового соска, наклонился, поцеловал совсем легонько в губы и стремительно вышел из комнаты.

Лиза проснулась оттого, что солнце добралось до ее ушка, чувствительно его нагрело и переместилось на веки. Она потянулась с удовольствием, открыла глаза и обнаружила, что одна в кровати и, соответственно, в комнате.

– Доброе утро! – пришлось здороваться с самой собой.

За одной из дверей в комнате обнаружилась вполне себе современная ванная, совмещенная с санузлом.

А приняв душ и выйдя из ванной, она обнаружила свою сумку у кровати на полу и разулыбалась такой милой заботе Протасова.

По дороге в кухню и в самой кухне Лиза никого не встретила, а посредством беглого осмотра и призыва:

- Эгей! Есть кто живой?

...выяснилось, что в доме она совершенно одна. Ну, собственно, и ладно! Лиза без длительных поисков обнаружила на столешнице выстроенные рядком, явно приготовленные для нее молотый кофе, турку, а открыв крышку стоявшей на плите сковородки, еще и теплые, подогретые куски вчерашнего пирога, на столе крынку с молоком, вазочку с медом, тарелку с большими кусками домашнего сыра...

- Душевное вам мерси! - поблагодарила она тех, кто позаботился о ней, и приступила к варке кофе.

А когда мыла за собой посуду, в кухню вошли Глеб с Николаем, экипированные несколько экзотично на ее взгляд, но вполне объяснимо, как оказалось:

- А мы с уловом! - похвастался Коля, поднимая в обеих руках двух здоровенных карпов.

- Ого! - восхитилась Лиза. - Откуда красота такая?

- У нас тут недалеко, километров тридцать, есть большое озеро, в котором разводят рыбу хозяйственные ребята, организовавшие бизнес на рыбалке, вот ездим, ловим иногда, - объяснил Протасов.

А Лиза слушала, смотрела на него, улыбалась и думала:

«Подойдет, поцелует, обнимет? Или все - ночь прошла, погасли свечи? Или при Коле не станет афишировать изменение в наших отношениях?»

Ответа не получила. Одна из рыбин вдруг резко изогнулась и дернулась.

- Ах, ты ж! - закричал весело Николай, но рыбину не удержал, и она хлопнулась на пол и начала биться, а Протасов принялся ее ловить.

Лиза расхохоталась, - так уморительно это выглядело. В кухню влетела Верочка и кинулась помогать Глебу. Но рыбка так просто врагу сдаваться не собиралась. Тут проснулась и ее сестрица в руке у Коли и тоже принялась извиваться, а он пытался ее схватить двумя руками, и у всех у них были такие уморительные выражения лиц.

И получилась куча мала!

У Лизы от смеха даже слезы брызнули, но она сообразила достать из кармана джинсов смартфон и снимать эту комедию положений, сквозь смех комментируя происходящее.

Наконец рыбин поймали, сгрузили в большой короб мойки, и вся троица вздохнула с облегчением. А Лиза, закончив «репортаж» с места событий, убрала телефон в карман и бодро заявила:

- Я очень люблю рыбу, особенно свежую!

Верочка пообещала как-то по-особому приготовить двух речных красавиц, мужчины попросили кофе и перекусить, и пока они перекусывали, а Лиза пила за компанию с ними вторую чашку кофе, она вытаскала из Протасова обещание показать ей все свое хозяйство «вот прямо сейчас, как только допью».

- С чего предпочитаешь начать осмотр? - спросил он, когда они с Лизой вышли из дома.

- С бани, - твердо заявила она и пояснила: - Кирюха мне уши прожужжал, какая у тебя баня необыкновенная, и нахваливал страшно.

- Ну с бани, так с бани, - согласился Глеб и повел ее по дорожке через участок.

- Рассказывай, чем она такая уникальная, твоя баня, - потребовала Лиза.

- Автономностью, как и все у нас тут на хуторе есть, - сказал он.

- А-а...?

- Сейчас покажу, - перебил он, распахивая перед ней дверь даже не бани, а, пожалуй, банного комплекса. - Прощу.

Большую часть научно-популярной лекции об устройстве этого современного банного комплекса Лиза запомнила смутно, ибо, как только они вошли, Глеб обнял ее, поднял, оторвав от пола, и поцеловал ну очень сексуально и многообещающе, а после посмотрел в глаза и спросил:

- Как ты себя чувствуешь?

- Волшебно, - прошептала Лиза.

- Ничего не болит после вчерашнего, я не перестарался?

- Даже если болело, ты только что провел серьезную анестезию и можно смело все начинать сначала.

- Я уже старенький, - усмехнулся он, - и такое «все», которое было ночью, могу и не потянуть вот так сразу.

- Проверим экспериментальным путем? - предложила язвительно Лизавета.

- Чуть позже, - пообещал Протасов, поставил ее на место, одернул на ней одежду и перешел на деловой тон: - Ну что ж, продолжим.

Он показал ей, как и обещал, все свое хозяйство, и Лиза была так поражена и удивлена, что постоянно восхищалась и задавала массу вопросов, и не уставала повторять, что он гений какой-то, и Протасов плавился от тепла и светлой радости, и от присутствия этой женщины рядом, и даже несколько красовался перед ней, демонстрируя свои достижения, и глубоко поражался себе, так неожиданно ожившему, почувствовавшему вновь вкус жизни. Пусть и не до конца.

В конюшнях Лиза «зависла».

- Боже! - восхитилась она, увидев Зорьку. - Какая она красавица!

- Не перехвалите, - пробурчал Витяй, тут же оказавшийся рядом, но не смог скрыть явного довольства и гордости, словно нахваливали его ребенка. - Она хоть и смиренная девочка, но с норовом, с характером!

- А можно ее погладить? - сияя глазами от восторга, спросила Лиза.

- Так а чо ж, можно, - подошел он ближе и подхватил лошадку под уздцы, - а вот еще ежли б ей яблочка, так она б довольна была. Ну и Малышу, а как же.

Лиза было сорвалась бежать в дом за яблоками, но Глеб успел ее вовремя остановить, ухватив за локоть, и достал из карманов куртки четыре краснобоких, чуть подвядших уже яблока:

- Я же знал, куда мы идем, - усмехнулся он.

Больше получаса Лиза охала, ахала над лошадами, гладила, кормила яблоками, нахваливала и расспрашивала про них Витяя, чем покорила его бесповоротно и окончательно.

- Ты никогда раньше не видела так близко лошадей? - спросил Глеб, когда они неспешно вышли из конюшен и направились прогулочным шагом к дому.

- Никогда! И подумать не могла, что они такие притягательные! - делилась восторгом Лиза. - Слушай, а какой колоритный типаж этот твой Витяй! И обожает лошадей, и общается с ними, как с людьми, удивительно. Где ты его нашел?

- Это не я его, а он нас нашел, - усмехнулся Протасов, - да еще как! Это как раз та самая история, случившаяся после отъезда бывших хозяев, что я тебе не рассказывал.

- Ну вот, самое время! - потребовала Лиза.

...А начать эту историю, пожалуй, следует с рассказа о жизни Витяя. С самого детства у мальчика Вити проявились необыкновенные способности в обращении с лошадьми. Ему повезло родиться с таким даром в деревне, а не где-то в городских джунглях, это во-первых, а во-вторых, деревня эта входила в состав тогда еще колхоза, в хозяйстве которого имелись конюшни. Вот там он и пропадал сутками. Витя даже направление от колхоза получил на учебу в сельскохозяйственный техникум, проучился там целых два года и бросил. А что они могут ему такого еще рассказать про лошадей, чего он про них не знает и не понимает?

Ну, а раз бросил - в армию. Но и тут повезло - председатель колхоза написал парню рекомендацию для военкомата, в которой обстоятельно изложил суть его дарования, и направили Витю в специальную конную часть, прикрепив конюхом к лошадкам.

Вернулся он из армии - и прямиком в родную деревню, в конюшню. И все в его жизни было замечательно, и по душе и по сердцу, о нем молва шла по всей округе и дальше. Даже ветеринары из других хозяйств приезжали к нему за советом, прознав о таком уникальном конюхе, который, говорят, с лошадьми и разговаривать может, и они его понимают и отвечают.

Так бы и текла жизнь в полной гармонии, да только случилась в России перестройка, и началась революция, и, как водится, нищета с разрухой после нее.

Колхоз разорился, лошадок распродали, пытался Витя где-нибудь пристроиться, помотался по всем районам, да там такая же картина. Вернулся домой, попробовал к другому какому делу приладиться, но ничего толком у него не получалось. Да и душа не лежала. Женой-детьми не обзавелся, так бобылем с матерью жил, да от тоски, понятное дело, и запил.

Был он пьяницей не буйным, куража не любил – переберет, поплачет по лошадам своим, всех по именам помнил, расскажет сам себе про каждую да и спать ляжет. Но, бывало, пил по черному, до помутнения.

А тут вдруг на хуторе новые хозяева объявились да лошадей завезли! Ох, вот уж он обрадовался! Два дня не пил, помылся, в нарядное оделся, да и пошел наниматься на работу! Да только погнали его – не нужен, говорят, такой конюх, своих имеем.

Так и смотрел Витяй на их коней издали и слезой умывался. Подходить решался, когда на выгул в поле они выезжали, гладил, разговаривал, даже копыта смотрел. Его прогоняли, а он ворчал:

- Не будет толку от таких хозяев. Про коня ничего не знают, да и конюхов нерадивых держат.

А кому знать, как не ему. Как пророчил, так и случилось – никакого бизнеса и толка в разведении породистых лошадей у них не получилось.

Тут надо заметить, что есть такая категория людей, слава богу, малочисленная, которые мнят себя специалистами во множестве областей жизни. О чем ни заведи речь – все знают, во всем разбираются. Интернета начитаются, совета чьего-нибудь наслушаются, и вот уже смотри – специалист! А как до дела доходит, то всё «чьи-то козни» мешают, и гробится задумка на корню.

А у этих еще и деньги имелись на то, чтобы потешить себя очередным провальным проектом.

Ну да не суть.

Финансовые проблемы у них начались быстро, а вот продать добро свое они долго не могли – так и распродавали по лошадке в другие хозяйства, где люди с головой и делом дружили.

Когда Протасов подъехал к хутору заселяться, то с удивлением обнаружил возле ворот толпу митингующих селян.

- Что за собрание? – спросил Протасов, выйдя из машины.

- Да вот Витяй, алкаш такой! – выступила вперед здоровая, крепкая бабонька лет за пятьдесят. – Стащил у меня полмешка овса да и сюда побег, и в какой-то лаз в заборе пробрался, и там и спрятался, достать не можем!

- И зачем ему ваше добро? – поинтересовался Глеб, вытаскивая из бардачка машины связку ключей и подходя к воротам.

- А кто ж его, алкаша, знает! – возмущалась женщина и тут же попыталась восстановить относительную справедливость: – Нет, он у нас мужичок тихий, не из драчливых, никогда вреда аль ущерба не наносил. И уж не крал ничего ни у кого ни разу.

- Ну что ж, господа селяне, – отперев ворота, повернулся к людям Глеб, – я постараюсь с вашим товарищем разобраться. Как его зовут, кстати?

- Витяй. Ну, в смысле Виктор, – ответил невысокий мужичок и добавил зачем-то: – Крапивин.

- С Виктором Крапивиним, – кивнул Глеб.

И он вернулся к машине, сел за руль и медленно заехал через распахнутые ворота на участок,

явно не приглашая митингующих в гости. Но они сами, пройдя следом за его джипом до гаража, затоптались там в нерешительности. Глеб тяжело вздохнул, вышел из машины, намереваясь попросить посторонних удалиться с его частных владений, и в этот момент какая-то непонятная фигура метнулась к нему из-за угла гаража.

- Я отработаю! Только овес не забирай! - закричал странный мужичок и ухватил Глеба за рукав.

Народ дружно ахнул от неожиданности, и только Протасов остался спокойным.

- Я так полагаю, что это и есть ваш Витяй, - заметил он, внимательно разглядывая виновника сельских волнений.

Невысокий, сухонький мужик в потертом заскорузлом тулупе и валенках, совершенно неопределенного возраста - могло быть и тридцать, а могло и все шестьдесят, явно крепко закладывавший долгие годы, смотрел на него умоляющими глазами, полными муки душевной и близкими слезами.

- Помрут они с голоду, на погибель их и бросили, фашисты энти! - прокричал мужичок и заплакал.

- Так, - строго распорядился Протасов и отцепил его пальцы от рукава своей куртки. - А теперь четко и ясно докладывай: кто помрет и кто кого бросил?

Из сбивчивой нервной речи конюха удалось разобрать, что прежние хозяева оставили в конюшне запертыми лошадку и коня. У лошади сильно повреждена правая передняя нога, видимо, верхом на ней кто-то неумелый пытался взять препятствие, да не смог управиться, вот она ударилась и разбила ногу, перелома нет, но рана глубокая, лечили ее неправильно, и сейчас она совсем плоха.

А у коня что-то с внутренностями, непонятно пока, смотреть надо, так он вообще лежит, спасти срочно требуется. За лечение надо было платить, и перевозка дорого стоит. Да даже на мясо чтобы сдать, надо было заказывать транспорт и оплачивать перевозку, к тому же лошадка породистая, достаточно молодая, ее могли бы на мясо и не взять, да еще и сообщить куда следует за такое обращение с животным. Вот они их и бросили! Закрыли в денниках и уехали! Нелюди! Сволочи!

Хорошо хоть он, Витяй, как сердцем почуял, ходил тут рядышком, да услышал, как она кричит, плачет! Они ж третий день без воды и корма! Так он пробрался, напоил и за едой вот отправился.

Народ заволновался осуждением, но Протасов быстро пресек это выездное заседание сельсовета:

- Значит, сделаем так, граждане, - распорядился он. - Ветеринар в селе есть?

- Есть, есть! - опередил всех Витяй, наполняясь надеждой. - Неплохой ветеринар, еще старой школы, Павел Николаевич.

- Очень хорошо, - кивнул Глеб, и вот тут-то он острым, наметанным глазом руководителя и выцепил из толпы Колю и обратился к нему: - Вы водить машину умеете?

- Умею, - кивнул тот.

- Вот вам ключи, - он протянул брелок с ключами мужику. - Берите мою машину и привезите сюда ветеринара, прямо к конюшням и подъезжайте. И пусть возьмет все необходимое, - он повернулся к людям, достал портмоне и поинтересовался у пострадавшей гражданки, сколько стоит этот мешок зерна.

- Так что ж я, нелюдь какой? - возмутилась женщина. - Раз там лошадки с голоду помирают, так что ж...

- Вот, - отсчитав несколько купюр, протянул он ей, - берите, этого хватит?

- Та конечно ж! - осталась при своем интересе гражданочка.

Людей он выставил, ветеринара дождался, и выяснилось, что лошадки очень плохи, обе. Совершенно неумелый уход, человеческая тупость и какое-то беспредельное бессердечие. Чтобы не дать погибнуть животным, пришлось с ними заниматься всю ночь. Вот Глеб, Павел Николаевич, Витяй и добровольный помощник Коля и провозились с ними. Спасая.

На следующее утро Витяй высказал Протасову две просьбы, предварительно выяснив:

- Ты, Максимыч, от лошадок-то избавляться не будешь?

- Сначала их надо выводить, а там посмотрим.

- Я выхожу! Ты только дозвожь мне при них остаться, я не в ущерб тебе обойдусь, маманя мне еду носить станет, - смотрел беспокойно он в глаза Протасову.

- Зачем же маманя, - покачал головой Глеб. - Оставайся, конечно, только пить у меня нельзя.

- Не, это теперь не про меня, - пообещал Витяй. - Ты вот еще что, Глеб Максимыч, - и замаялся перед просьбой, переступил с ноги на ногу. - Мне бы, что ли, баньку истопить. Помыться надо, чтобы дух водочный ушел, а то не любят лошади алкоголя, не признают за своего.

Вместо бани отправил его Протасов в собственную ванную. Где Витяй долго и старательно намылся, а Коле пришлось снова съездить в село и привезти для него из дома чистое белье и одежду.

Глеб же задал некоторые вопросы Коле и, узнав, что он с женой здесь работали и как их вчера ночью-то выгнали, тут же предложил приступить к работе у него.

- Вот так, - закончил рассказ Протасов, когда они вошли в дом.

- Это те самые лошадки? - спросила Лиза, покоренная его рассказом.

- Те самые, - помог он ей снять куртку. - Зорька сильно болела. Теперь прихрамывает, у нее воспаление надкостницы было, так запустили рану, но Витяй выходил, как с детьми с ними возился. Вообще-то ее зовут Заринда какая-то там какая, но Витяй сразу стал называть ее Зорькой, ну и мы за ним. А Малыш и был Малышом, он не породистый.

- А что с ним случилось?

- Отравился сорной травой, сено ему некачественное, плохое дали, а у лошадей очень нежные желудки.

- Чайку? - встретила их в кухне вопросом Вера.

- Как раз хотели попросить, - кивнул Глеб, - замерзли гулять.

Они с Лизой расположились за столом, уже накрытым к чаю.

- И ты решил их у себя оставить? - замороженная историей, продолжала расспрашивать Лиза.

- Кого? - усмехнулся он.

- Всех! - рассмеялась она.

- А куда ж я от них денусь? - наигранно тяжело вздохнул Протасов.

- А что, бывшие хозяева не потребовали добро назад?

- Когда я им дозвонился и объяснил, во сколько им обойдется тот «сюрприз», что они мне оставили, если ими займутся мои адвокаты, они быстренько, через два дня уже, прислали мне все документы на лошадей и дарственные на них. Так я и стал владельцем кобылы и коня. Знаешь, пока Малыш еще мог стоять и двигаться, он все пытался помочь Зорьке и разбить перегородку копытами. А когда только-только встал на ноги, то сразу к ней потянулся, просился, ну, мы его к ней пустили, а он ее гладит головой, подбадривает, и все бок свой подставляет, чтобы оперлась, и ей легче стоять было, а у самого ноги от слабости подкашиваются.

Он замолчал, а Лиза, пораженная этим рассказом, смотрела на него и думала: значит, не совсем он от всего мира отгородился, как казалось Кириллу и всем остальным, спасался тут душой, отогревался вот такими моментами, людьми этими удивительными.

- А что сейчас эти лошади делают, какое-то занятие у них есть? - спросила она.

- А то как же, - кивнул Глеб, доливая себе из чайника чаю в чашку. - Малыш возит телегу, а зимой сани и до села, и дальше бывает, и по хозяйским делам. Зимой тут частенько только на санях и можно проехать. И селянам даем напрокат, если им понадобится, и Зорька, бывает, гужевым транспортом работает. Правда, она эстетка, предпочитает детишек местных катать да по полям и лугам выгуливаться.

- А Витяй не пьет?

- Нет. Категорически. И не курит. Говорит, что Зорька с Малышом ему жизнь вернули, и мечтает о жеребенке. Но ветеринар нас отговаривает скрещивать Малыша и Зорьку, это испортит ее породу навсегда. Но порода - это последнее, что нас тут всех волнует, - и другим, деловым тоном спросил: - Ну что, закончим экскурсию осмотром дома?

- С удовольствием! - выказала готовность Лиза.

Дом удивил ее еще больше, хотя ей казалось, что больше уже некуда. Талант Протасова не мог просто исчезнуть и требовал постоянной реализации, в результате чего этот дом, да и все его хозяйство, стали абсолютно автономными и практически экологически чистыми.

Электроэнергию производили солнечные батареи, которыми густо были увешаны все крыши, и еще несколько блоков панелей стояли на высоких столбах. Имелся какой-то там загогулистый механизм переработки отходов жизнедеятельности людей и животных, дававший на выходе, во-первых, большое количество тепла, во-вторых, газ, а в-третьих, удобрение для теплиц, сада и огорода.

Вода на хуторе добывалась из скважины и проходила специальную обработку, в результате чего Протасов получал так называемую «живую воду» для пищи и просто структурированную чистую воду для технических нужд. Теплица пристроена к дому в виде застекленного зимнего сада, и тоже не простая, а какая-то сильно модернизированная: гидропоника всякая, какой-то замкнутый цикл чего-то, понятный только Протасову и таким же инженерам, но свежую зелень и кое-какие овощи они выращивали круглый год, даже лимоны свои выращивали и много еще чего.

По настоянию Веры завели несколько курочек, пару петухов, гусей-уток. Еще прибилась к их «ковчегу» дикая драная кошка, неизвестно откуда пришедшая, назвали ее Лишайка из-за проплешин на боках от выдранных в боях за жизнь клоков шерсти, обосновавшаяся в конюшне, – вот и вся живность.

В саду росли яблони, груши, сливы, летом в огороде выращивали все овощи и ягоды, этим Вера руководила и занималась. Урожаи получали большие. Так что хватало и их с Колей семье, и родным Глеба в Москву отправляли. Выращивали бобовые разные понемногу, овес для лошадей, а пшеницу и рожь покупали в агрофирме. Протасов соорудил мельничку небольшую, сами делали муку и пекли хлеб, настоящий, на закваске, по старинным рецептам проращивая, а потом высушивая зерна.

Одним словом – случись апокалипсис, на этом островке всегда будет вода, еда, тепло и электричество.

Понятное дело, имела эта «автономная лодка» контакты с ближним и дальним миром. Раз в неделю та самая тетка, у которой когда-то Витяй спер полмешка овса и звали которую Степановна, приезжала из села с племянницей на древнем тарахтящем мотоцикле с коляской, и они помогали Верочке навести порядок в доме.

А главный инженер агрофирмы, в которую теперь входило село, прознав, кто Протасов по специальности и кем раньше работал, призывал его на помощь, когда что-то с оборудованием или механизмами не ладилось. С особым уважением и всегда приезжая лично, чтобы пригласить. Глеб не отказывался, но и большой радости не выказывал. Ну а дальний мир, московский – друзья и родители Глеба, – приезжал сам.

«Экскурсию» они закончили в просторной комнате мансарды на третьем этаже, где из большого окна открывалась потрясающей красоты и широты панорама. Слава богу, этого помещения не коснулось поднадоевшее уже средневековое, и Глеб сделал из нее нечто вроде места для созерцания и расслабления: низкая восточного типа лежанка с кучей разнокалиберных подушек, два кресла-подушки у окна. А в другой половине комнаты находились книжные стеллажи под потолок, пара кресел, небольшой круглый столик, кушетка и телевизор на стене.

Они почему-то оба долго молчали, смотрели в окно на поля и леса до горизонта. Лиза была потрясена всем, что увидела, и всем, что рассказал ей Глеб, и переживала странное ощущение: восхищение этим мужчиной, силой его таланта, и какую-то тяжелую грусть оттого, что он отрекается сам от себя.

А Протасов переживал удивление, близкое к потрясению, от понимания, что рассказал ей так много про себя и так много открыл того, что и в прошлой жизни, до смерти дочери, никому не открывал, и испытывал от этого некое опустошение и какой-то душевный дискомфорт.

И эти их мысли, переживания, непонятно каким вдруг образом создали некую взаимную

неуютность и скованность, которые все ширились невидимым пузырем, почти осязаемо разъединяя их.

И Лиза, оторвавшись от созерцания пейзажа за окном, повернулась и посмотрела на Протасова, а он посмотрел на нее – и все изменилось в один момент!

Они одновременно шагнули навстречу друг другу, и Глеб подхватил ее в объятия, оторвав от пола, а она обвила его руками и ногами, и, замерев на секунду, близко-близко заглянув друг другу в глаза, они соединили губы в поцелуе, в котором растопились и испарились все сложные и надуманные переживания и барьеры между ними.

И вот они уже упали на эту прекрасную восточную лежанку, и уже летит в стороны одежда, и они торопятся и что-то шепчут непонятное друг другу, и улетают куда-то в свой мир, соединившись телами. И в самый последний момент, достигнув вершины, Лиза вдруг почувствовала нечто совершенно необыкновенное, чудо какое-то запредельное... Она распахнула глаза, смотрела на склоненное над ней лицо Глеба, достигшего и своей вершины, и вдруг, словно в какой-то дымке, всего на несколько мгновений, ей показалось, что она видит прозрачный золотистый столб света, протекающий между ними и поднимающийся дальше, в пространство...

Чувства, ощущения и эмоции, которые Лиза переживала в этот момент, невозможно было бы описать и выразить никакими словами, она переживала не просто оргазм, это было... это было...

И вдруг она совершенно отчетливо и ясно поняла, что только что в ней зародилась новая жизнь.

- Ты это видел? Чувствовал? – шепотом спросила она у Глеба через несколько минут.

- Такого не чувствовал никогда, – прошептал он глухо где-то у нее над головой, не делая ни одной попытки пошевелиться.

- Ты видел это?

- Что? – спросил он, и по голосу было слышно, что улыбнулся. – Звезды перед глазами? Точно видел.

Лиза не стала больше спрашивать, она испытывала такие странные удивительные чувства и огромное смятение.

- Пошли обедать, – не двигаясь, предложил Протасов. – Вера нас наверняка заждалась. Да и карпы остынут.

- Пошли, – согласилась Лиза, решив ничего ему не рассказывать.

Обед не просто удался, а восхитил Лизу, не устававшую нахваливать великолепную рыбу и таланты кулинара. А Вера все уговаривала съесть еще и еще, мужчины поддерживали радушную хозяйку, и Лизавета, не в силах отказать, налопалась так, что еле дышала.

- Слушайте, я же двигаться не могу, а мне же ехать пора уже! – возмутилась она в конце обеда.

- Ну у тебя еще есть время передохнуть, – рассмеялся Протасов. – Спасибо, Верочка накормила от души. Очень вкусно было.

- Да пожалуйста, и с большим удовольствием, - порадовалась Вера и спросила: - Так можно собираться?

- Конечно. Но можно не торопиться.

- А куда им собираться? - поинтересовалась Лиза, когда они с Глебом вышли из кухни и поднимались вверх.

- Они с Колей отвезут тебя в Москву, а заодно навещают своих детей. Их мальчишки оба поступили в институты и живут там с бабушкой.

- А почему ты меня не отвезешь?

Он помолчал, открыл перед ней дверь в спальню, пропустил вперед, зашел следом, прикрыл дверь и только тогда ответил:

- Я не езжу в Москву.

- Почему? - став вдруг сосредоточенной, спросила Лиза.

- Я не могу там находиться. Слишком многое связано с Алисой и с теми месяцами ее болезни, - сказал он тоном, дающим понять, что тема закрыта и больше не обсуждается. И, помолчав несколько секунд, улыбнулся и предложил: - Давай полежим.

- Давай, - помолчав в свою очередь и поразглядывая внимательно выражение его лица, согласилась Лиза.

И забралась на кровать и принялась устраиваться поудобней, подкладывая под спину подушки. Глеб тоже прилег, повернувшись к ней, подпер голову рукой, подождал, пока она перестанет возиться, устроившись окончательно.

- Я хотел с тобой поговорить о том, что ты мне тогда ночью кричала, - неожиданно заявил он.

- Я не стану извиняться, Глеб, - тихо, но твердо предупредила Лиза.

- А я не жду и не хочу, чтобы ты извинялась, - покачал он головой. - Думаю, что многое из того, что ты сказала, правда. Я хотел спросить, ты на самом деле думаешь, что душа живет после смерти и что-то чувствует, и на нее могут влиять наши поступки и мысли?

- Я изучала большое количество разных материалов и научных работ на эту тему и разговаривала со священниками, и не только православными, и уверена, что это так.

- Почему ты так сильно заинтересовалась этим вопросом? - расспрашивал он. - Ты тогда сказала: «Я хорошо знаю, что такое терять младенца, родного человечка!»

- Ты помнишь все, что я тогда сказала? - почему-то вдруг сразу став закрытой и отстраненной, спросила она.

- Дословно, - подтвердил Протасов и повторил: - Каждое твое слово, каждую интонацию. Кого ты потеряла, Лиза? И кто скорбел так, что «выжженное поле вокруг себя оставил и гробил жизни родных и близких»?

Лиза молчала. Смотрела сосредоточенно на него, думала и молчала. Протасов не торопил и не задавал больше вопросов, понимал: либо она решится довериться, откроется ему, либо нет, и

тогда весь сегодняшний день он не так понял, и ее не понял, и не почувствовал по-настоящему. Ошибся. Фатально ошибся.

Она отвернулась от него, посмотрела за изножье кровати, в холодный камин на кучку золы от прогоревших ночью дров...

- Я была в секте, - ровным голосом сообщила Лиза.

- В какой секте? - обалдел Протасов, ожидавший чего угодно, только не такого заявления.

От неожиданности он сел на кровати, придвинулся к ней поближе и всмотрелся в ее лицо.

- В настоящей секте, - посмотрела на него Лиза. - В жесткой, тоталитарной, страшной секте.

- Но... - растерялся как-то Глеб, - Кирилл никогда мне не говорил об этом.

- А почему он должен был тебе говорить? Каким бы ты ему ни был близким другом, но это не его тайна, и произошла она с близкими ему людьми и задевает слишком многие аспекты их жизни. Это то, что следует скрывать.

- Почему? - недоумевал Глеб.

- Ты руководитель, я пришла наниматься к тебе на работу, и ты узнаешь, что я была в секте, ты возьмешь меня? - принялась объяснять Лиза ровным, спокойным голосом. - Даже если тебя уверят, что я там находилась недолго и потом прошла курс реабилитации, возьмешь? А если это какая-то ответственная работа, например, медицина или преподавание и так далее?

- Не возьму, - вздохнул Протасов и добавил: - Даже если должность, на которую ты претендуешь, не такая уж ответственная.

- Вот, - кивнула Лиза и замолчала на какое-то время, уставившись в холодное нутро камина.

А потом стала рассказывать таким же ровным, почти механическим голосом, не окрашенным эмоциями, каким недавно говорил и сам Протасов, каким говорят многие, когда повествуют о чем-то наболевшем, личном, измучившем и до конца не отпустившем.

...Лизонька Потапова жила в замечательной счастливой семье - с любящими папой и мамой, с бабушкой и дедом и прекрасным летним временем в их доме; а когда ей было шесть лет, у нее появился младший братик Павлуша. Его так все ждали, готовились, Лиза разговаривала с братиком еще у мамы в животике, и когда он родился, все были очень, ну очень счастливы!

Павлуша рос таким здоровеньким и замечательным мальчиком - плакал мало и давал маме с папой спать по ночам, и еще он постоянно улыбался, когда Лиза подходила к его кроватке. Она очень любила Павлушу и играла с ним, и могла поменять памперс, и держать его на руках, когда сидела. Потом он начал ползать, и Лиза играла с ним часами, ползая рядом на полу.

Он так звонко хохотал и хватался своими пальчиками за ее пальцы, и грыз все подряд, когда у него начали резаться зубки. И так смотрел на нее иногда внимательно, и обнимал своими ручонками, и целовал, и Лиза любила целовать его в пухлые нежные щечки.

Павлуша был такой замечательный братик, и она очень, очень его любила. Но вскоре проводить с ним так много времени, как раньше, уже не могла, в жизни Лизы настал важный момент - она пошла в школу, в первый класс!

Ей очень нравилось в школе – все! И учителя, и парты, за которыми надо было сидеть, и уроки, и красивая форма, и новые ребята, с которыми теперь они стали одноклассниками. Лизонька утром первой вскакивала от звонка будильника и бежала к родителям будить и поторапливать собираться, чтобы не опоздать в школу.

Но продлилась ее учеба недолго – чуть больше двух недель.

Однажды утром Лиза проснулась оттого, что кто-то дико, страшно кричал! Так ужасно кричал и выл, что Лизонька перепугалась насмерть и принялась плакать, и ей хотелось забраться под кровать и спрятаться там от этого жуткого крика, переходящего в страшный вой. Она даже немножко описалась от страха и оттого, что пора было идти утром писать. И тогда она решила, что все-таки надо идти в туалет, и вышла из своей комнатки.

Из спальни родителей и доносился этот страшный звук, и Лиза решила, что с ними там случился ужас ужасный, и побежала их спасать.

- Мама! Папа! – кричала Лиза, забегая к ним в комнату.

Но тут ее перехватил папа, поднял на руки, прижал к себе и вынес из спальни, и из-за его плеча Лиза увидела, как сидит на кровати мама в ночной рубашке с всклокоченными волосами, держит на руках Павлушу, раскачивается из стороны в сторону и воеет чужим, незнакомым, ужасным голосом.

- Папа, а что с мамой, почему она так кричит? – шепотом спросила Лиза.

- Павлуша заболел, и она сильно расстроилась, – сказал папа и объяснил еще кое-что: – Ты пока в школу не пойдешь. Сходи в туалет, умойся и оденься. И посиди пока в своей комнате, не выходи, ладно, Лизонька? – попросил папа, а Лиза кивнула. – Я тебе туда еду принесу.

Папа подождал, пока она сходит в туалет, почистит зубки и умоется, отвел ее за ручку в детскую и ушел. Мама уже так страшно не кричала, но все время что-то говорила одним и тем же голосом, громко. Лиза пугалась очень этого ее голоса. Пришел папа, но завтрак ей не принес, а привел с собой их соседку, тетю Зою, которая увела Лизу к себе и там накормила завтраком и напоила вкусным чаем. Она смотрела на нее, пока она ела, качая все время головой, плакала и вытирала платочком слезы. А после обеда приехала тетя Валя, забрала Лизу и увезла к ним домой.

- Теть Валь, – спросила у нее Лиза, – а что случилось с Павликом?

- Его увезли в больницу, – ответила тетя, всхлипнула и отвернулась, потом повернулась и сказала: – Ты пока поживешь у нас.

- Я не хочу, – покрутила головой Лиза. – Мне в школу надо, и я к маме хочу.

- К маме пока нельзя. Она тоже заболела, – тяжело вздохнула тетя.

В школу Лиза не ходила еще три дня и папу с мамой не видела. Зато приехали бабушка с дедом и тоже остались жить у дяди Андрея и тети Вали. А через три дня, на четвертый, бабушка одела Лизу в какое-то новое темное платье, и они все – и тетя Валя, и дядя Андрей, и ее двоюродный брат Кирюша, и бабушка с дедушкой – куда-то поехали и приехали на кладбище. Лиза знала, что такое кладбище – на нем были похоронены мамины родители, и они ездили их навещать на могилку. Так говорили взрослые: «навещать», поэтому Лиза и спросила у бабушки:

- А мы приехали кого-то навещать?
- Нет, детка, – погладила ее по головке бабуля, и по щеке у нее потекла слеза. – Мы приехали хоронить Павлика. Он умер.
- Как умер? – не поняла Лиза. – Что, его больше не будет, как маминых родителей?
- Да, детка. Как маминых родителей, – кивнула бабушка Ася.
- Бабушка, но он же маленький, его не может не быть! – не понимала Лиза.
- Иногда и маленькие детки умирают, – сказала бабуля и заплакала совсем.
- И у меня что, не будет больше Павлика? – испугалась тут Лизонька.

А бабушка не ответила, закрыла глаза платочком и плакала. А потом Лизу подвели к маленькому гробику, и она последний раз увидела своего братика. Он как будто спал и был такой же замечательный, как и всегда, и она ничего не понимала, но ее кто-то увел в сторонку, и больше она ничего не видела, только слышала, как снова страшно кричит мама. А Лизу бабушка опять отвезла к дяде Андрею.

На следующий день Лиза вернулась к себе, и с ней в комнате стала жить бабушка, для нее даже кровать большую поставили там, а дедушка остался у дяди Андрея, и почему-то они уезжать пока не собирались.

Бабушка каждый день водила Лизу в школу, а забирали ее из школы они вместе с дедушкой, шли домой, и бабушка кормила их обедом, и относила обед в комнату родителей, и кормила там маму, которая оттуда не выходила. Потом они делали уроки и шли гулять, а вечером возвращались, приходил папа, они ужинали вчетвером, папа уходил в комнату к маме, а дедушка уезжал домой к дяде Андрею с тетей Валей и Кириллом.

Так продолжалось несколько недель. С Лизой ни папа, ни мама не разговаривали почти, только папа каждый день гладил ее по головке, целовал в макушку, снова гладил, вздыхал и обещал, что все скоро наладится. Но потом мама начала выходить из своей комнаты и обедала вместе со всеми. А как-то раз и сама ужин приготовила. Только она не разговаривала ни с кем. Ну так, здоровалась, кивала, говорила «да» или «нет», а больше ничего не говорила.

Лиза очень скучала по Павлику и все время жаловалась бабушке и плакала, когда поняла, что братика больше не будет с ней. Но бабушка сказала, что это не мешает Лизе любить его, а значит, он всегда с ней. И Лиза написала ему письмо и спрятала его в свою специальную шкатулку для секретов, которую давным-давно подарила ей бабушка.

Однажды за ней в школу пришла мама и забрала прямо с урока, и они сели в какую-то машину и куда-то поехали.

- Мама, а куда мы едем? – спросила Лиза.

Мама долго молчала, а потом сказала:

- Туда, где нас спасут.
- А от чего нас надо спасать? – уточнила Лиза.
- От всего, – строго ответила мама.

Больше мама с ней не разговаривала, они приехали в какой-то дом, где Лизу сразу увели от мамы в комнату, где были и другие дети. Ей дали большую кружку молока и кусок горячего белого хлеба. Лиза выпила молоко, хоть оно и оказалось каким-то горьким, и съела хлеб, потому что была голодной.

И Лизонька заснула, и видела долгий-долгий, очень долгий живой сон, в котором она спала, положив голову на колени маме, и та гладила и гладила ее по голове, и было от этого так хорошо и тепло, и поезд стучал колесами и раскачивался. Она просыпалась, что-то ела, пила горячий чай с травами и снова засыпала, а поезд все качался и качался. И Лиза просыпалась, а уже раскачивался автобус, и она пила вкусный горячий чай из термоса и ела пирожки с капустой, и снова спала на коленях у мамы...

По-настоящему Лизонька проснулась, когда ее кто-то тормозил за плечо. Она открыла глаза и увидела строгую старую тетю в белом платке на голове и в странной серой, длинной до пола одежде.

- Вставай, детка, на молитву пора.

- А где мама? - спросила девочка.

- Вы увидите, - ответила что-то непонятное женщина и распорядилась, протягивая Лизоньке такую же, как на ней, серую одежду, но только маленькую: - Одевайся вот в это и иди со всеми, там тебе скажут, что делать.

И только тут Лиза увидела, что находится в большой комнате, в которой вдоль стен построены такие деревянные возвышения, как одна длинная-предлинная кровать, и на них лежит много-много матрасов с подушками. И другие ребята встают с этих матрасов и одеваются и не разговаривают. Вообще ни словечка не произносят. И странные какие-то это все ребята - медленно так двигаются, одеваются еле-еле.

Но обдумать все эти странности ей не дали, какая-то старшая девочка взяла ее за руку, повела за собой и привела в другую большую комнату. Здесь было красиво - стены увешаны красной переливчатой тканью, вдоль стен - много цветов в больших горшках, в дальнем конце сцена, там тоже все в ткани, но уже в желтой, а на ней солнце нарисовано и небо, и микрофон стоит. Все ребята, одинаково одетые в одну и ту же странную одежду - серый балахон с рукавами до пола - выстроились рядами друг за другом. Лиза оказалась с краю у какого-то большого цветка.

Тут между рядов начали ходить взрослые и что-то раздавать, к ней тоже подошла какая-то тетя и сунула в руки стаканчик, проговорив скороговоркой:

- Утреннее причастие, во славу Светлого Нашего! - а потом присмотрелась повнимательней к девочке и пояснила: - Ты новенькая? Это витамины для здоровья. Это надо обязательно выпить, когда скажут, поняла?

Лиза кивнула, что поняла. Ну, что выпить, а все остальное она не поняла. И тут зазвучала красивая музыка, и на сцену к микрофону вышел бородатый мужчина, одетый тоже в балахон, но только белый. У него за спиной выстроились три женщины в синих балахонах и двое здоровущих мужчин по бокам в серых балахонах.

- Дети мои! - нараспев сказал он в микрофон и поднял руки вверх. - Возблагодарим Светлого Нашего за щедрую жизнь, что дарует он нам, и примем же дар жизни его!

- Не пей это, - кто-то сзади зашептал Лизе совсем близко, аж ушку стало жарко. - Когда все станут пить, быстро вылей в цветок, но так, чтобы никто не увидел, и делай вид, что пьешь, как все. Поняла?

Лиза кивнула. И тут все одновременно начали пить из своих стаканчиков, Лиза крутнула быстренько ручкой, выплескивая содержимое в цветок, и приложила стаканчик к губам, как и сказали. Потом этот дядечка на сцене начал что-то долго говорить под музыку, иногда повышая голос, и очень громко, иногда понижая, совсем тихо, но ничего из того, что он говорил, Лиза не понимала.

- Когда будешь выходить, - снова горячо зашептал ей на ухо какой-то мальчик, она уже догадалась по голосу, что это мальчик, - ничего не говори, ни о чем не спрашивай, не улыбайся и не плачь. Молчи и смотри, как ведут себя остальные, и делай так же. Я потом тебе все объясню. Поняла?

И Лиза снова кивнула.

Лиза присмотрелась к другим деткам, когда дядечка перестал говорить и все стали выходить из комнаты, и поняла, что детки ведут себя как-то не так, как ведут себя обычно дети. Кто-то улыбается не переставая, кто-то словно вообще ничего не замечает вокруг, но все молчат, не бегут, не шумят и не толкаются, ходят медленно, как будто спят. У нее забрали стаканчик, кто-то поднял ее голову рукой за подбородок, внимательно посмотрел ей в лицо и похвалил:

- Вот и молодец. - И погладил по головке.

Дети пришли в другую большую комнату с длинными столами, где им раздали завтрак - кусок хлеба с сыром и стакан молока. Все очень быстро поели и снова куда-то пошли строем, и оказались в большой прихожей, где стали надевать на себя обувь, курточки, шапки и выходить на улицу. Лизе какая-то женщина протянула такую же одежду, и она, как и все, оделась и вышла за дверь. И сильно удивилась.

Оказалось, что они где-то в совсем неизвестном месте находятся: вокруг дикие поля с островками лесов, а они выходили из большого дома, и их вели на огород - много, много рядов грядок. Лизе дали перчатки, подвели к одной из грядок и объяснили, что надо делать: мальчик тыкал лопатой в землю, отваливал ее, а Лиза должна была выбирать из земли картошку и складывать в большое ведро, что им дали. Когда ведро наполнялось, мальчик его куда-то относил и приносил пустое.

Сначала Лизе показалось это игрой, она хотела познакомиться с мальчиком, но тетя, что ходила между рядов и следила за работой детей, больно дернула ее за руку вниз, заставив сесть на корточки, и приказала:

- Никаких разговоров! Работать! Работу проверю, если найду хоть одну картофелину пропущенную, будешь наказана!

Лиза испугалась страшной тетки и опустила голову, и принялась выбирать картошку из земли. Мальчик наклонился ей помочь, и тут она услышала знакомый уже голос:

- Делай, как они говорят. И не смотри на меня. Просто выбирай картошку.

- Это ты, мальчик, сказал мне вылить сок с витаминами?

- Я сказал. Но это не витамины. Работай и слушай, что я тебе говорю. Потом все объясню.

Работали они долго, Лиза даже плакала от усталости. Но мальчик сказал ей, что нельзя плакать, накажут. Туалет был далеко, у высоченного забора, в длинном сарае с несколькими дырками, вырезанными в деревянном полу, но в него надо было отпрашиваться у присматривающих за ними тетей, которые разносили и раздавали воду несколько раз; мальчик прошептал, что это пить можно и даже нужно, и Лиза исправно пила. Два раза раздавали еду – холодную пшеничную кашу в алюминиевых мисках с тертой сырой морковкой и горячий сладкий чай с сухим печеньем. Мальчик сказал, что это можно есть и пить.

Работали они до темноты. У Лизоньки болела спинка и ручки, она хотела к маме, к папе и к бабушке с дедом, и ей было очень страшно, и хотелось плакать, но мальчик не разрешал и говорил, что ее накажут и отправят в какой-то непонятный «воспитатель».

Их снова повели в столовую, где сначала разнесли и раздали стаканчики, и одна из тех тетей в синем балахоне подняла руки вверх и стала говорить про Светлого Нашего, и все пили сок с витаминами, а Лиза почему-то выплеснула его на деревянный пол под столом и только сделала вид, что пьет. Тетя ушла, а детям дали картошку с постным маслом и квашеную капусту.

После еды они пошли спать. Лиза топталась на месте, не зная, куда ей ложиться, а все остальные дети молча раздевались и укладывались на свои места. Но тот мальчик взял ее за ручку и повел в самый угол комнаты и уложил у стенки на пустой матрас, и укрыл колючим одеялом, а сам лег рядом на другой матрас.

- Пока лежи и не засыпай, - прошептал он.

Она кивнула и старалась изо всех сил не заснуть. Прошли с проверкой женщины вдоль всей этой длинной кровати, и одна остановилась над Лизой и сказала другой:

- Новенькая в самый угол забралась.

- Да не все ли равно, - отозвалась другая.

Тети эти ушли и погасили свет. А дети все спали. Все!

Кроме Лизы и того мальчика. И он вдруг сделал очень удивительное – перелез к Лизе на матрас, накрыл их с головой двумя одеялами, включил маленький фонарик и осветил сначала ей в лицо, а потом себе.

- Я Коля, - сказал он шепотом, - мне десять лет. А ты кто?

- Лиза, - ответила она и вдруг заплакала. - Я к маме хочу!

- Тихо! - шикнул он на нее. - Плакать нельзя, Лиза. Тебе сколько лет?

- Семь.

- Ты как тут оказалась, украли?

- Нет, с мамой приехала. Коля, а где моя мама?

- В другом доме, для взрослых, если ты действительно с ней приехала. Этот дом только для детей.

- А как мне к ней попасть?

- А никак, Лиза. Я тебе кое-что расскажу. Будешь меня слушаться, выживешь.

И он рассказал, что их всех привезли неизвестно куда, но зимой здесь очень холодно. И долгая зима, он уже одну пережил. Они в секте. Что это такое, Лиза не поняла, но то, что это страшно, поняла отчетливо. «Витаминки», которыми их поят, на самом деле отравы какая-то для того, чтобы дети ни о чем не спрашивали и вообще ничего не хотели. Работают они каждый день очень много - весной обрабатывают поля и грядки, сажают. Летом пропалывают поле и в огороде сажают, а осенью собирают, а еще заготавливают много чего на зиму. А зимой ткани прядут, и из них шьют всякие вещи, делают изделия какие-то на продажу, очень много и тяжело.

Какие-то дети болевают, - если тяжело, то их увозят куда-то, и они больше не возвращаются, а если легко, то тут остаются и выздоравливают как-то. Врачей им нельзя, Светлый не велит. Но иногда приходят дядьки из большого дома, эти, здоровые, они охранники Великого, того, бородатого, что в белом балахоне, он тут главный. Так вот дядьки эти уводят каких-то ребят насовсем.

С мамами видаться нельзя, и проситься к ним нельзя, и вести себя, как нормальные дети, нельзя, а то поймут, что «витамин» не пьешь, и закроют в темную комнату, которую называют «воспитательной», и так им накачают, что соображать совсем перестанешь, он уже такое видел.

- А почему ты не стал его пить? - спросила Лизонька.

- А я сразу просек что к чему, как только этих детей увидел, ну и выливал с самого начала.

- И что же нам делать? - спросила самое главное Лиза.

И Коля объяснил, что вообще-то он намерен «сдрыстнуть» отсюда, то есть сбежать. Он уж и лаз в заборе сделал, и сухариков засушил, - бабы-то эти, что за ними присматривают, особо не стараются, знают, что дети пришибленные ходят, да и сами «витамин» попивают, вот он и припрятал хлеба из своего пайка и того, что другие дети не доедают, и сухари из него сделал, и в тайнике еще кой-чего нужного припрятал. Сейчас не побежит, зима уж скоро, а вот весной. Да только один он не пойдет.

- Мамка у меня здесь, вытащить надо. Без нее не уйду, пропадет она без меня. А то бы давно уж умотал.

- А как ты ее вытащишь, если с мамами и разговаривать нельзя? - подивилась Лиза.

- Да я хожу тут везде! - похвастался Коля. - Нас же спать рано укладывают, и тетки эти уходят в большой дом, где все взрослые живут, только одна дежурная тетка остается. А я через окно вылезаю и хожу по всему участку. Я так и с мамой однажды разговаривал.

- И я хочу с мамой, - захныкала Лиза.

- Нельзя пока, - сказал Коля, - потом как-нибудь, когда пообвыкнешься. Все, спи, остальное потом расскажу.

Лиза обвыкалась, как наказал Коля. Но это была страшная жизнь: работали дети целыми днями, тяжело и беспросветно. Многие болели, и их куда-то уводили, и больше они не возвращались. Еще, как и говорил Коля, приходили иногда дядьки из большого, взрослого дома и уводили кого-то из ребят. Но новых детей тоже приводили.

Молитвы у них были каждодневные, но сам Великий проводил ее один раз в неделю, по пятницам. А в остальные дни молитвы читали женщины в синих балахонах. Раз в десять дней их мыли четыре послушницы, как на конвейере – первая помогала раздеться и обливала из ведра водой, вторая намыливала всего ребенка с головы до ног, третья смывала мыло душем. А четвертая помогала вытереться и одеться в чистое – трусики и балахон, зимой в колготы и тапки. Все остальное время они работали, ели и спали.

Дети адаптируются и приспосабливаются к новым обстоятельствам жизни гораздо быстрее, чем взрослые. По многим причинам, одна из которых та, что в случае беды или трагических перемен взрослые многое теряют: деньги, власть, благополучие, социальный статус, а детям терять нечего, кроме жизни. У них и нет ничего, кроме жизни. Поэтому у детей гораздо мощнее работает программа выживания.

Лиза научилась замечательно изображать, что она такая же, как все, после «витаминки», и многое видеть, примечать и понимать. Научилась различать всех женщин, что досматривали за ними, и знала, что можно ожидать от каждой из них, и подслушивала их разговоры.

А Коля скоро стал брать ее с собой по ночам и, показав свой лаз и тайник, сказал: на всякий случай, чтобы она знала, как сбежать, и показал, в какую сторону надо бежать к людям. А однажды она увидела маму, и Коля держал ее, а Лиза рвалась к маме и плакала, плакала. Но мама была на себя не похожа – такая же, как все, в сером балахоне и белом платке.

- Коля, – спросила она его тогда ночью, – а почему меня папа бросил и дедушка с бабушкой? И не придут, не заберут меня отсюда?

- Ты что, совсем не понимаешь? – удивился ее друг. – Никто тебя не бросал. И тебя, и всех других детей их родные ищут. Но нас же прячут ото всех. Нас же специально всех далеко завезли и спрятали.

- А зачем мы им сдались, чтобы нас прятать? – спросила Лиза.

- Затем, что им надо, – пробурчал Коля, он и сам, наверное, не знал.

А потом наступила зима, и работа стала совсем тяжелой: нанизывать бусы из разных красивых бусин большой иглой на леску. Бусин было так много, что не сосчитать никогда, а иглолка колола пальчики, и болели спина и руки, и слезились глаза, но если кто-то переставал работать или засыпал, его наказывали – не давали есть, ставили в угол на колени, и он громко читал из книжки проповеди Светлого Нашего.

Однажды случилось страшное: пришли двое дядек из большого дома и увели Колю! Лиза хотела броситься, хватиться за него и не пускать, но он сделал ей знак и так посмотрел, что она поняла, что нельзя себя выдавать, и осталась такой же безучастной, как все остальные дети.

И она осталась жить здесь одна, без Коли.

Весной тоже было очень тяжело работать, и детей становилось все меньше, многие болели, и их уводили или уносили. Лиза начала вылезать по ночам, как прежде, и ходить к большому дому в надежде, что увидит маму и попросит ее уйти отсюда. А еще она проверила Колину лазейку и его тайник. Некоторые продукты за зиму отсырели и испортились, но кое-что осталось в порядке.

Однажды ночью их принялись всех будить, заставили быстро одеться, куда-то повели, посадили

в автобус, ждавший у большого взрослого дома, и повезли. Ехали они долго и остановились у какого-то дома в лесу. Всех детей завели в дом, раздали «витаминки», белые булочки и воду. «Витаминку» Лиза привычно выплеснула, а булочку съела и запила водой. В этом доме они просидели четыре дня и никуда не выходили, только в туалет во дворе по пятеро детей под присмотром тетки. И ничего не делали. «Витаминки» давали больше, и все спали, а Лиза лежала с закрытыми глазами и думала про Колю.

А потом их опять посадили в автобус и долго везли обратно. И снова все стало, как всегда: работа в полях и на огороде.

Через неделю после их возвращения все повторилось, да только Лиза в этот момент гуляла по участку, выбравшись в окошко и, спрятавшись в кустах, видела, как выводят ребят из дома. На этот раз все очень сильно, ну очень торопились, бежали бегом, и ее отсутствия никто даже и не заметил. Она сначала страшно испугалась и думала, что же ей делать, а потом увидела, как из большого дома тоже куда-то ведут бегом людей, но не всех, половину, наверное, и мамы среди них не было, она даже специально поближе подобралась, чтобы рассмотреть. Мамы точно не было.

Они все уезжали на автобусах и машинах. И кто-то бегал от большого дома к детскому, и что-то там делали, носили и выносили какие-то вещи, и вдруг на участок пришли совсем другие люди в нормальной одежде, и много. Они стали ходить по всему участку, а с ними Великий Проводник Светлого Нашего, и совсем не в своем белом шелковом балахоне, а в штанах и рубашке, и он что-то им рассказывал и показывал.

Стало совсем почти темно, и Лизе было видно все хуже, но свет над обоими домами горел, и когда эти люди проходили недалеко от поленицы, за которой она пряталась, Лизе стало слышно, о чем они говорят:

- Все, находящиеся здесь люди по собственному желанию оставили жизнь в городах и присоединились к нам в естественном желании жить в чистой природе, я уже много раз объяснял вам это... - рассказывал Великий.

И тут Лизе показалось, что среди этих других людей один дядечка похож на ее папу. Она сильно-сильно зажмурилась, открыла глаза и стала смотреть-смотреть! И этот похожий на папу дядечка вдруг повернулся и как будто посмотрел прямо на нее...

А Лиза выскочила из-за дров и побежала, и громко-громко закричала:

- Папа! Папочка!

И к ней сразу побежало много людей - два здоровых Брата, что всегда находились рядом с Великим, какие-то еще люди из тех других, обычных, и папа.

Папа прибежал первый и схватил ее на руки, и прижал к себе сильно, и тоже закричал:

- Лиза! Доченька! - отодвинул ее и принялся целовать везде-везде в лицо и в волосы, и плакал, и кричал: - Лиза!

А она кричала:

- Папочка! Папочка!

И тоже плакала.

Потом все вокруг закричали друг на друга, и прибежали еще какие-то люди с автоматами, и стали кричать еще громче. Но папа ее уже никуда не отпускал и унес в какую-то машину. Лиза вцепилась в него сильно-сильно и все повторяла: «Папочка, папочка!» К ним в машину пришел и сел какой-то дядечка и спросил у Лизы, где остальные детки, она сказала, что их увезли на автобусе, как в прошлый раз, и больше ее ни о чем не спрашивали тогда.

А их с папой куда-то повезли и привезли в дом, который оказался гостиницей, и папа не мог ничего делать, потому что Лиза не отпускала его и сильно держала, обхватив руками и ногами. Какая-то тетенька плакала и помогла им расстелить постель, и они с папой так вдвоем в обнимку и легли спать. И всю ночь Лиза просыпалась, вскрикивала и проверяла, не делся ли куда-то папа.

А утром откуда-то появились бабушка с дедушкой, и только тогда Лиза отпустила папу и перебралась на руки к деду.

В этой секте она провела восемь месяцев.

Первые несколько месяцев после освобождения Лиза ужасно боялась, что если заснет, ее снова куда-то увезут, и засыпала только на руках у папы или деда, и просыпалась несколько раз за ночь, и проверяла, где она и кто находится рядом, поэтому с ней всегда кто-то спал в одной кровати. К ним домой приходили какие-то дядечки и тетечки и расспрашивали ее про ту страшную жизнь. Она рассказывала им про все и про Колю.

Став старше, Лиза узнала подробности случившейся с ними беды. Маленький Павлуша умер во сне от так называемого «синдрома внезапной детской смерти». Отчего это происходит, ученые до сих пор не выяснили. Павлик был совершенно здоровым младенцем, который почему-то перестал дышать во сне.

От горя у Лизиной мамы, Наташи, что-то случилось с психикой. Папа, Григорий Антонович, пытался делать все возможное, чтобы помочь ей, – нашел хорошего психиатра, который приходил к ним домой и занимался с мамой, старался выполнять все рекомендации врачей, но ему нужно было работать и кормить семью, и, между прочим, и самому как-то справляться со своим горем – он же тоже потерял ребенка. Наташа вроде бы пошла на поправку, начала вставать с кровати и выходить из комнаты, а вскоре и вышла на улицу...

Да только пошла в церковь и по дороге «встретила» «добрых» людей, посочувствовавших и понявших ее горе. Потом выяснилось, что агенты этой секты дежурили на кладбищах и, будучи высококлассными психологами, сразу же вычисляли людей со слабой психикой, которые отдавались своему горю безраздельно, а потом якобы случайно встречались с ними на улице.

Одного разговора оказалось вполне достаточно. Мама стала ходить на собрания и очень скоро подписала дарственную на гараж и машину, полученные в наследство от родителей вместе с квартирой. Квартиру оттяпать так просто не удалось бы, потому что ее приватизировали на папу, маму и Лизу.

Оказалось, что их с мамой перевозили несколько раз, и в результате они оказались на Урале. Папа с дедом и дядей Андреем кинулись искать их сразу же, по горячим следам, подключив все свои связи, возможности и знакомства.

Но, на минуточку, на дворе середина девяностых, и органам милиции было наплевать на все эти секты и сгинувших в них людей, да и люди вообще им были в то время до фонаря, органы другими «важными» делами занимались.

Но Григорий Антонович не сдавался и продолжал искать жену с дочерью. Когда органы власти отказались продолжать следствие, он начал свое собственное расследование, смог многое разузнать про эту секту и через Интернет нашел группу энтузиастов, образовавших что-то вроде общества пострадавших, которые помогали друг другу в поисках и просто друг друга поддерживали. Объединив усилия, они продолжили поиск.

Но на их пути встало серьезное препятствие – секту «Светлого Нашего», как и большинство сект в то время, «крышевали» высокие милицейские чины. Создали секты циничные, хладнокровные мошенники, не гнушающиеся ничем, – там крутились очень большие деньги, и такие махинации закручивались, что прибыль от сект почти не уступала прибыли от наркобизнеса.

В той секте, где оказались Лиза с мамой, занимались аферами с недвижимостью в огромных масштабах, некоторых мам с детьми или просто детей похищали специально, предварительно выяснив уровень дохода их семей, а потом требовали выкуп, и это не все – тех, кто оказывался в секте, вынуждали к занятиям проституцией и попрошайничеством.

Грише Потапову было всего тридцать два года, когда беда пришла в его семью, но он уперся и сдаваться не собирался, и через многое прошел, пока искал родных. Его предупреждали, чтобы забыл, не лез и отступился, и дважды избивали в виде предупреждения так, что он попадал в больницу, и пытались завести на него уголовное дело, – но тут родственные связи помогли вытащить его из-под статьи. Его пытались убить – он в последний момент успел отскочить от несущейся на него машины.

Ему повезло, на Урале, куда его привело расследование, он встретил одного настоящего мужика, следователя по особо важным делам, такого же упертого и несговорчивого, как и он. Да еще дед Антон помог, в самый важный момент подключил свои знакомства, распространявшиеся и за рубежи страны, и к Григорию со следователем на помощь прилетела на Урал некая европейская комиссия, о которую сломали зубы высшие милицейские чины. Но предупредить Великого все же успели, – тогда Лизу с другими детками увезли первый раз в лесной дом.

Ну а второй раз следователь и комиссия, буквально выдрал из прокурора разрешение на обыск, действовали более оперативно. Даже если бы Лиза не появилась так вовремя и неожиданно из-за поленницы, руководителей секты на этот раз все равно бы накрыли – слишком много доказательств было собрано, и Лизина мама, Наташа, находилась в этот момент в большом доме.

Лиза прошла длительную психологическую реабилитацию и в сентябре снова пошла в школу, и училась так хорошо, что на следующий год ее перевели сразу в третий класс, поэтому от сверстников своих она не отстала.

Психологи посоветовали родным найти для Лизы какое-то занятие вне школы – музыка, пение, танцы или рисование – что-то, что могло бы ее увлечь, захватить. И когда бабуля привела ее в секцию танцев, после уже опробованного рисования, гимнастики и хорового пения, Лиза заявила, что уходить отсюда не собирается и хочет так же красиво танцевать, как и эти дети. Словом: метод научного тыка в этом вопросе сработал идеально.

А вот с мамой все обстояло намного хуже. Что-то сломалось у нее внутри, и вернуться к нормальной жизни Наталья Ивановна уже не смогла, а ведь ей шел всего лишь тридцать первый год. Пройдя длительный курс психологической реабилитации, она ушла в женский монастырь, сначала послушницей, а потом стала монахиней.

Через два года, когда Лизе исполнилось десять лет, Григорий Антонович женился второй раз. Надежда Лизе сразу понравилась, никаких недопониманий и противостояний между ними не возникло. Жили дружно, хорошей семьей, и Лиза сразу начала называть ее Надей. Но душевной близости между ними как-то не возникло, и самым близким, доверенным другом, заменившим Лизе маму, стала бабушка Ася.

Когда Лизе исполнилось тринадцать, у папы с Надеждой родился сын Назар, братик Лизы. И первый год его жизни она страшно за него боялась, и вставала по ночам, и шла проверять, дышит ли он там, живой ли. Пару раз застукав дочь за эти занятием у кровати сына, Григорий Антонович, понимая, что с дочкой надо быть очень осторожным, и это последствия ее психологической травмы, собрал семейный совет, на котором они договорились проверять Назарчика по очереди и распределили «дежурство», и Лиза сразу успокоилась. Брату сейчас двенадцать лет, и у них с сестрой взаимная любовь и полное обожание.

Когда с человеком происходят некие события, столь сильные по воздействию, что переворачивают обычный ход его жизни, хорошие ли, радостные или трагические события, пусть они кратковременные и после них жизнь возвращается в свое обычное течение, – они навсегда оставляют свой след в человеке. Навсегда.

И очень часто человек начинает смотреть на мир через призму того, что с ним случилось, полученного и пережитого опыта. Именно так произошло с Лизой.

С ней работали прекрасные специалисты, стараясь минимизировать ущерб, нанесенный ее психике, и им это удалось, но у девочки на всю жизнь остались воспоминания и вопросы.

В классе пятом, наверное, или шестом, Лиза как-то спросила учительницу истории:

- Почему возникают секты?

- Я не могу тебе точно ответить на этот вопрос, – честно призналась та, но добавила: – Есть такая наука, социология, она занимается изучением того, что происходит с обществом, в том числе изучает, почему возникают те или иные социальные явления и группы, например секты.

Конечно, Лиза тут же решила, что обязательно займется этой наукой. Но еще ей не давал покоя другой вопрос – почему среди всех детей, что были там, в этом доме Светлого Нашего, один только Коля смог понять, что происходит, и сумел остаться в разуме. Ведь все ребята такие разные, так почему только Коля?

Она задавала эти вопросы родным, и они честно пытались на них ответить, только ее не устраивали их ответы, потому что они и сами не знали. И тогда Лиза решила разобраться во всем самостоятельно. И поступила в институт учиться на социолога, а потом стала специализироваться по детской психологии.

В прошлом году Лиза защитила кандидатскую диссертацию и теперь работает в научно-исследовательском центре, а еще два раза в неделю – в среду и в субботу – ведет кружок бального танца в Реабилитационном центре для детей, пострадавших от насилия. Насилием считается не только физическое, но и любые формы морального и психологического давления.

Яркий пример – ее ученица маленькая девочка Настенька. У нее умерла мама, и девочка осталась жить с папой вдвоем. Папа ее, бывший военный в каких-то высоких чинах, дочка у него поздний ребенок, и он понятия не имеет, как надо воспитывать детей, к тому же оказался в какой-то степени тираном. Бедную девочку он муштрует, как первогодка в армии, – все по часам, по правилам, даже гауптвахту дома завел. Тревогу подняла бабушка и привела ребенка

в Центр, а заодно и ее папу. Он вроде бы и согласился, что неправ, и даже ходил на приемы к специалисту. Настенька начала оттаивать, ей очень нравилось заниматься танцами, но тут папашу сорвало, и он забрал ребенка из Центра.

Пусть Лиза и не нашла всех ответов на свои вопросы, но очень многое ей стало понятно и словно освободило в чем-то. Ей нравится то, чем она занимается, она увлечена своей наукой, ей нравится заниматься с детками, она продолжает танцевать, – но внутри, где-то глубоко, засели навсегда воспоминания о тех восьми месяцах ада, в котором ей пришлось прожить.

Она не знает точно, спас тогда ее Коля или проще было бы для ее психики и всей дальнейшей жизни находиться в состоянии постоянного транса и ничего не понимать, стать роботом, как остальные дети, но точно знает, если бы ей сейчас предложили выбрать, она бы, не раздумывая, выбрала первое. И десять лет назад, и пятнадцать и даже тогда, в семь лет, если бы ее спросили, она бы выбрала реальность.

Поэтому лично она уверена, что он ее спас.

Колю она больше никогда не видела. Хотя папа и рассказал, что им удалось найти и спасти всех детей, но Колю с его мамой разыскать не удалось, и никто из арестованных хозяев так и не признался, куда делись они и еще несколько пропавших людей.

Лиза замолчала, продолжая смотреть в холодный камин, словно через черный портал в прошлое.

- А что с твоей мамой сейчас? – тихо спросил Протасов.

- Она все так же живет в монастыре.

- Ты с ней видишься?

- Да. – Лиза оторвала взгляд от камина и посмотрела на Глеба. – Раньше я ездила к ней раз в два-три месяца, но лет семь назад настоятельница сказала мне, чтобы я не ездила так часто, это сильно травмирует маму.

- Она все еще... – запнулся он, подбирая слово.

- Нет, – Лиза поняла, о чем он спрашивает. – Она давно в полном разуме и очень верующий человек. Каждый раз, когда я приезжаю, она рассказывает мне, как неустанно молится за всех нас и за душу Павлуши и что просит у Бога прощения за то, что сотворила со мной. Я как-то спросила: мам, а почему ты никогда не попросила прощения у меня? Я же вот она, рядом, живая, и это мне пришлось пережить те месяцы. – Лиза замолчала, погрузившись в воспоминания.

- И что она ответила? – на сей раз подтолкнул ее к дальнейшему рассказу Протасов.

- Она сказала, что не может. Так и сказала: «Я не могу», и все. Ей вообще-то даже видеть меня тяжело, поэтому настоятельница и попросила меня не приезжать. Знаешь, я думаю, что монашки, монахи и вообще все, кто сбегает в некие закрытые от мира общины или в одиночное уединение, делятся на две категории: просветленных, которые на самом деле ищут постижения неких духовных и божественных истин, своего духовного очищения и роста и осознанно жертвуют ради этого физической стороной жизни, и тех, кому просто слабо жить. Ведь находиться в закрытом от окружающего социума мирке гораздо проще, чем нести

ответственность за собственную жизнь и жизнь родных и близких, и еще при этом сохраняя веру в Бога. Вот она из второй категории, которым слабо.

- Может, ты ее слишком строго судишь? - осторожно спросил Глеб.

- Я вообще ее не сужу и давным-давно простила. Даже и не так: я никогда и ни в чем ее не обвиняла. Даже тогда, в детстве, и став старше, узнав подробности, никогда не обвиняла, внутри себя всегда понимала, что она такая. - Лиза замолчала, вздохнула глубоко, выдохнула и другим тоном заявила: - Ладно. Мне пора ехать.

- Подожди, - тихо попросил Глеб, обнял ее придвинул к себе, уложил рядом. - Давай просто полежим немного. Мне хочется тебя обнять.

- Пожалеть? - в тон ему тихо спросила она.

- Наверное, - подумав, согласился он. - Пожалеть и защитить ту маленькую Лизочку.

И Лиза закрыла глаза и прижалась к нему, и вдохнула поглубже его запах, и... и просто полежать им не удалось - со двора донеслись гудки клаксона, напоминающие, что давно уже пора было ехать. И Протасов поцеловал ее долгим томительным поцелуем, и прошептал:

- На прощание.

А во дворе возле машины они прощались довольно сдержанно: - Глеб, придерживав дверцу, пока Лиза усаживалась на заднее сиденье высокого джипа, только сказал:

- Ну, пока.

И все. Все! И закрыл за ней дверцу. И Лиза, ошарашенная таким несоответствием жаркого прощального поцелуя в спальне и этого холодного, отстраненного «пока», кивнула:

- Пока.

Как только они отъехали на несколько километров, Лиза устроилась поудобней на заднем сиденье и проспала практически всю дорогу, просыпаясь лишь пару раз, когда они делали остановки, и уже перед самой Москвой.

Она очень тепло попрощалась с Колей и Верой и, как ни зазывала зайти к ней в гости, хоть чаю с дороги попить, они отказались - спешили к своим. И помахав вслед отъезжающей машине, Лиза вздохнула и пошла домой.

Через пару дней, как и любой нормальный человек, она уже четко понимала, что все эти столбы золотистого света и какие-то там чудесные непонятные провидческие откровения - просто результат разыгравшегося воображения, вызванного слишком сильным накалом чувств.

То, что она испытала с Глебом в интимной близости, было на самом деле чем-то особенным и потрясающим, это-то она понимала отчетливо, как и то, что, помимо физического какого-то уникального совпадения, делающего их близость необыкновенно мощной, добавлялась и страсть, и любовь, которые она испытывала к нему все эти пять лет.

Но, как выяснилось, это ничего не значило. Нет, значило, разумеется, но в жизни ничего не меняло! По крайней мере, для него.

Дня три Лиза пребывала в некой прострации – в постоянном, ежеминутном воспоминании о Глебе, о том, как он рассказывал о дочери, об их разговорах, о том, как он показывал свои инженерные достижения, о том, как у них все было. Воспоминания жаркой, дурманящей волной накрывали ее снизу вверх, и при этом она продолжала вести свою обычную размеренную жизнь.

Усугубило это состояние и то, что позвонила бабуля, переживая, как у внучки там все сложилось с этим Глебом. Лиза рассказывала – ну не все, разумеется, но то, что спала с ним, скрывать не стала и просто утонула в воспоминаниях.

Протасов позвонил в четверг.

- Привет, – поздоровался и сразу спросил: – Ты приедешь в выходные?

- Ты живешь в глухомани, почти в пятистах километрах от Москвы, – завелась сразу Лиза такой непосредственной постановке вопроса.

- Я помню, – усмехнулся он.

- У меня в субботу танцевальные занятия в Центре, и ехать после них пять-шесть часов и столько же обратно, чтобы побыть с тобой пару-тройку часиков, я просто физически не могу! Приезжай ты ко мне, будет здорово! – предложила тут же она.

- Я говорил тебе, что не езжу в Москву, – довольно прохладным тоном напомнил он.

- А ты не в Москву, ты ко мне приезжай, – предложила Лиза. – Будем сидеть дома и лежать, и никуда не выйдем.

- Кроме твоих танцев, – хмыкнул он.

- Кроме моих танцев, – подтвердила Лиза и пообещала: – Я сама нас отвезу туда и обратно, и везде, куда захочешь.

- Я бы хотел, чтобы приехала ты, – вздохнул он и прервал разговор.

Лиза расстроилась ужасно. И целых два дня ходила и думала, а может, все-таки поехать к нему? Нет, ну правда – не может же он вот так сразу измениться и стать прежним! Что, переспал с ней и прямо стал другим человеком и вернулся в нормальную жизнь?

Но на машине при лучшем раскладе дорога туда-обратно займет около десяти часов, при худшем и предполагать не стоит. Поезд? А потом либо на автобусе до остановки на трассе, а там еще пешком до села и далее до хутора! Либо встретят на машине. Встретить-то они встретят, только зачем ей это надо, если для общения с Протасовым у нее останется часа четыре, не больше!

Не поехала, а он не перезвонил.

И мучилась мыслями, воспоминаниями, сомнениями и предположениями, а потом вдруг, в один момент, сказала себе – не буду!

Не буду, и все!

Он взрослый, здоровый мужик, нравится ему такая жизнь – пожалуйста. Но она портить свою жизнь из-за его психозов не станет! Не зря ее бабушка Ася предупреждала!

Ох, не зря! И Лиза проплакала пару часов, благо могла себе это спокойно позволить, жила самостоятельно, одна в квартире Надюши, которую они раньше сдавали, а несколько лет назад посоветовались и решили: Лизе так будет удобней – намного ближе к работе и к детскому Центру, да и взрослая уже барышня.

В понедельник пошла на работу, строго-настрого запретив себе плакать, а главное, чего-то ожидать от Протасова. А чего ждать? Этот вопрос Лиза задала себе после того, как наплакалась в удовольствие.

Ну, так чего? Что она, строила какие-то планы? Ну, наверное, строила, как любая другая нормальная девушка в похожей ситуации. По крайней мере, ожидала и надеялась на продолжение и какое-то развитие отношений, не только же ездить в глухомань по выходным за великолепным сексом по первому зову мужчины. Хотя за таким делом можно и поездить!

В среду после урока танцев к Лизе подошла директор Центра и сообщила, что в субботу ее занятия отменяются – состоится большая конференция, и зал будет занят. Лиза оповестила всех родителей и детей и призадумалась...

Протасов так и не звонил.

Лиза все думала и думала, и, побаиваясь того, что собирается делать, и все еще окончательно не решаясь, она договорилась с коллегами и ушла в пятницу сразу после обеда с работы.

Торопливо собрала сумку с вещами, сделала термос черного чая с медом, бутерброды сложила в контейнер, туда же – салфетки, и все поторапливала себя мысленно, отчаянно боясь передумать. Остановилась, села на диван и спросила вслух:

- Лиза, что ты творишь? Куда ты собралась, ты понимаешь?

Тишина в доме не ответила на эти важные вопросы.

- А если он тебя не ждет и уже не надо ему никаких твоих приездов? – помолчала и спросила самое важное: – А если он уже не сможет или не захочет выйти из своего состояния скорби и никто ему так и не будет нужен, кроме памяти об Алисе? Слишком затянулось это его состояние, ты же понимаешь.

Она вздохнула, решительно поднялась, прошлась по квартире, проверила все ли выключено-закрыто, взяла сумку, пакет с контейнером и термосом, и громко сообщила квартире:

- Тогда я оставлю его с Алисой и больше тревожить не стану! Но мне надо понять, есть ли у нас с ним шанс, есть ли у меня шанс или нет! Все, поехала!

Пятничные пробки на выезде из Москвы, тем более по весне, – отдельная грустная история, причем обязательная. Но Лиза стойчески терпела, и хотя выехала намного раньше основного потока, все равно пришлось постоять. И сворачивала она с трассы на дорогу к селу уже в опускающейся темноте, а к хутору подъезжала – так совсем уж стемнело, к тому же и дождь вдруг полил, и ворота никто не спешил открывать на шум подъехавшей машины.

Лиза посигналила, подождала, но приветливые хозяева не появились и «добро пожаловать» не пожелали. Она еще раз посигналила, пять минут, десять – результат тот же. Конечно, она не взяла с собой в дорогу зонтик и выбралась из машины практически под проливной дождь и побежала к калитке в воротах.

И, понятное дело, та была закрыта – люди-то на хуторе адекватные живут, на ночь калитки закрывают. Лиза позвонила в звонок, потарабанила кулаками, покричала призывно, снова позвонила – тишина, словно все эвакуировались в теплые страны.

Лиза почувствовала, как по спине, под одеждой побежала струйка воды – значит, легкая курточка промокла! Э-э-эх, плохое слово!

Она вернулась в машину, промочив сиденье, и, чертыхаясь под нос, принялась сигналить светом фар и давя на клаксон. Ни на живых, ни на мертвых на этом хуторе ее цветомузыка действия не возымела и впечатления не произвела.

И тут, от отчаяния, что ли, она вспомнила, как Вера ей рассказывала, когда они ехали в Москву, что Протасов частенько пропадает в своей мастерской, что-то там делает, и не видит и не слышит вообще ничего, поэтому они все имеют ключи от калитки и от ворот, иначе можно на участок так и не попасть. А вот Витяй постоянно свой ключ забывает, так они для него специально в тайничке запасной держат, под кустом в коробочке такой, камнем приваленной. Если не знаешь, никогда не найдешь.

Лиза снова выскочила из машины, подбежала к тому кусту, присела на корточки... но головоломка была с сюрпризом – камней там лежало не меньше десяти – под третьим она нашарила шкатулку.

Достала ключ, замерзшими мокрыми скользкими пальцами не с первого раза попав в замочную скважину, отперла дверь и побежала к дому, по дороге отметив, что он стоит совершенно темный, еле светится только окно кухни, видимо, какой-то один ночной светильник оставили включенным.

Но двери на веранду и в дом были не заперты, и Лиза вошла, и оказалась в кромешной темноте прихожей.

- Эй! Живые есть? – громко прокричала она, нашаривая рукой выключатель на стене.

Гулкая тишина отозвалась на ее призыв, пролетев по всему дому придушенным эхом.

- Провалились они все, что ли, – проворчала она, скинула туфли и, оставляя мокрые следы на полу, пошла искать хоть кого-то.

Первым делом Лиза проверила кухню и спальную Протасова на втором этаже – никого! Спускаясь по лестнице со второго этажа, она вдруг услышала странный повторяющийся глухой звук издали, пошла на звук и поняла, что он доносится из мастерской.

Протасов тысячу раз, наверное, думал позвонить Лизе и даже телефон в руках держал, чтобы набрать ее номер, но откладывал – нет. Она права, Москва далеко, у нее там своя жизнь, работа, детишки из Центра, что теперь ей мотаться к нему по выходным? И как долго? Да и нужен ли ей мужчина, отягощенный чувством вины, погруженный в скорбь и не желающий ничего менять в своей жизни? Она молодая, прекрасная, умная, великолепная женщина, что ей теперь с ним – похоронить себя заживо, на хутор к нему переселиться, что ли? Нет, никому такие жертвы не нужны, а ему особенно. И лучше вот так – отрезать один раз и прекратить навсегда, и все! Он и так себя корил за слабость, что позвонил, позвал... Не надо всего этого, не надо! И откладывал тяжелую трубку спутникового телефона.

Он обтачивал одну деталь, которую делал для инженера агрофирмы, и это монотонное занятие

как нельзя лучше ограничивало возможность отвлекаться на другие действия – например, взять телефон и все же позвонить. Глеб боковым зрением вдруг заметил какое-то движение у двери, повернул голову и обалдел...

Пару мгновений он думал, что сошел с ума и у него уже видения начались: в дверном проеме стояла Лиза, словно материализовалась из его мыслей и раздумий! Но, тряхнув головой и переморгнув это видение, Глеб заметил, что она совершенно мокрая, словно на нее вылили пару ведер воды, и у нее шевелятся губы, как будто она что-то говорит ему.

Первое, он сообразил, что у него надеты наушники, и тут же скинул их, второе – работающий станок продолжал заглушать ее слова, и Глеб его быстро выключил.

- ...на себе испытала, – услышал он конец фразы.

- Что? – переспросил он, до конца не придя в себя.

- Говорю, напророчила я в прошлый раз с фантазиями-то, и что чувствует несчастный путник в вашей глухомани, которому не посчастливилось выйти к вашему негостеприимному дому, испытала на себе.

- Лиза, господи, ты откуда взялась? – включился в действительность Протасов.

- Из Москвы на машине приехала, – объяснила она, и тут ее начало потряхивать ознобом от мокрой одежды. Перекинув вперед волосы, убранные в хвост, она принялась их отжимать и добавила: – Только замковые ворота закрыты на ночь, а стража спит и не открывает.

- Лизка, ты совершенно мокрая! – возмутился Глеб и ринулся к ней.

- Так дождь, господин! – оповестила она.

- Идем скорее, тебе надо согреться! – прижав к своему боку, потащил он ее за собой.

- Согреться – это мысль, еще бы хотелось и переодеться.

- Сейчас! – обнадежил Протасов.

Но потащил ее почему-то не в кухню, не к себе в спальню, и даже не в ванную, а почему-то в прихожую.

- Ты меня что, вытурить назад в Москву хочешь? – спросила растерянно Лиза.

- Не дожدهшься! – усмехнулся Протасов, принялся натягивать на нее какой-то совершенно невероятный брезентовый балахон типа плащ-палатки и подтолкнул к ней ее же туфли. – Одевай, они все равно уже мокрые, а нам тут немного пробежаться.

- Да куда ты меня тащишь? – возмутилась Лиза.

- В баню, куда же еще! – быстро натягивая на себя куртку, ответил он. – Ее сегодня раскофегарили, там как раз сейчас Коля с Верой и Витяй парятся, поэтому никто и не слышал, как ты подъехала.

Их появление в банном комплексе произвело фурор. Лизу срочно притащили в предбанник и принялись раздевать в четыре руки Глеб и Вера, потом затолкали в парилку, и Протасов, самолично принялся охаживать ее веником, заставлял переворачиваться и похлестывал от

души. Потом вывел из парной, поставил под горячий душ и уж собрался натирать-намыливать, когда Лиза наконец опомнилась и решила перехватить инициативу.

- Я сама вполне могу помыться, Глеб.

- Нет, - строго сказал он. - Сама ты помоешься потом, а сейчас тебя надо правильно прогреть! - И бросил мочалку на полочку. - Все, идем снова в парилку!

И повторил все свои истязательства с веником на полатах. После чего в душ не пустил, а, выдав большое полотенце, повел в трапезную, где ее уже ждал горячий чай на травах с медком на закуску, приготовленный заботливой Верочкой.

Лиза испытывала хороший такой банный кайф, потела себе, попивая чаек, и рассказывала заинтересованной публике о своих мытарствах у забора.

- А где ключи-то от машины? - спросил Коля. - Пойду загоню в гараж.

- Да ладно, Коля, что вы будете себе удовольствие такое портить, - принялась отнекиваться Лиза. - Сейчас согреюсь и сама загоню.

- Да мы уж тут четвертый час как паримся и уходить собирались, - замахала на нее обеими руками Верочка. - А вам никуда сейчас не надо выходить, хотя б часок попарьтесь, чтобы не заболеть. И вот чай пейте, я свежего заварила для вас.

- Спасибо - поблагодарила Лиза.

И поразились, с какой быстротой вся троица принялась собираться, и буквально через несколько минут их уже и след простыл, только пожелать горячего парку успели.

- Что это они? - пораженно спросила она у Глеба.

- Чтобы нам не мешать, - пояснил он.

И вдруг заграбастал ее в охапку, сильно прижал к себе и поцеловал с таким напором, что у Лизы ухнуло куда-то сердце и закружилась-закружилась голова.

Он прервал поцелуй, шумно дышал, уперся лбом в ее лоб и пожаловался:

- Нет, сначала нужно пропарить тебя как следует, а потом все остальное.

- Тогда пошли париться, - прошептала в ответ Лиза. - Чтобы скорее настало все остальное.

«Настало все», и было прекрасно! Ей даже казалось, что еще чудесней, чем в прошлый раз! Но сначала он ее так пропарил, что Лизе казалось, что у нее расплавились кости. Протасов, завернув ее в огромный теплый тулуп, отнес на руках в дом и прямо в свою кровать, где она быстренько ожила, и началось волшебство соединения.

А посреди ночи Лиза поняла, что ужасно проголодалась, что подтверждало настойчивое урчание в животе, и Глеб принес из кухни огромный поднос, уставленный всякой вкуснятиной, и они устроили ночной ужин, разговаривали, жарили домашние колбаски над огнем в камине, шептались и смеялись.

И снова возвращались в постель, в свою потрясающую близость - одну на двоих, и заснули только к утру.

Проснулись поздно, и эта суббота стала для Лизы еще одним открытием – открытием Глеба Протасова. Они провели весь день вместе, не расставаясь, завтракали, веселя Верочку разными историями из Лизиного детства, в которых участвовал и Глеб, ходили в конюшню, и Лиза первый раз в жизни села на лошадь, Витяй даже разрешил ей покататься на Зорьке, а Глеб ехал рядом на Малыше.

Вернулись и помогли Вере готовить обед, и присоединились к ним мужики, и снова в кухне было весело, и весело было за обедом – за стол сели все вместе. А после Глеб выдал ей резиновые сапоги, и они пошли прогуляться до реки, а потом вдоль поля – и назад. Нагулялись и, вернувшись, принялись помогать Верочке лепить пельмени.

И весь этот день они разговаривали. Протасов рассказал Лизе про Аргентину, как попал туда и почему остался, про Флоренсию, естественно, без интимных подробностей, про то, как много значила для него эта женщина, как много дала и как он полюбил эту страну, узнал и прочувствовал ее дух и характер благодаря Фло. И Лиза очаровывалась его рассказом и наблюдала, как меняется выражение его лица, когда он рассказывает об Аргентине. Она его никогда таким не знала и не видела – и в ее душе распускался пышный, как пион, цветок надежды – надежды на то, что этот мужчина сможет преодолеть любые травматические переживания, сможет снова подняться и реализоваться в жизни сильнее прежнего.

Разумеется, ни для кого на хуторе, даже для кошки Лишайки, уже не было секретом, что Лиза с Глебом любовники, но, насколько заметила Лиза, это только радовало обитателей этого «медвежьего угла». Она даже заметила, как Вера их с Глебом потихоньку торопливо перекрестила. Поэтому никого не удивило, что сразу после ужина Глеб и Лиза отправились в спальню.

В эту ночь они, совершенно обессиленные, заснули гораздо раньше рассвета. А утром, после завтрака, Протасов, предложил ей одной пойти в конюшню и продолжить занятия по верховой езде под присмотром Витяя, потому что ему все-таки надо доделать деталь.

- А можно и мне в мастерскую? – попросилась Лиза. – Я ее толком в прошлый раз не рассмотрела, а мне интересно.

- Ну, пошли, – согласился Глеб.

Лиза рассматривала инструменты и механизмы и в общем-то не давала Глебу работать, расспрашивая его с большим интересом.

- Знаешь, я сейчас вспомнил, как однажды рассказывал тебе, что не могу никак разобраться, что же поломалось в двигателе, тебе тогда лет десять было, – улыбнулся он.

- Одиннадцать, – уточнила Лиза и напонила: – Вы тогда всей компанией приехали на дачу к дяде Андрею, и девушек с собой привезли, и хорошо так поддали, и ты решил прогуляться и подышать, чтобы немного протрезветь. А я сидела на ступеньках бани и читала книжку, ты подсел рядом и сначала объяснил мне все про «поддали и протрезветь», а потом вдруг принялся рассказывать про сломанный механизм...

- А ты так внимательно слушала, и тут в какой-то момент до меня дошло, кому и что я рассказываю, – улыбаясь воспоминаниям, подхватил он, – остановился и говорю, извини, тебе ведь это совсем не интересно, а ты с таким умным видом отвечаешь: «Почему, на самом деле, теперь и мне интересно, виноват ли штуцер».

- А у тебя сделалось такое лицо, – рассмеялась Лиза.

- А ты добавила, - подхватил Глеб, - что для начала хотелось бы понять, что такое штуцер?
- И ты так хохотал! - смеялась она. - От смеха ты завалился на бок, у тебя текли слезы, и ты никак не мог остановиться.
- Это еще что! - поделился он. - Я и сексом-то толком не смог тогда ночью заняться, в самый важный момент вспоминал это твое заявление и совершенно серьезную рожицу и начинал хохотать. Девушка, между прочим, обиделась.
- Знаешь анекдот про бороду? - спросила вдруг Лиза.
- Не припомню.
- Ну, это старый анекдот... В двадцатых годах в Питере повадились водить экскурсии в один из дворов и показывать уникального дворника. Здоровенный дядька, седой, с длинными волосами и окладистой бородой. «Вот смотрите», - показывают любопытным. А дед с удовольствием демонстрирует: пригладил волосы, бороду клинышком поправил, приосанился. «Вылитый граф Толстой, - комментирует экскурсовод. - А теперь...» Дед волосы взлохматил, бороду разделил надвое и раздвинул в стороны, повернулся другим боком и надулся. Толпа ахнула: «Карл Маркс!» Тут к деду подходит мужичок какой-то неказистый и спрашивает: «Скажите, любезнейший, а если бороду сбрить?» Дед задумался, почесал голову и отвечает: «Сбрить-то можно, а умище-то куда денешь?»
- Это про тебя, Протасов, - резюмировала Лиза. - Ты хоть в какой тайге ни спрячешься, умище-то свой никуда не денешь, все равно любимой инженерией и механикой займешься. И знаешь, мне кажется, что здесь ты уже сделал все, что можно: все улучшил, модернизировал, напридумывал и воплотил в жизнь. Потолок. Дальше тут развиваться некуда, - и спросила напрямую, глядя ему в глаза: - Тебе не кажется, что пора возвращаться на свою любимую работу?
- Улыбку с его лица словно водой смыло. Он помолчал, посмотрел на нее не самым добрым взглядом и сказал очень твердо и коротко:
- Нет.
- Но почему? - недоумевала Лиза. - У тебя талант, дар, а когда человеку дается такое дарование, то одновременно вручается и ответственность за него и обязанность охранять всячески. Ты не можешь сидеть в глуши и заниматься сельским хозяйством всю оставшуюся жизнь! Ты чертежи читаешь, как захватывающую художественную литературу, как крутой детектив, ты мыслишь технически! Ты человек техносферы, цивилизации! Таких специалистов, как ты, в стране единицы, и все на вес золота, и ты об этом хорошо осведомлен! Это бред какой-то - так поступать со своим даром, в полном смысле слова зарывая его в землю!
- Лиза, мы не будем это обсуждать! - жестко сказал Глеб.
- Почему? - слегка сбавила она напор. - Что такого случится, если ты мне объяснишь, почему отказываешься от своей работы?
- Лиза, прекрати, тема закрыта! - поднялся Протасов со стула, сдернул с шеи так и не пригодившиеся наушники и швырнул их на верстак.
- Глеб, я просто хочу понять, - не остановилась она. - Для меня это важно.

- Потому что из-за нее я потерял дочь! - выкрикнул он, перевел дыхание, помолчал и добавил уже спокойнее: - Потому что Ольга была права. Я же был занят только работой, я думал о ней постоянно, днем и ночью, даже когда проводил время с Алисой. Играя с ней, я все время возвращался мысленно к рабочим проблемам и вопросам. Если бы я больше времени проводил с ребенком и был более внимательным к ней, то не пропустил бы это страшное заболевание и вовремя смог понять, что что-то не так! Из-за работы я не смог спасти дочь!

- Это чушь! - спокойно утвердила Лиза и, увидев, что он рванулся настаивать, повторила громче и эмоциональней: - Да, чушь! Причем полная! Обвинения Ольги в психологии называются переносом. Самым банальным, который определит даже начинающий психолог. Люди часто так делают, когда чувствуют сильную вину, а справиться с ней не могут, и они находят объект, на который перекалдывают собственные грехи и промахи! Ты же умнейший мужик, Протасов! Ну подумай, по Ольгиной логике получалось, что ты должен был большую часть своего времени и жизни проводить с дочерью. А лучше вообще сидел бы с ней дома! Ах да, я забыла главное: не работать, ибо это отнимает слишком много твоего внимания! Видимо, предполагалось, что деньги, квартиры, социальный статус будут каким-то образом сами сыпаться на вас с небес!

- Хватит! - потребовал он. - Я не хочу ничего этого слышать.

- Придется! - жестко заявила Лиза, заведясь не на шутку. - Потому что ни один человек тебе этого не сказал, хотя давным-давно надо было это сделать! Рядом с твоей дочерью находилась ее мать, которая, между прочим, не работала, и основным ее занятием и была Алиса. А еще рядом с ней постоянно находилась няня, насколько я помню, медработник в прошлом. И обе они прекрасно о ней заботились и делали все, что надо. Твоя дочь умерла не из-за недостатка вашего внимания и заботы, а от острого хронического скоротечного лейкоза, который очень, очень трудно диагностировать на ранней стадии. И она прошла многочисленные обследования, и квалифицированные врачи не могли сразу обнаружить болезнь. И хоть бы ты там усиделся дома и глаз с нее не спускал, все равно понять, что это за болезнь, никто бы из вас не смог!

- Все! - сказал он и, отодвинув Лизу с дороги, двинулся к выходу.

- Это случилось и все! - бежала она за ним и продолжала говорить. - Иногда в жизни происходят вещи, не зависящие от нас! Ты отрекаешься от своего таланта, как от большей части своей личности. Хватит, Протасов! Все! Ты уже достаточно наказал себя за то, в чем не виноват!

Широкими шагами он поднимался по лестнице, а Лиза бежала за ним и говорила, говорила, запыхавшись и не обращая на это внимания.

- Если тебе так непереносимо тяжело жить в Москве или в другом городе, можно замечательно жить за городом! Насколько я помню, производство, на котором ты работал, расположено в Подмоскowie. Ну, и совсем хорошо, купи себе там дом, и можешь переехать со всем своим новым ковчегом, даже маму Витяя прихватить и кошку Лишайку! Коля с Верой только счастливы будут поближе к своим оказаться! Ты тут такого наворотил, что этот твой хутор дауншифтеры с руками оторвут, стоит тебе выложить его на их сайте!

Так они и добрались до его спальни, куда Лиза влетела за Протасовым и резко остановилась, чуть не ударившись о него, развернувшегося к ней.

- Мне не нужен ни твой и вообще ничей психологический анализ моей жизни и моих решений, - холодно отрезал он. - И советы твои не нужны. Это моя жизнь, и я живу так, как

считаю нужным, и там, где считаю нужным. И только мне судить, в чем, перед кем и насколько я виноват в этой жизни. Если тебе это не нравится, я никого не держу, но если хочешь остаться, то больше никогда не смей читать мне нотаций и поучать, как мне следует жить и что делать. Ты поняла?

- Да, - сказала Лиза и сделала шаг назад от него. Постояла, посмотрела ему в лицо и подтвердила еще раз: - Да, я поняла.

Обошла Протасова вокруг и принялась складывать свои вещи в сумку. Он наблюдал за ее действиями с отстраненным, холодным видом, сложив руки на груди, а Лиза собиралась без суеты и нервозности обиженной барышни - спокойно, продуманно, проверяя, ничего ли не забыла, и обходя его, застывшего посреди комнаты, стороной.

Все, собралась, обвела взглядом еще раз комнату и пошла к выходу и, уже взявшись за ручку распахнутой двери, повернула голову и сказала:

- Ты совершенно прав, Протасов, это твоя жизнь и как ею распоряжаться, твое личное дело. Но как бы сильно я тебя ни любила, смотреть, как ты превращаешься из талантливого светлого человека в угрюмого бирюка, который скоро начнет ненавидеть весь мир, и гробить свою жизнь в ожидании и тщетной надежде, что ты изменишься, я не стану. Я знала тебя как сильного человека, таким и хочу запомнить.

И она вышла из комнаты, закрыла за собой дверь и побежала по ступенькам вниз, чуть не столкнувшись с Верочкой, и, не останавливаясь, попросила ее открыть ворота и быстрой походкой пошла в гараж. Протасов так и не вышел ее провожать, но она видела его, стоящего у окна и смотрящего на нее, когда разворачивала машину.

- Не плачь! - громко и строго приказала Лиза себе, отъезжая от закрывающихся за ней ворот хутора. И повторила, теперь уже попросив: - Не плачь...

Она не поехала в Москву, а, подумав пару секунд на развилке, свернула в сторону Тамбова. К бабуле с дедом - делиться горем и принимать утешение.

Глеб, проводив взглядом машину Лизы, выехавшую за ворота, быстро поднялся в мансарду и оттуда долго смотрел ей вслед, пока машина не скрылась за поворотом.

«Как бы сильно я тебя ни любила», - крутилось у него в голове, - «как бы сильно я тебя ни любила».

Он знал, что она его любит, еще с того момента, как пять лет назад первый раз повел ее в танце, как знал и чувствовал, что любит ее и сам и что она - его единственная женщина. Но не хотел признавать этого ни тогда, ни сейчас. Особенно сейчас.

Отказавшись от мира и жизни, Глеб подсознательно боялся вспоминать про Лизу и про то необыкновенное чудо, что с ними случилось, интуитивно чувствуя, что эта девушка может вытащить его из состояния отрешенности и дать возможность жить дальше полной, счастливой жизнью. Но наказывая себя, он не желал никакого нового счастья и жизни.

Однажды человек, любящий Лизу, которого любила и которому безгранично доверяла она, отказался от нее во имя своих тяжелых душевных переживаний и горестей, по сути, предал Лизу.

«А сегодня я сделал это с ней во второй раз», - подумал Протасов, продолжая смотреть туда,

где скрылась за горизонтом ее машина.

Последние дни апреля выдались такие переменчивые – то вдруг жарко, как летом, то холод чуть ли не осенний с накрапывающим дождиком. Но прогноз на выходные вроде бы был хороший, и с утра он еще оправдывается. Хотелось бы! Вся семья, кроме бабушки с дедом, собиралась на даче у старших по московскому региону Потаповых отмечать день рождения дяди Андрея.

Созвонились, решили, что дата не круглая, и нечего стариков гонять туда-сюда, надо бы поберечь. К тому же у них «посевная страда» – а это святое дело.

Лиза неспешно катила на своей машинке в субботу днем, после занятий с детьми в Центре, на это мероприятие. Ей уж несколько раз названивали родные, поторапливали, шумно сообщали хором в трубку, что к ее приезду окончательно оголодают. Она обещала, что совсем скоро подъедет, но на газ давить не спешила и ехала, получая удовольствие от езды.

Есть и ей хотелось, и она уже представляла все замечательные вкусности, которые наготовили там со вчерашнего дня тетя Валя с Маней, и слюнки текли. Жаль не будет фирменного бабулиного пирога с уткой – совершенно улетного объедения. Вернее, он будет, но в исполнении тети Вали, а это совсем другая песня. Почему-то, кто бы ни пытался повторить этот пирог, выходило хорошо, иногда даже и очень хорошо, но и близко не то, что у бабули. И, казалось бы, рецепт точь-в-точь записывали, и сколько раз делали под непосредственным руководством бабушки, и секретов она не скрывала – не то, и все!

Лиза представила лицо бабули и улыбнулась. И сразу же вспомнила тот их последний разговор, когда она приехала к ним от Протасова – вся в клочьях от переживаний. И они отпаивали ее чаем с мятой и бабушкиным печеньем, и беспокоились ужасно, видя любимую внученьку в таком состоянии, бабуля сделала незаметно знак деду, и он удалился, оставив «девочек» секретничать.

Лиза промочила своими слезами весь подол бабушкиного платья, лежа головой у нее на коленях и рассказывая о них с Протасовым, а бабушка гладила и гладила ее по голове, слушала, вздыхала и успокаивала.

- Гвоздочек ты наш, – тогда улыбнулась она. – Вроде женственная такая, хрупкая, нежная, а смотри ж ты, на что способна.

- На что, бабуль? – всхлипывала Лиза, утирая слезы-сопли уже десятым, наверное, платком.

- А вот так взять и отказаться от мужчины, которого любишь, – пояснила бабушка. – Я за всю свою жизнь, пожалуй, одну только такую встречала, да и то она была дура идейная, отказала парню, которого любила, потому что они не сошлись во взглядах на мировую политику. Женщины не оставляют мужчин, если между ними нет какого-то на самом деле серьезного, непреодолимого препятствия. Как правило, женщина всегда искренне убеждена, что сможет переделать мужчину, заставить поступать по ее правилам, переубедить или, на крайний уж случай, переиграть.

- А у тебя так было? – шмыгнула носом Лиза.

- Господь миловал, – улыбнулась бабуля. – У нас с Антошей таких разногласий и глубоких непониманий никогда не возникало, и менять его мне никогда не хотелось, мне он нравился таким, как есть. И надо сказать, меня он никогда не подводил.

- Так что, выходит, я неправа? - спросила Лиза, поднялась с бабушкиных колен и села. - Надо бороться за свою любовь, и все такое?

- Как раз, думаю, что права, - погладила ее по голове и улыбнулась бабушка. - Я ведь его хорошо помню, этого твоего Протасова Глеба. Еще когда они с Кирюшей мальчишками совсем были, только поступили в институт, они несколько раз к нам сюда всей компанией приезжали. Да и много раз мы встречались и в Москве, и на даче у Андрея. А уж как ты сбежала к нему с юбилея, я альбомы-то на следующий день достала и просмотрела все фото, где он попадал в кадр. Глеб твой личность сильная и всегда таким был. К тому же он очень страстный человек. Раньше вся эта страстность отдавалась работе. Но с той же страстью он обвинил себя в смерти ребенка и наказывает себя. Даже в своих заблуждениях он страстен и настойчив. И только что-то очень сильное может сдвинуть его с этой позиции.

- Что? - шепотом спросила Лиза, замороженно слушая бабулю.

- Любовь, например, - улыбнулась та. - Сильная, настоящая любовь и столь же сильная женщина. Я ведь хорошо помню тот ваш танец на юбилее Кирилла, - хитро прищурилась, улыбаясь, бабуля. - Вы танцевали только друг для друга. И как бы они с женой великолепно ни смотрелись, это были просто два породистых человека порознь, а вот вы с ним выглядели одним прекрасным целым.

- И что теперь делать? - снова всхлипнула Лиза.

- А ничего, - развела руками бабуля. - Ты и так сделала очень много: он стал оживать, и улыбаться, и смеяться, и рассказал тебе о дочери, и даже позволил себе тебя любить. И случилось это потому, что ты сдвинула его с мертвой точки своим криком, заставив задуматься. Уверена, что сейчас он задумался еще сильнее.

- И что будет? - спросила с надеждой Лиза.

- А ничего особенного, - рассмеялась Ася Матвеевна. - Всего два варианта: либо он встряхнется, вернется к своей работе и жизни и завоюет тебя, либо останется на своем хуторе, так и не захотев ничего менять.

- Все-то ты знаешь, бабуля, только мне-то что делать? - жаловалась Лиза.

- Жить дальше и ждать. Я тебе вот что скажу по секрету: если бы ты осталась и согласилась с условиями и требованиями, что он тебе выдвинул, и с тем, что он так и не станет менять свою жизнь, ты бы потеряла и его, и себя, снизив свою ценность как личности, как женщины, и лишив его возможности побороться за тебя, за вас и ваше будущее. Ты все правильно сделала, хоть и не понимала тогда, что именно делаешь. Жди. Какой бы выбор он ни сделал, жди.

Лиза ждала. Сначала каждый день ждала, что он позвонит и позовет, и хоть что-нибудь скажет, например, что был неправ. И не надо никаких извинений, пусть только «неправ» - и позовет. Потом она согласна уже была на просто «позовет», еще через несколько дней на просто «позвонит». А потом она перестала ждать и начала уговаривать себя, что прекрасно проживет и без него и со всем справится!

Таковыми вот малопродуктивными уговорами Лиза и занималась периодически, когда сильно накатывала тоска и жалость к себе, да и к нему, дураку такому упертому!

Но сегодня она твердо сказала себе, что думать о господине Протасове не будет! Сегодня

прекрасный семейный праздник, на который собрались все родные и куча близких друзей, солнышко припекает, птички поют, почки распустились, дорога практически пустая, ни одной пробки мало-мальской на пути – кра-со-та!

Лиза припарковала машину у ворот, не став заезжать на участок. Ее уже встречали. Первыми прибежали дети – семилетний Темка, тащивший за руку четырехлетнюю сестрицу Тасю, детки Кирилл и Мани, с ними еще трое ребят, внуки друзей дяди Андрея, а замыкал этот детский налет, нарочито степенно вышагивая, сводный брат Лизы, двенадцатилетний Назар.

- Лиза! – радостным хором орали малыши.

Лиза со всеми мелкими обнялась, всех расцеловала и принялась доставать и раздавать из багажника сладости и подарки – под счастливые возгласы малышни, тут же побежавшей хвастаться взрослым.

- Назарчик! – прижала к себе Лиза брата, постояла, закрыв глаза, пораскачивалась от радости встречи, вдыхая его родной запах, и поцеловала в макушку. – Привет, братишка!

- Привет, сестрица! – в тон ей поприветствовал он и начал выбираться из ее объятий. – Хорош обниматься, а то застукают! – весело бурчал он. – Я и так тебе многое позволяю!

Это правда, с недавних пор Назар пресекал любые нежности, даже от матери родной, единственное исключение делал только для Лизы, и то так, понемногу, без фанатизма.

- Я тебе тоже подарок привезла, – выпуская его из объятий и успев еще разок чмокнуть в макушку, сказала она. – Помнишь, обсуждали фильм этот по комиксам?

- Да ты что? – восторженно воскликнул братишка. – Он же еще на дисках не вышел, и в прокате почти не шел!

- А я вот для тебя нашла, – похвалилась Лиза и достала из сумки диск в упаковке.

- О, сестрин, класс!

- Балуй, балуй нам ребенка, потом родители с ним совсем не совладают, – улыбаясь, сказал Григорий Антонович, подходя к дочери.

- А вы Лизавету позовите, она вам поможет, – скривил шkodную рожицу Назарчик, помахал диском и быстренько «свинтил».

- Привет, дочь, – обнял и прижал ее к себе папа.

- Привет, папуль, – обняла она его, прижалась, прикрывая глаза и вдыхая знакомый родной запах. – Ум-м-м. Соскучилась.

- Я тоже, – поцеловал ее в волосы папа и погладил по спине.

- И я, – подошла к ним Надя и обняла их обоих сразу.

- А именинника? – потребовал ее внимания к себе дядя Андрей.

- А как же! – Лиза попала в его объятия. – С днем рождения! Ура!

- Хорош тут обниматься, – присоединился к ним Кирилл. – Там у нас важный момент настал.

- Что, утиный пирог? - усмехнулась Лиза.

- А то! - пояснил дядя Андрей и поторопил: - А ну, давайте-ка все за стол, тебя, пигалица, ведь только и ждали. Давайте, давайте, потом подарок вручишь, а то от матери нам влетит!

Пирог получился классный, но... но все равно не то! А тут как раз подоспело время для второго традиционного шашлыка, о котором Лиза совершенно забыла. Дело в том, что Лизавета практически не ела мяса, не любила, зато обожала всякую рыбу и морепродукты. Вся семья об этом, понятное дело, знала, и именно из-за нее стало традицией делать на таких вот праздниках и застольях сначала мясной шашлык, а второй порцией - рыбный. Лиза это дело особенно уважала и могла запросто слупить пару шампуров.

И когда «освежали» стол перед вторым заходом горячего, когда она здоровалась и разговаривала со всеми гостями, поменявшийся ветерок вдруг донес до нее запах жарящейся рыбы. Лиза вдохнула, побледнела и, что-то пролопотав невразумительное, быстренько побежала в дом.

Промчавшись мимо кухни, добежала до туалета, еле-еле успела откинуть крышку унитаза и вывернула ему всю душу.

- Лиза, что случилось? - заглянула в распахнутую дверь ванной комнаты обеспокоенная Маня. - Тебе плохо?

- Нет, Маня, мне хорошо! - уверила ее Лиза и повторила тесное душевное общение с унитазом.

Потом обессиленно отползла к умывальнику и принялась полоскать рот.

- Господи, Лизок, ты чем так отравилась-то? - расстроилась Маня и, сочувствуя, принялась гладить ее по спине. И вдруг рука невестки замерла, и Маня спросила ошарашенно: - Лиз, ты что, беременна?

Лиза не ответила, закрыла кран, вытерла лицо полотенцем, повесила его на сушилку и медленно повернулась к невестке.

- Значит, беременна, - выдохнула Маня утвердительно.

- Только не говори Кириллу, - недовольно предупредила Лиза.

- Знаешь, это такая вещь, которую вряд ли можно скрыть, - усмехнулась Маня и вдруг сделалась серьезной: - Если, конечно, ты не собираешься...

- Не собираюсь, - перебила ее резковато Лиза, - даже вслух не произноси.

- В таком случае он рано или поздно об этом узнает, как и все остальные, - резонно заметила Маня.

- Вот и пусть это произойдет как можно позднее, - проворчала Лиза.

- Лиз, - своим обычным спокойным, ровным и чуть насмешливым тоном произнесла Маня. - Если ты так будешь бегать к унитазу, то к вечеру это еще сегодня перестанет быть тайной для всех. Лучше сказать Кириллу сейчас.

- Что лучше сказать мне сейчас? - спросил Кирилл, входя к ним в ванную комнату. - И что вы тут застряли? Лиза, там уже твой шашлык готов, на стол вынесли. Меня за вами отправили.

- Ум-м-м, - застонала Лизавета, кинулась к умывальнику и принялась полоскать рот для профилактики подкатившей к горлу тошноты.
- Так, и что происходит? - строго спросил у барышень Потапов.
- Лиза беременна, - сдала Лизавету Маня.
- Лиза - что? - переспросил ее муж.
- Я же просила, - простонала Лиза, посмотрев укоризненно на Маняшу.
- Беременна, - спокойно повторила Маня.
- Так! - ошарашенно заявил Кирилл и повторил: - Та-а-к! - Посмотрел на сестрицу внимательно и попытался что-то спросить, но она, резко хлопнув по ручке крана, закрывая воду, отрезала:
- Это точно. Есть еще какие-нибудь дурацкие мужские вопросы?
- Да, есть. Кто отец ребенка? - требовательно спросил он.
- Кирюш, только не надо включать строгого старшего брата, - попросила, слегка скривившись, Лиза.
- А я и есть твой старший брат, если ты забыла. И в вопросах, касающихся твоей жизни, очень строгий.
- Вот поэтому я тебя и просила пока не говорить ему, - попеняла еще раз Лиза Мане.
- А мне тоже интересно, кто же у нас отец? - проигнорировав напрочь ее недовольство, присоединилась к мужу Маня.
- Какая разница! - заводилась Лиза, раздражаясь на этих двоих все больше. - Ребенок мой, и этого факта вполне для всех достаточно.
- Нет, недостаточно! - разошелся в заботе братец. - Он что, отказывается от ребенка? Жениться отказывается? Он тебя обидел? Кто он вообще такой? И почему ты с кем-то встречаешься, а мы не знаем?
- Может, потому, что это мое личное дело? - с преувеличенным сарказмом спросила Лиза, изобразив наивность на лице.
- У тебя будет ребенок, и теперь это уже не твое личное дело, а дело семьи! - заявил Кирилл, в ответ заводясь все больше и больше. - Скажи мне, кто он, я хотел бы поговорить с этим человеком!
- Ну, ты этого хотела? - спросила возмущенно Лиза у невестки.
- Я же сказала: мне тоже интересно, - спокойно пожала плечами Маня и спросила: - Так кто он?
- Протасов! - выдала вынужденное признание Лиза. - Протасов отец этого ребенка! Вы довольны?
- О!.. Как! - отдельно произнося с нажимом слова, воскликнула Маня.

- Кто-о-о? - потерялся Кирилл. - Но вы же... ты же... - он растерянно смотрел на сестру. - Тогда же... и вообще... Как? Когда? Вы же разругались, и мы тогда уехали... - и вдруг выражение его лица начало меняться, освещаясь некой догадкой: - Постой, это ты к нему тогда с юбилея дедова умотала?

- Ну, он позвонил и попросил приехать, поговорить, - пожала плечами Лиза.

- Какой у тебя срок? - спросила Маня.

- Шесть недель, - призналась Лиза.

- Значит, разговор у вас вышел весьма продуктивный, - язвительно заметила Маня.

- Глеб знает о ребенке? - потребовал ответа Кирилл.

- Нет. И я бы попросила вас обоих, а особенно тебя, Кирилл, не говорить ему, - заявила Лиза.

- Лиза, - вкрадчиво, без какого-либо нажима обратился к ней брат. - Ты хотя бы понимаешь, что может значить для него этот ребенок? Ты понимаешь, что это для Глеба в его ситуации?

- Отчетливо! - заверила Лизавета. - Два варианта: он зарекся не иметь детей больше никогда и станет настаивать, чтобы я избавилась от ребенка, да еще решит, что я его предала и подло с ним поступила. И второй, ровно противоположный: чрезмерная радость и опека, станет носиться с этой беременностью, как ненормальный. Женщину в этой ситуации он будет воспринимать как носителя его дитя, и никаких иных отношений, даже секса. А зачем? Есть только ребенок, к тому же, не дай Бог, это ему навредит. А уж когда ребенок родится, сумасшедший папаша вообще сдвинется на безопасности малыша. Меня не устраивает ни один из этих вариантов.

- Ну, зачем ты так, - попенял ей брат. - Глеб же не сумасшедший.

- А по-твоему, он нормальный? - разведя ладони в стороны, покрутила головой Лиза. - Бросить любимую работу, отказаться от своего таланта, сбежать от жизни и людей в «медвежий угол» и засесть на своем чертовом хуторе, как главный гриб в грибнице, ломом его оттуда не выковыряешь! Это нормально?

- Но он же последнее время... - начал было что-то говорить Кирилл, но Маня остановила его, дернув за руку незаметно для сестры.

- Что последнее время? - переспросила Лиза.

- Я хотел сказать, - Кирилл посмотрел на жену и снова на Лизу. - Он сильно изменился за последнее время, вон с тобой поговорил, кхм, - кашлянул он, сообразив, что сказал. - Я имею в виду, вы же не только... вы ж, наверное, и разговаривали...

- Угу, - саркастически подтвердила Лиза и добавила: - И на лошадках катались.

- Ну вот, - обрадовался Кирюха. - И с нами он стал общаться, и смеяться начал и всякие другие изменения.

- Так, - строго прервала его Лиза. - Я прошу и требую от вас обоих: вы ничего не скажете Протасову про мою беременность. А остальным не скажете, кто отец моего ребенка. Позвольте мне самой разбираться со своей жизнью.

- Я не скажу, - тут же пообещала Маня. - Ужасно интересно будет посмотреть, как именно ты станешь разбираться со своей жизнью.

- Да, а кстати, что ты собираешься делать? - встрепенулся поутихший было братец.

- Первомайские праздники провести на вашей даче. Вы меня приглашали, - начала перечислять Лиза. - Работать и жить. В июле у меня отпуск, полечу в Аргентину. Хочется, знаете ли, покатать ребенка по местам боевой славы отца, пусть и в животе у матери.

- Это очень длинный перелет, и это опасно для ребенка, - предупредила Маня.

- Да? - переспросила Лиза и тут же предложила другой вариант: - Тогда поближе - в Европу, в Испанию, скажем.

- Я не про это спрашиваю, - разнервничался Потапов. - Я спрашиваю, что ты собираешься делать с Протасовым?

- Мне казалось, что все, что могли, мы уже с ним сделали, - съязвила Лиза.

- А ты понимаешь, что будет, когда он узнает о твоей беременности? - вкрадчиво поинтересовалась Маня.

- Ничего не будет, - буркнула Лиза.

- Да? - усмехнулась Маня. - С удовольствием посмотрю.

Ни в какую Европу, Испанию или другие какие страны завлекательные Лиза не поехала - вот уже четыре месяца у нее продолжался токсикоз, сильно осложнивший жизнь. Насильственным экспериментальным путем выяснилось, что рвотный рефлекс у нее вызывает не только запах рыбы, но и чеснока, лука, жареных семечек и - самый тяжелый случай - любая молочка.

В результате, выйдя в отпуск, она провела десять дней на даче у Мани с Кириллом, после чего планировался ее переезд к бабушке с дедом на следующие десять дней.

Разумеется, вся родня уже была в курсе ее положения, но им не удалось так же легко, как Мане с Кириллом, вырвать из нее признание, кто отец ребенка. Поскандалили, повозмущались хором, особенно мужская половина семьи, но Лиза напомнила им, что ей нельзя волноваться, а Кирилл уверил, что постарается разобраться с этим вопросом лично, и от Лизаветы отстали. Хотя Надя, засылаемая папой выведать у доченьки имя злодея, так и не появившегося на горизонте, примерно раз в неделю устраивала Лизе мягкие допросы. Кто отец ее ребенка, знали только Маня с Кириллом и, разумеется, бабушка.

Пошел уже третий день ее отпуска, и Лиза блаженствовала, тихонько раскачиваясь в гамаке, смакуя по одной ягодке малину, которую предварительно насобирала в большую пиалу, щурилась от солнечных лучиков, пробивавшихся сквозь листву, и глубоко вдыхала воздух, наполненный хвойным ароматом.

И ни о чем не думала! Вот это отдых!

Какая там Европа с Аргентиной! Средняя полоса России, жара, ягоды, зелень с грядки, ленивые деньки, песни из приемника и бодрые голоса парящихся в студии радиоведущих, веселые крики ребятни, доносящиеся с озера, сумасшедшие соловьи по утрам, запах нагретой

хвои, неторопливые обеды в беседке – умиротворение и благодать. А для ребенка вообще – рай!

Вот на этом месте размышлений благодать Лизавету покинула, подсунув неприятное воспоминание. В четверг, перед тем как ехать на дачу, Лиза договорилась с Маней встретиться где-то в городе, чтобы забрать у нее ключи от дома и ворот. Постоянно помня про Лизин токсикоз, выбрали подходящее местечко, одну из самых дорогих кофеен. Лизе очень нравился запах готовящегося кофе и горячей сладкой сдобы, который благотворно действовал на ее самочувствие и нервы.

К кафе они подошли практически одновременно, поздоровались, расцеловались, зашли, метрдотель показал им несколько свободных столиков. Выбрали тот, что им понравился, и направились к нему.

- Маша? – спросил вдруг неожиданно кто-то сзади.

Лиза с Маней обернулись и увидели Ольгу, бывшую жену Протасова. Лиза отчего-то тут же напряглась и зажалась внутренне.

- Привет, – поздоровалась, подходя к ним, Ольга.

А Маня с Лизой совершенно неприлично и невоспитанно уставились на ее большой беременный живот. Она усмехнулась их удивлению и сделала вид, что только сейчас заметила Лизу.

- Лиза, кажется? – спросила она надменным снисходительным тоном.

- Привет, Оль, – ответила Маня и представила невестку: – Да, это Лиза, сестра Кирилла. Как поживаешь, Оля? – постаралась она тут же отвлечь от Лизы внимание этой женщины. – Впрочем, очевидно, что неплохо, – указала она на ее беременность.

- Да, – довольно вздохнула Ольга и положила руку на свой живот. – Жизнь продолжается. Я снова вышла замуж, он богатый человек, к тому же занимает высокий пост, ждем ребенка, снова девочка будет. В общем, я счастлива.

- Молодец, – совершенно искренне порадовалась за нее Маня.

- Да, у меня все хорошо, я справилась с горем, – подтвердила еще раз Ольга и продолжила пренебрежительным тоном: – Зато Протасов, я слышала, все бросил, забился в какую-то глухомань, спрятался ото всех и ни с кем не общается. Говорят, совсем с ума сошел, – она посмотрела на Лизу и неожиданно зло улыбнулась: – Ну что, не достался он тебе, танцулька? Уполз в нору? Вот пусть там и сидит, так ему и надо.

Лиза инстинктивно прикрыла живот рукой, защищая своего ребенка от ее злобы, но Ольга не обратила внимания на этот ее произвольный жест и ничего не поняла. Торжествовала, наверное.

- Идем, Лиза, – подхватила под локоть и потянула Лизу Маня, сдержанно попрощавшись: – Всего хорошего, Оля.

- Спасибо, – змеей подкольной улыбнулась та и двинулась к выходу.

- Еще когда она билась в суде за каждую копейку, требуя себе все подряд, я никак не могла понять, за что она так его ненавидит? – сказала Маня, усаживаясь за столик.

- Как за что? - села рядом Лиза и посмотрела вслед Ольге. - За свои грехи и ошибки, за то, в чем чувствует себя виноватой: в смерти Алисы.

- А что она там сказала про танцуюлку? - напомнила Маня.

- А-а, это, - грустно улыбнулась Лиза. - Когда мы с Глебом первый раз танцевали на юбилее Кирилла, она единственная все поняла про нас.

- Да? - задумчиво протянула Маня. - А я только заподозрила, что у вас какие-то непростые чувства, и то только во второй раз, тогда на твоём вечере. Ну, ладно, что будем заказывать?

На Лизу эта встреча произвела сильное впечатление, хоть она и постаралась не показать этого Мане. Невестка при всей её мудрости и умении расщелкивать людей и житейские ситуации, иногда просто отмахивается от каких-то событий, считая, что они касаются уже прошедших переживаний и нечего их мусолить заново. Ну что им всем эта Ольга? Была и давным-давно её нет в их компании и жизни, и зачем на неё обращать внимание, и уж тем более слушать, что она несет! Все. Этот человек уже давно не из нашего пространства - забыли, идем дальше! Надо с насущными делами и проблемами разбираться.

Конечно, это здоровая и очень разумная жизненная позиция, а вот Лизу зацепило! Да еще как! Во-первых, она почувствовала некую угрозу, исходящую от этой женщины, а во-вторых, ей стало очень обидно за Протасова, как-то даже захотелось его защитить и наговорить этой Ольге всяких гадостей в ответ, чтобы стереть её ядовитую улыбочку. Ведь мизинца его не стоит, моделька недоделанная, а выступать берется, судить!

От мерного покачивания в гамаке, думая-вспоминая, Лиза начала подремывать, потихоньку расслабляясь... Какая-то тень прикрыла её лицо от солнечных лучиков - о, вот так совсем хорошо! Пусть так и остается...

- Привет, - услышала она совершенно неожиданный и невозможный тут знакомый голос.

Первые несколько мгновений Лизе казалось, что он ей приснился, что она уже не дремлет, а заснула, думая о нём, вот он и снится, не может же его быть здесь на самом деле! Но, моргнув пару раз, поняла, что это действительно он. Протасов стоял рядом с гамаком против света, и она видела только его силуэт, подсвеченный солнечными лучами, и не могла разобрать выражение его лица.

- Ты выглядишь очень удивленной, - усмехнулся он.

- Не только выгляжу, - уверила Лиза, чувствуя как заполошно заколотилось, помчалось куда-то сердце, и спросила: - Это действительно ты? Ты как тут образовался?

- На птице-тройке под названием джип, - усмехнулся он.

- Я не про трансферт, а вообще, - покрутила она неопределенно ладонью в воздухе. Но он понял.

- Я снова выхожу в свет, - чуть склонив голову, сообщил Глеб.

- Сюда? - она посмотрела вокруг и обвела пространство рукой. - На дачу?

- И сюда тоже, - подтвердил Протасов и сообщил цель своего визита: - Мне надо с тобой

посоветоваться, вот я и узнал у Кирилла, где тебя можно найти.

- Со мной? Посоветоваться? - Лиза приложила ладошку к груди, где колотилось ее глупое сердце.

- С тобой, - кивнул он.

Лиза помолчала, пытаясь разобрать выражение его лица, и со всей серьезностью спросила:

- Виноват ли штуцер в поломке механизма?

- Нет, - легко рассмеялся Протасов. - В более важном вопросе. Надо только подъехать в одно место, не очень далеко. Ты можешь?

И тут Лиза опомнилась, словно все это время находилась под гипнозом, и сразу запаниковала. Она была на пятом месяце беременности, талия постепенно исчезала, и животик уже вполне определенно стал заметен и округлился. Ну, если не присматриваться, то можно было бы еще решить, что она просто поправилась. Правда, Лиза так любила этого ребенка и так его ждала, что уж пару месяцев как начала покупать и носить просторные наряды, посмеиваясь сама над собой и понимая, что таким образом поторапливает события.

Сейчас она была прикрыта легкой махровой простыней, на животе лежала раскрытая книжка, маскируя беременность, а вот если она встанет, он вполне может заметить некие изменения в ее теле. Но Глеб протянул Лизе руку и спросил еще раз:

- Так ты сможешь поехать со мной? Или у тебя какие-то планы на сегодня?

- Планов нет, но надо пообедать, - приняла его руку и помощь Лиза и решительно поднялась, прихватив с собой и простыню, и книжку, надежно прикрывшись ими.

- Если придется готовить, то лучше поедим по дороге, я тут видел вроде бы неплохой ресторанчик, - предложил план Протасов.

Поднявшись, Лиза неожиданно оказалась так близко к нему, что сразу же ощутила его запах и близко увидела его лицо, покрытое легким загаром, и небольшие морщинки в уголках глаз, и эти ироничные губы, и пронизательные светло-серые глаза...

- Дыши, - шепотом сказал он, заглядывая в ее глаза, словно околдовывая.

И она вспомнила, как это делается, и выдохнула, и сразу отстранилась от него.

- Готовить не надо, - строгим голосом сообщила Лиза и предложила: - Пообедаешь со мной? Правда, у меня очень простая еда: гречневая каша с грибами и свежие огурцы.

- Роскошная, - продолжал усмехаться Протасов.

Ели они быстро и мало говорили: обменялись дежурными замечаниями о погоде, о том, какое выдалось жаркое лето, о загородных пробках, о Крыме и как, наверное, классно там сейчас... И все это время Лиза ужасно нервничала и чувствовала, как ее поколачивает, и старалась незаметно рассматривать Глеба, и изнывала внутри, понимая, как сильно по нему соскучилась! Но, слава богу, этот обед закончился, и, сложив посуду в мойку, решив, что потом помоеет, она пошла переодеваться. А, оказавшись в своей комнате, рухнула в кресло, прикрыла глаза рукой и перевела, наконец, дух, и принялась думать, что бы такое надеть, чтоб скрыть свое

положение.

Остановила выбор на легких бриджах и тонкой широкой блузе без рукавов, как нельзя лучше скрывавшей все, что требовалось, а для пущей конспирации прихватила еще и большую сумку, которую повесила на плечо, закрываясь ею, как щитом.

Лиза не обращала внимания и не замечала, куда и как они едут, старалась поддерживать светскую беседу, улыбалась и не могла оторвать от него глаз, все смотрела и смотрела на его руки, движения, выражение его лица и тонула в нем погибельно...

Глеб рассказывал про Веру с Колей, про их мальчишек, проводящих каникулы на хуторе, про Витя и его подопечных, про то, что Зорька носит жеребенка, а Малыш ее опекает и охраняет, и они все ужасно за нее волнуются, о том, что вытворила Лишайка, и о погоревшем от жары урожае клубники... Говорил и не слушал сам себя, и смотрел на Лизу, и понимал, как сильно, мучительно по ней истосковался и соскучился.

Четыре месяца! Они не виделись четыре месяца!

Ему нестерпимо хотелось обнять ее, прижать к себе сильно и зацеловать до головокружения, и больше не отпускать, и... и он останавливал свои фантазии, возвращаясь в действительность.

Лиза сообразила, что они проехали уже больше часа, когда зазвонил ее смартфон, - звонила ее коллега. Пока она разговаривала, то все пыталась рассмотреть дорожные указатели и хоть приблизительно сообразить, куда вообще они едут, но так ничего и не поняла.

- А куда мы едем? - спросила она у Глеба, закончив разговор по телефону.

- Почти приехали, - ушел от прямого ответа он.

Они свернули на неширокую, но добротную дорогу, которую скоро преградили шлагбаум и будка охранника. Протасов показал сторожу какую-то бумагу, сторож рысцой вернулся в будку и открыл им шлагбаум, пропуская на территорию.

Лиза почему-то не стала задавать вопросов, она рассматривала участки и дома за заборами, мимо которых они проезжали. Надо заметить, весьма недешевые домишки, ни одного захудалого или простенького, сплошь индивидуальные проекты - один вычурней другого, и участки с вылизанными ровными газонами, цветниками, искусственными озерами и полным набором загородной недешевой жизни.

Проехав до конца улицы, они свернули направо и попали еще на одну улицу, тянущуюся намного дальше первой, и остановились возле ворот одного из участков.

- Приехали, - выключая мотор, сообщил Протасов.

И быстро вышел из машины, обошел ее и, открыв дверцу, протянул Лизе руку. Она тут же повесила на правое плечо сумку, надежно прикрыв животик, оперлась на предложенную руку и выбралась из машины.

- Ну, что, идем? - Глеб достал связку ключей и, к немалому удивлению Лизы, принялся отпирать калитку.

- Мы вламываемся в частные владения или хозяева так тебе доверяют? - не удержалась и спросила она.

- Скорее, последнее, - снова уйдя от прямого ответа, усмехнулся он и распахнул перед ней калитку: - Проходи.

Осматриваясь по сторонам, Лиза вошла на участок. От калитки мощенная плиткой дорожка вела к большому трехэтажному дому. Разные уровни крыши, покрытой черепицей, создавали впечатление прикрепленных к основному зданию разнокалиберных огромных скворечников, большой четырехгранный эркер впереди фасада, тянущийся на два этажа, окна на разных высотах - ну такой... дизайн.

- Давай по участку пройдемся, - предложил Глеб.

- Цель нашей экскурсии? - спросила Лиза.

- Осмотреть дом и участок, - пояснил он. - Смотри, участок достаточно большой, есть и баня с пристройкой для гостей и даже хоздвор, на нем многое можно устроить. Идем, покажу: тут в конце участка есть такая зона, где можно построить большое капитальное здание.

- Для чего? - спросила Лиза.

Она боялась даже надеяться на то, что ей подумалось: неужели он собирается покупать этот участок и дом? Но зачем? И зачем привез ее сюда? Неужели...

- Например, для конюшни, - уклончиво ответил Глеб. - Здесь есть неплохой сад, сейчас покажу тебе, и грядки огородные.

- Протасов, - не выдержала Лиза, - ты что, собираешься купить этот участок?

- Не совсем, - снова улизнул он от ясного ответа и тут же спросил: - Пойдем дом посмотрим?

- Не хочу я смотреть дом, - отказалась она недовольно и потребовала: - Объясни мне, зачем ты меня сюда привез, и вообще, что все это значит?

- Я объясню обязательно, но чуть позже, - пообещал Протасов. - Мне нужно твое непредвзятое мнение, мнение человека, который просто рассматривает участок, - и деловым тоном закончил: - Ладно, в общем и целом мы все посмотрели. Поехали дальше.

- Еще дальше? - переспросила Лиза, совсем уже ничего не понимая.

- Тут недалеко, - в ставшей за сегодняшний день обычной, ничего не объясняющей манере пообещал он.

- Так же недалеко, как и сюда, часика полтора? - язвительно поинтересовалась Лиза.

- Нет, - рассмеялся Протасов. - Гораздо ближе.

Они снова сели в машину и поехали, а Лиза разволновалась еще пуще, почему-то только сейчас в полной мере осознав, что Глеб вообще-то приехал к ней, - неважно, пусть и за каким-то непонятным делом, но приехал!

К ней! За каким-то делом!

- Боже, Протасов! - не удержалась она. - Я только сейчас поняла до конца, что ты выбрался со своего хутора и ничего, жив, и даже где-то весел!

- Да, в жизни происходят перемены, - рассмеялся он.
- Так что случилось, что ты вдруг в люди вышел? - допытывалась Лиза.
- Я же обещал, что все объясню, только чуть позже, - ответил он.
- Знаешь, как-тостораживает и напрягает твоя таинственность, - проворчала Лиза.
- Потерпи еще немного, - улыбался он. - И кстати, мы уже приехали.

Они ехали вдоль какого-то лесного массива, огороженного очень высоким забором, и подъехали к распахнутым большим воротам и перекрывающему въезд очередному шлагбауму с очередной будкой и очередным же охранником в ней. Но этот сторож почему-то ничего проверить не стал, а сразу поднял шлагбаум.

А вот этот дачный поселок оказался куда как интереснее - дома здесь встречались разные, были и совсем старые, еще довоенной постройки, Лизе всегда такие нравились. Проезжали они и современные коттеджи, и дома посolidней. Весь поселок утопал в зелени - старые ели и сосны перемешивались с лиственными деревьями и кустами, а за участками начинался лес.

Особенных подробностей Лиза не успела рассмотреть, потому что они проехали только по одной улице до самого ее конца, и остановились у последнего участка. Из-за высокого забора она смогла рассмотреть лишь половину второго и третий этажи дома и поднимающиеся верхушки деревьев.

- Идем? - открыл ей дверцу Протасов и протянул руку.

Лиза про конспирацию помнила четко, тут же закинула сумку на правое плечо и приняла галантную помощь. Глеб открыл калитку, распахнул, пропуская даму вперед.

- Прошу!

Лиза увидела дом. Он стоял не прямо напротив входа, а как бы смещенный влево, построенный в стиле старинной русской усадьбы: колонны у парадного входа и открытый широкой балкон на втором этаже, опирающийся на них.

Лиза застыла на месте, пораженная до глубины души неожиданным мгновенным пониманием: «Мой дом!»

- Ну, что, - выдернул ее из этого непонятного момента Протасов, - пойдём, покажу тебе участок?

- А можно сначала дом посмотреть? - поинтересовалась Лиза.

- Конечно, - ответил он и, подхватив ее под локоток, повел по дорожке ко входу. - Он, конечно, несколько великоват, но мне это даже нравится.

Глеб отпер дверь, распахнул перед Лизой и сделал приглашающий жест рукой, пропуская ее вперед, и продолжил пояснения:

- Здесь нет никакой мебели и обстановки, потому что тут никто еще не жил. Бывшие хозяева полностью завершили строительство, внутреннюю отделку и все работы как в доме так и на участке, но развелись и принялись делить имущество.

Глеба незаметно занесло в технические детали качества строительства, которые он с удовольствием объяснял, Лиза слушала вполуха, рассматривая помещение за помещением, но понимая, что это важно, – то, что он объясняет. Так они поднялись на второй этаж. И здесь Протасов технический обзор закончил и предложил:

- Пошли сразу на третий. Я хочу показать тебе одну комнату.

- Ну, пошли, загадочный ты наш, – вздохнула Лиза.

Они поднялись еще на один пролет по широкой лестнице, которая Лизе очень понравилась.

Просторная, очень светлая комната, метров двадцать пять, высокие потолки, два больших окна на одну сторону. Лиза подошла к одному из них и ахнула, такой красоты вид открывался отсюда.

- Вот именно это я и хотел тебе показать, – сказал Глеб.

- Чудесный вид, – согласилась Лиза.

- Этот поселок считается самым дорогим в округе, потому что самый экологически чистый. Я проверял. Достал карты геологических исследований всего района, метеорологические, розу ветров просмотрел. Выяснил у компетентных людей, что в этом районе вообще никогда не было никаких сбросов и захоронений вредных отходов. И речка тут есть очень чистая, в нее тоже ничего не скидывают и не сливают по всей протяженности. Здесь на самом деле очень хорошая экологическая обстановка. К тому же поселок этот довольно старый, с историей, здесь раньше были дачи высокопоставленных советских чиновников, кое-какие из них до сих пор стоят.

- А в том поселке, который мы первый смотрели? – повернулась к нему Лиза.

Она уже чувствовала и понимала, к чему он ведет, и вообще к чему все эти экскурсии и его внезапное появление. И расстраивалась все больше и больше, чувствуя, как утекает из нее радость, которая, как выяснилось, поселилась в душе, как только она его увидела.

- Там тоже все хорошо с экологией, но нет речки рядом или другого водоема.

- Понятно, – сдержанно кивнула она.

- А здесь, смотри, – это последний участок на линии, а за ним начинается небольшой луг. И я узнал, что его можно выкупить, и там отлично встанет хорошая конюшня...

- Протасов, – перебила его Лиза, – зачем ты мне это все показываешь и про экологию рассказываешь? Ты что, собрался покупать новый участок с домом и выбраться со своего хутора?

Он замолчал, перестал улыбаться, засунул руки в карманы и посмотрел на нее со странным выражением:

- Да. Многое изменилось в моей жизни, и произошло нечто важное.

- Так, – холодно отчеканила Лиза и прижала посильней сумку к боку, словно защищаясь. – Понятно. Кирилл все-таки проболтался.

- Что? – переспросил Глеб. – Проболтался? – покрутил недовольно головой и потер затылок

своим фирменным протасовским жестом. – Я же просил его тебе ничего не говорить.

– Ты? – не поняла Лиза и уточнила: – Что ты просил его не говорить?

– Ну, теперь уж... – пожал он плечами и посмотрел ей в глаза. – Через две недели я выхожу на новую работу.

– Что-о-о? – обалдела Лиза. – Ничего себе!

– Да, я тоже так подумал, – саркастически усмехнулся Протасов.

– Господи, Глеб, это же здорово! – восторгалась Лиза, засияв улыбкой. – И что это за работа?

– Ну-у, в одном из предприятий Роскосмоса.

– Да ты что! – радовалась она.

– Конечно, не главным инженером, но начальником большого отдела. Это инженерный отдел, занимающийся конкретно внедрением и разработкой, и, кстати, должность даже поответственной и повыше будет моей прежней, хоть и звучит менее пафосно, – отчего-то немного смущаясь, объяснял Протасов.

– Но это же просто замечательно! – и Лиза немедленно потребовала: – Расскажи еще про эту работу!

– Ну, производство находится недалеко отсюда, в часе езды, если учесть, что здесь пробок вообще не бывает, то считай, приятная прогулка. Вот поэтому и помня твой совет, – он усмехнулся, – я и подыскиваю участок с домом, чтобы переехать со всем моим «новым ковчегом». – И вдруг оживился, вспомнив что-то, глаза засияли. – Лизка, они там такое делают! Новый двигатель разрабатывают, совершенно фантастический, ничего подобного в мире не существует! Это не просто следующее поколение, это качественный скачок! Я смотрел некоторые наработки, к которым у меня уже есть допуск, я просто балдел! Это такая офигенная вещь!

– Здорово, – любуясь его вдохновенностью и энтузиазмом, поддержала она. – И давно ты решил вернуться к работе?

– Давно, – признался Глеб. – Приехал к Ивану Константиновичу, мы с ним проговорили ночь, а утром он отправился совещаться с товарищами из министерства. И досовещались они до Роскосмоса. Там у них несколько месяцев назад, после неудачи с ракетоносителем, сменилось все руководство, новая концепция разработана, все под контролем президента. Как ты сказала: «Умище-то куда не денешь», а им мое умище весьма нужным оказалось. Пришлось мне сначала подтверждать квалификацию, потом началась учеба по специфике производства, она и сейчас продолжается. Но это все несложно, я науку не забрасывал, выписывал всю необходимую периодику, да и Интернет у меня бесперебойный был. Так что...

– Глеб! – Лиза прижала ладошки к груди. – Я так за тебя рада! Так рада! Это просто не знаю как замечательно, что ты вернулся к нормальной жизни! Это очень, очень здорово!

– Постой, – вдруг перестал улыбаться Протасов, что-то там сообразив, – Кирилл тебе об этом не рассказывал, ведь так?

– Э-э... нет, – призналась Лизавета, поняв, к чему дело идет.

- И не только я, но и ты просила его о чем-то мне не говорить? - продолжил допрос Протасов со всей серьезностью. - О чем?
- Слушай, а Витяй согласен переезжать? - предприняла она попытку свинтить с темы.
- Согласен, - отговорился быстро Глеб и строгим голосом повторил вопрос: - Лиза, что-то происходит у тебя и ты не хочешь, чтобы я об этом знал?
- Не совсем так... - промямлила она, даже не понимая, как она может ему это сказать? Вот так прямо бухнуть, и привет?
- Лиза! - потребовал Протасов.
- Да подожди ты! - раздраженно махнула она на него руками.
- И отошла от окна и от Протасова на несколько шагов в центр комнаты. Она не понимала до конца его замыслов и планов и вообще привыкла за эти месяцы не ждать его появления. Ну, может, совсем чуть-чуть, все-таки она его и ждала, и верила в него, в его силу воли и разумность, но уже настроилась на одиночество и жизнь без него, а тут он, как ком с горы, и все так стремительно и неожиданно меняется!
- Зачем ты меня сюда привез, Протасов? - спросила она, широко обведя руками пространство вокруг себя. - Для чего тебе надо, чтобы я тут что-то смотрела?
- По-моему, это очевидно, - шагнул он было к ней, но Лиза остановила его решительным жестом.
- А мне вот не очевидно.
- Я собираюсь перебраться поближе к работе и надеюсь, что ты будешь жить со мной, - объяснил Глеб ровным четким тоном.
- Это такое твое предложение, что ли? - не выказала она немедленной радости, а ровно наоборот. - То есть ты меня не спросил, ничего не сказал, не объяснил, а сразу привез дома с участками смотреть?
- Да, - подтвердил он. - А почему нет? Мы должны жить вместе, по-моему, это ясно без всяких объяснений.
- А вот я не знаю, - развела она руки в стороны, усиливая свои слова. - От тебя ни духу ни слуху не было целых четыре месяца, и вдруг появляется такой принц на птице-тройке джипе и с уверенностью носорога заявляет, что мы должны жить вместе. А почему, можно спросить?
- Лиза, это понятно нам обоим, непонятно только, к чему ты начала этот разговор... - он вдруг замолчал, подумав какую-то мысль, от которой изменился в лице и начал бледнеть, и сделал еще шаг к ней, севшим в мгновение голосом, внимательно всматриваясь в выражение ее лица, спросил: - Лиза, у тебя что-то случилось? Ты заболела? Что-то тяжелое? Ты об этом просила не говорить мне Кириллу?
- О, господи, нет, - уверила она его.

И в этот момент все ее сомнения, страхи и обиды, которые она и не осознавала, но испытывала все эти месяцы, перестали иметь какое бы то ни было значение! В тот момент, когда она

увидела и поняла, как он испугался за нее. Как смертельно он испугался за нее.

- Я не больна, - повторила Лиза и, выдохнув, призналась: - Я беременна.

- Что? - переспросил Протасов, не осознав вот так сразу то, что она сказала.

- У меня будет ребенок, я беременна, - пояснила более основательно и доходчиво Лиза с нажимом на каждом слове и тяжело вдохнула-выдохнула.

- У тебя будет ребенок? - потрясенным шепотом переспросил Глеб.

Она кивнула. А он вдруг резко отвернулся, шагнул назад к окну, сунул руки в карманы, стоял и смотрел за окно. И молчал. А она ждала и смотрела в его спину. Протасов снова резко развернулся и прошагал стремительно к ней, взял в ладони ее лицо, заглянул в глаза, и она увидела в его взгляде мучительные чувства - мучительные!

Он вдруг опустился на одно колено перед ней, медленно поднял подол ее широкой блузы и смотрел на ее округлившийся живот, а потом медленно и осторожно накрыл его своими большими ладонями.

- Понятно, - констатировала Лиза, смиренно вздохнув. - Второй вариант.

И подхватив одной рукой края блузы, опустила на его голову вторую руку и погладила по голове. Он наклонился и поцеловал ее в живот, и еще раз, и принялся торопливо расстегивать ее бриджи.

- Глеб, ты что делаешь? - поинтересовалась Лиза.

Он бросил свое занятие, рывком поднялся с колена, взял ее лицо в ладони и поцеловал. И Лиза забыла, о чем спрашивала, и все на свете забыла, пропадая в этом его поцелуе, оказавшемся несправедливо коротким, - он оторвался от ее губ и ответил на позабытый уже ею вопрос:

- Я тебя хочу! - и принялся торопливо тянуть вверх с нее блузку.

- Сейчас, здесь? - с нажимом спросила Лиза.

- Да, здесь и сейчас, - подтвердил он, уже стянув через ее голову блузку и кидая, не глядя, куда-то на пол. - Сейчас!

И прекратил дальнейшие разговоры проникновенным, затянувшимся поцелуем, который довел их обоих до страсти, и, ни о чем уже не думая, не заботясь и не замечая ничего вокруг, они рвались навстречу друг другу, торопливо срывая одежду и соединились, словно в рай перепрыгнули, и утонули друг в друге.

И даже в лишающей разума страсти он был осторожен и бережен с ней, и они оба это чувствовали, и это придавало таких необыкновенных красок их близости, что у обоих наворачивались чувственные слезы на глаза...

...Глеб перекатился с нее, но руку свою с животика Лизы так и не убрал. Они лежали опустошенные и оба улыбались...

- Второй вариант, - прошептала Лиза, не открывая глаз, и улыбнулась. - Правда, с большим приятным бонусом.

- Так какой участок тебе больше понравился? - спросил Глеб.
- Шутишь? - поинтересовалась Лиза. - По-моему, тут нет никакого иного выбора.
- Этот, - понял Глеб и расплылся в широкой улыбке, лег на бок, подперев голову рукой. - Я, когда первый раз увидел этот дом, сразу понял - он! Прямо в голове так и щелкнуло, что это наш дом. Но мне было интересно, понравится ли он тебе. Я ведь тебе еще не показал участок и остальные постройки. А конюшню мы точно отстроим.
- Слушай, а откуда ты деньги возьмешь его купить? - спросила озабоченно Лиза. - Ты же хутор свой еще не продал?
- Нет, но на продажу выставил с условием проживания до поздней осени, - сказал Глеб и провел кончиками пальцев по ее щеке. - Мы же насажали там всего, так что пока урожай не соберем, команда останется на хуторе. А деньги занял у дядь Вани и еще кое у кого. Но по цене получается практически так же, как хутор, только участок поменьше будет. Но лошадям конюшню и выезд сделаем обязательно.
- А зачем тебе целая конюшня на две лошади? - поинтересовалась Лиза.
- Уже на три, скоро у нас жеребенок будет, но жизнь не останавливается, как ты пыталась неоднократно до меня донести, посмотрим, что там дальше сложится. Но все это надо быстро решать, и покупку, и начало строительства, у меня всего две недели на обустройство есть, а потом работа начинается.
- Послушай! - вдруг дошло до Лизы. - Мы лежим с тобой голые на грязном наверняка полу и ведем чуть ли не светскую беседу! А если кто-то зайдет?
- Ну, не такой уж он и грязный, к тому же из качественного дуба паркет, а голый на нем лежу только я, тебя мы пристроили на мои брюки и футболку, правда, не помню как.
- Так надо встать, - совершенно справедливо заметила Лиза и не сделала ни одного движения в поддержку своего призыва.
- А про какой ты там второй вариант говорила? - так же не двинувшись, спросил Глеб. - Я что-то не понял.
- О-ох, - вздохнула Лиза - Когда Кирилл спросил, понимаю ли я, что может значить для тебя этот ребенок, я ответила, что есть только два варианта: либо ты, напуганный своей трагедией, зарекся иметь детей и потребуешь, чтобы я от него избавилась, либо станешь носить с ним, как сумасшедший, и трястись сверх всякой меры, и мамашу его станешь воспринимать лишь как объект, вынашивающий твоего ребенка. Ну, вот сейчас и выяснилось, что мы имеем вариант номер два. Правда, улучшенной модификации, с дополнением в виде потрясающего секса.
- Он наклонился к ней и поцеловал ее в живот, погладил его и пообещал:
- Я буду трястись над твоей беременностью, и носить с тобой, и переживать, и пугаться за тебя, в первую очередь. И трястись и носить с ребенком, когда он родится, и ужасно за него бояться, и стану совершенно ненормальным папашей, это точно, и по-другому я не смогу, поэтому привыкай к этому сразу.
- В таком случае радуется только одно, - усмехнулась Лиза. - Что большую часть времени ты

будешь проводить на работе, а в жаркие ночи и выходные твою чрезмерную опеку я уж как-нибудь потерплю.

- Подожди, это значит, что ты на все согласна? – внимательно всмотрелся в выражение ее лица Глеб.

- Расшифруй, что значит «все», – потребовала, смеясь, Лизавета.

- Все – это все, – твердо заявил Протасов и пояснил: – Это значит – абсолютно все.

- Ну, тогда я согласна, – расхохоталась Лиза.

- Ум-м-м, – простонал он, поняв, какую закрутил фразу, перекатился, лег сверху на нее, опираясь на локти, уперся лбом в ее лоб и, перейдя на серьезный тон, шепотом признался ей: – Я ходил в церковь. В нашу, сельскую. И разговаривал с бабушкой. Все утверждают, что он очень хороший и настоящий бабушка. Несколько раз беседовал с ним. Поставил свечи, как ты говорила, и молебен заказал, и заупокойную службу. Я рассказал ему про Алису, и мы долго с ним говорили, он многое мне объяснил, правда, не со всем, что он сказал, я согласен, но мне стало легче и светлее на душе. Я все еще оплакиваю ее и горюю, ты должна знать.

- И будешь горевать всю жизнь, и помнить ее, – тоже шепотом сказала Лиза. – Это часть твоей души, жизни, часть тебя. Но постепенно твоя горесть превратится в светлое чувство, и, когда ты станешь ее вспоминать, это будут счастливые воспоминания, вызывающие улыбку и теплоту. Так и должно быть, это как чистый источник. Я знаю, я много лет не могла проститься с Павлушей, но я была маленькой испуганной девочкой, которая потеряла любимого братика, а повзрослев, кое-что поняла, отпустила и почувствовала облегчение.

- Давай, что ли, повенчаемся? – предложил он шепотом.

- Обязательно, – улыбнулась она и испортила всю торжественность момента: – Но сейчас мне надо в туалет, потому что я беременная и мне часто хочется писать, а еще очень хочется есть. Но и с этим есть определенные проблемы.

- Разберемся! – пообещал Протасов, мгновенно подскакивая на ноги, присел, поднял Лизу на руки, постоял, пытаясь сообразить. – Так, где у нас тут туалет, а, да, помню, – и рванул к выходу. – Правда, там может не быть воды.

- А здесь у нас будет спальня? – расхохоталась Лиза. – Тем более что мы ее уже опробовали!

- Да? – с сомнением спросил Глеб. – А мне казалось, что на втором этаже, центральная комната с выходом на большой балкон, и там рядом ванная комната.

- А что? – призадумалась Лиза. – Мне идея нравится, надо посмотреть, – и требовательно попросила: – Только никакого больше средневековья!

- Ладно, поменяем эпоху. Как тебе, скажем, викторианский стиль? – предложил шутливо Протасов, опуская ее на ноги возле двери в туалетную комнату, и чмокнул в нос. – Или рококо?

Глеб собирался официально представить Лизу родне, по случаю чего Надежда Константиновна и Антонина Степановна расстарались шикарным обедом и ужасно волновались, но вмешался случай, и обед превратился в замечательно душевные посиделки на даче у Кирилла, который приехал к Протасовым с распоряжением от Глеба:

- Так, все, тетя Надя, дядя Максим, Антонина Степановна, собираем всю вашу вкуснятину! Глеб задерживается по каким-то неотложным делам, которые нельзя отменить, и дал указание доставить всех ко мне на дачу. Вот я и приехал вас перевезти.

- Да как же так? - растерялась и расстроилась мама Глеба. - Мы же готовились, и красиво все должно быть!

- А все и будет красиво! - лихо пообещал Кирилл, хватанул пирожок с подноса и откусил. - Да что вы волнуетесь, это ж не незнакомая какая-то чужая тетка, а наша Лизавета, а она у нас классная, не сомневайтесь. Давайте, поехали все будет в ажуре!

- В ажуре, - проворчал Максим Игнатьевич, но принялся за упаковку еды.

Вся торжественность и нервозность пропали в первые же секунды, как только прибывшая семья Протасовых начала выгружаться из машин, а к ним навстречу вышли Глеб с Лизой. Надежда Константиновна своим острым глазом тут же углядела небольшой животик Лизы, о беременности которой ее никто не предупреждал. Она шагнула к ней, обняла Лизавету, прижала к себе и заплакала, а принявший у отца коробку с пирогами Глеб наклонился к обнявшимся женщинам и весело напомнил:

- Mam, ей лучше не волноваться.

- Ничего, - сказала Лиза, - я с удовольствием поволнуюсь, - и состроила страшное лицо.

К маме Глеба присоединился папа, правда, без слез, просто обняв обеих женщин вместе охапкой и поцеловав Лизу в макушку. А подошедшая бабушка потребовала:

- Так, хватит вам обниматься, освободите мне девочку для поцелуя!

Все! Все друг друга приняли сразу же, рассмеялись и расслабились. Постепенно на дачу подтянулись совершенно не планируемые в этот день Потаповы - отец Лизы с Надеей и дядя Андрей с тетей Валей, как только Маня сообщила кому-то из них по телефону, что у них здесь проходят смотрины. Тут же все перезнакомились, и уже через десять минут хохотали дружно, сидя за большим столом, вспоминая, что вытворяли Кирилл с Глебом и друзьями в студенческие годы. И атмосфера сложилась такая, словно эти люди давние и близкие друзья. Ну, теперь-то уж точно станут, куда им деваться!

Глеб с Антониной Степановной, сдвинув головы, о чем-то тихо разговаривали, и подошедшая к ним сзади незаметно Лиза услышала конец фразы, сказанной Глебом по-испански:

- ...словно переключилось что-то в голове.

- А я уже побаиваться за тебя начала, Глеб, - призналась ему бабушка тоже на испанском. - Уж слишком затянулось это твоё состояние скорби. Бог знает, для чего тебе это дано было, может, как очищение или чтобы жизнь переосмыслил свою. Ведь Ольга, хотя и была неплохой хозяйкой и матерью, надо отдать ей должное, но совершенно не по твоему уму, таланту и характеру. И любви между вами не было, а ты зачем-то жил с ней. Жизнь, Глеб, настолько быстротечна, что тратить ее на ненужные, тягостные отношения, на чужих людей преступно. Какое счастье, что эта девочка прочистила тебе мозги.

- О, да это она умеет, - рассмеялся Глеб.

- Вот и хорошо, - строго, но довольно заявила Антонина Степановна. - И правильно, не даст

тебе заноситься куда не надо.

- Я сам больше не занесусь куда не надо, - посмеивался Глеб. - Теперь я нахожусь именно там, где мне и следовало быть давным-давно, еще пять лет назад, сразу же, когда понял, что Лиза предназначена только для меня.

- Вы оба правильно сделали, что не пошли тогда за своей страстью, - сказала Антонина Степановна. - Нельзя, чтобы кто-то третий разрушал семью, даже совсем худую. Накажет жизнь. Но ты, Глеб, помни всегда, что Лиза - твоя единственная женщина. Хотя я уверена, что эта умная девочка не даст тебе об этом забывать никогда и вообще будет держать тебя в тонусе.

- По-моему, - положив руки на спинки стульев, сказала Лиза по-испански, - вы двое совершенно игнорируете тот факт, что на испанском говорит пятая часть населения Земли и очень велик шанс, что рядом окажется кто-то испаноговорящий.

- Лизка! - развернулся к ней ошарашенный Глеб. - Ты знаешь испанский!

- Да, мой сеньор, - рассмеялась она.

- Почему ты мне не сказала раньше? И почему Кирюха никогда не говорил? - поднялся он со стула и обнял ее.

- А он не знает, я решила не посвящать родню, пока не выучу язык в совершенстве, а потом как-то и забыла сказать, а случая похвастаться владением испанского никакого не представлялось.

- И давно ты его выучила?

- Начала учить после нашего первого танго. Решила, пусть мне не суждено с тобой быть, но в твою любимую Аргентину-то мне никто не запретит съездить. А понять, что именно тебя в ней так очаровало, и вообще почувствовать страну без языка не получилось бы. Вот и выучила. Правда, в Аргентину так и не съездила.

- Мы обязательно съездим, - интимным шепотом пообещал он. - И я покажу тебе эту страну, и подарю. Всю. - И поцеловал ее нежным поцелуем, совершенно позабыв о гостях за столом.

- Нет, ты понял, мы снова попали! - всплеснула руками Надежда Константиновна, глядя, как ее сын целует ее будущую невестку. - Она тоже говорит по-испански! Ну скажи мне, почему мы за тридцать шесть лет жизни нашего сына так и не выучили этот их язык, а?

- Мне было лень, - быстренько признался Максим Игнатьевич.

- А у меня никаких способностей к изучению языков, - тяжело вздохнула его жена и признала, смиряясь: - Придется нам теперь троих терпеть с их секретами на иностранном языке.

- Сильно сомневаюсь, что они ограничатся этим количеством членов их клуба, - усмехнулся отец Глеба.

И, чокнувшись рюмочкой о рюмочку жены, с удовольствием выпил коньячку за это дело.

В стремительно спускающихся на город сумерках к самому элитному и знаменитому в Буэнос-Айресе «Дому танго» подъезжали дорогие автомобили, из которых выходили шикарно одетые

люди.

Музыка вырывалась из дверей здания и разносилась по улице так же свободно, как этот танец, ведь танго – значит прежде всего свобода.

Вечер был в разгаре, когда конференсье громко объявил публике:

- Господа и дамы! Мы рады приветствовать здесь великолепную и неподражаемую пару из далекой России! – и, перекрывая аплодисменты, форсировав голос, представил: – Итак! Сеньор и сеньора Про-та-соф!

Луч прожектора высветил столик, из-за которого поднялись двое в великолепных вечерних нарядах для танго.

- Я переживаю ужасно! Мама говорит, что он капризничает и хнычет уже третий день, – прошептала Лиза, пока они шли к танцполу.

- С нашим сыном все в полном порядке, – ответил ей Глеб, лучезарно улыбаясь публике. – Он в прекрасной компании двух прабабушек, одна из которых, между прочим, детский врач, бабушки, няни и всего нашего ковчега. Он просто не привык оставаться без тебя, вот и капризничает. Расслабься и перестань выдумывать всякие ужасы.

Закончив традиционный двойной поклон публике, Протасов притянул к себе и обнял партнершу, посмотрев ей в глаза:

- А теперь, Лиза, только танец. Только ты, я и танец.

И она утонула в его взгляде, и мир вокруг них исчез...

И-и-и... Трам! Та-та-да-та-та-й-да!

Двое танцевали страсть и любовь, двое жили и умирали, и возрождались заново, открыв самую главную тайну этого танца: в Аргентинском танго, под обжигающей страстью, под потерями и разрушениями жизни, и высокой, все прощающей любовью всегда скрыта надежда...